

КСЕНИЯ ПЛАТОНОВА

ТРИУМФ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТИХИЕ ШАГИ

18+

Триумф

Ксения Платонова

Тихие шаги

«Автор»

2026

Платонова К.

Тихие шаги / К. Платонова — «Автор», 2026 — (Триумф)

Трёхлетняя война осталась в прошлом — Святая Империя врачует раны, и простые люди впервые за долгое время позволяют себе надеяться на мир. Но только не те, кто служит короне. Камер-фрейлина Императрицы давно привыкла к приказам, за которыми не стоит цена — одно лишь беспрекословное исполнение. Её негласный союзник, адъютант Её Величества, несёт в душе бремя грехов — и свершённых, и тех, что в скором падут на его плечи. Пока они, укрытые тенью, охраняют спокойный сон ветреных графов и усталых крестьян, по имперским землям расползается нечто куда опаснее отгремевших пушек. Новая угроза не разбирает ни сословий, ни границ. Она уже коснулась молодого чиновника Дикастерии Посольских Дел, настигла хмурого набожного моряка и дотянулась до добродушной дочери обедневшего барона. Она пустила корни в самом сердце Империи — и первые плоды вот-вот созреют.

© Платонова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Клариче Фиоре	11
Глава 2. Жан де Риш	19
Глава 3. Клариче Фиоре	26
Глава 4. Жан де Риш	34
Глава 5. Клариче Фиоре	42
Глава 6. Андрий Звонельский	49
Глава 7. Жан де Риш	56
Глава 8. Клариче Фиоре	65
Глава 9. Осберт Ланс	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ксения Платонова

Тихие шаги

Пролог

*Я телом в прахе истлеваю, Умом
громам повелеваю; Я царь, — я раб,
— я червь, — я бог!*
Гавриил Державин, "Бог" (1784 г)

Густые сосновые леса Валамирешти отпугивали людей. Про них ходили легенды, и отнюдь не хорошие. Сосны росли неестественно близко друг к другу — ствол к стволу, и рассмотреть что-то далее пятнадцати шагов было практически невозможно. Кроны полностью перекрывали небо, и даже в полдень у земли было темно, как ночью. Офицеры, служившие здесь, любили повторять солдатам, что только дурак уйдёт в самоволку в эти проклятые чащобы.

Маркиза Домника Драгулеску была умной женщиной. И, как и любая умная женщина, всегда прислушивалась к своей интуиции, а она была полностью согласна с офицерами. Но выбора не было.

Белокурую миловидную девушку рано выдали замуж, да не за кого-нибудь, а за сюзерена её отца — сурового и молчаливого маркиза. Для неё свадьба стала самым счастливым днём всей жизни, ещё бы — ей столько радости сулили гувернантки и нянечки, но счастье испарилось так же быстро, как и пришло. Муж не любил ни её, ни свои земли: новоприобретенную супругу считал глупой, а мрачные сосновые леса, болота да горы западной марки — скучными и безынтересными. Проводил всё свободное время в охотничьих домиках, а возвращался только на праздники и ежесезонный смотр войск, обязательный в этих местах. Домника была предоставлена самой себе. Сначала это удручало её — не о такой судьбе она мечтала, — но потом начала получать удовольствие. Наслушавшись рассказов графинь о собственных замужествах на одном из Маскарадов, она вдруг осознала, что вполне удовлетворена и даже, страшно сказать, всё-таки счастлива.

Именно тогда, спустя год и два месяца после злополучной свадьбы, маркиза Домника увлеклась деревенской магией. Леса Валамирешти были тёмным местом не только на вид, но и по сути: в глухих деревнях, скрытых непроходимыми мрачными чащами, таились всевозможные культы и кованы. Деревенские знахарки на поверку оказывались ведьмами, а старосты — колдунами. Церковь не раз и не два пыталась вытравить еретические учения из этого гиблого места, но все тщетно — магия возвращалась, как её не уничтожай.

Домника быстро шла по ровному ковру сосновых иголок. За ней едва поспевала Аннека — камеристка и верная спутница своей госпожи. Они направлялись в самое сердце леса. Сюда не заходили деревенские, даже колдуны держались подальше, как любой хилый волк не заходит на территорию сильного. Маркиза собиралась увидеть леди Мадалину. Эта женщина, единственная из всех валамирештских колдуний, славила по всей Империи. Среди мужчин — злодейкой, у женщин — в качестве спасительницы и благодетельницы. Знахарки же боялись и презирали её, говорили, что у "этого животного нет сердца и нет души". Она откликалась на любую просьбу, сколь омерзительной та не была, но и плату брала немалую.

Просьба Домники не была омерзительной. Напротив, маркиза спешила на встречу с ведьмой по благородному делу и по наказу своей близкой подруги — Императрицы Тельмы Хион. Оттого невольно она периодически сбивалась на бег, а Аннека, силясь не отстать, падала.

Они шли уже два часа, а ведьминской хижины всё не было видно, и Домника начинала не на шутку переживать. По заверениям одного стоворчивого старосты, они должны были быть уже на месте.

— Госпожа! — раздался испуганный голос Аннеки, а затем глухой звук удара.

Домника рассерженно обернулась. Девчушка в который раз за ночь упала, и теперь неуклюже поднималась с земли, стараясь не опираться на руки. Запал маркизы тут же остыл, она подошла к камеристке.

— Поранилась?

— Нет, госпожа, мы можем идти, — замотала головой Аннека, пряча руки за спину.

— Дай посмотреть.

Девушка покорно вытянула ладони вперёд, сейчас больше похожие на двух ёжиков. На каждой из них она собрала по несколько сухих иголок, а из левой к тому же сочилась кровь.

Маркиза вздохнула.

— А ведь я тебе зимой подарила красивые перчатки. Надела бы — не поранилась. Ну ничего. Вынь иголки. Вернёмся в замок — сразу иди к медику.

Аннека закивала, принимаясь за дело, а Домника продолжила путь, на этот раз идя чуть потише.

Хижина показалась через четверть часа. Косая, поросшая мхом, ушедшая левой стороной под землю, она стояла на небольшой полянке и выглядела давно заброшенной. Даже свет в окне не горел. Если бы здесь каким-то чудом оказался случайный путник, он бы побрезговал войти, будь он хоть герцог, хоть нищий.

Домника глубоко вдохнула и выдохнула, собираясь с силами. Ей очень не хотелось идти в эту проклятую Творцом и Его Теургитами избушку, но долг звал.

Подойдя к покосившейся двери, она занесла руку, чтобы постучать, но её прервал резкий старческий голос:

— Кто припёрся среди ночи?

Маркиза услышала, как Аннека, стоявшая чуть позади, сначала зло засопела, а потом выкрикнула:

— Твоя хозяйка, старуха!

Домника обернулась, чтобы шикнуть на камеристку, но дверь распахнулась.

Леди Мадалина не выглядела ни как леди, ни как Мадалина. Ей было за шестьдесят, она носила старое много раз перешитое платье, а прическа, в которую были убраны её волосы, в лучшем случае можно было назвать гнездом. К тому же у неё не было одного переднего зуба, хотя говорила она совсем без свиста или шипения.

Домника почувствовала себя неловко. Она-то нарядилась в своё лучшее платье, планируя произвести впечатление на могущественную ведьму. А этой даме, судя по всему, плевать на внешность и регалии, иначе, помогая графиням и баронессам, она бы уже давно позволила себе наряд получше. Да и жильё побогаче.

— Хозяйка моя, говорите? — переспросила старуха, вперившись покрасневшими глазами в лицо Домники. — Маркиза, чтоль? Слыхала. И что ты тут забыла, маркиза?

— Госпожа Мадалина, я пришла к вам с вопросом и с просьбой, — осторожно проговорила Домника.

— Хех, — хмыкнула старуха и отошла вглубь избы. — Ну проходи.

Внутри всё-таки горел свет. Просто окна покрылись таким толстым слоем копоти, что не пропускали его. Хижина состояла всего из одной комнатки. И тут, вопреки впечатлению от внешнего вида, было обжито. По краям стояли тахты и табуретки, на большинстве лежало

по шкуре, волчьей или лисьей. Под на удивление высоким потолком висели связки трав и соцветий, засушенные, но каким-то магическим способом всё ещё спело пахнущие. Кровати не было, или, по крайней мере, её не было видно, а в центре комнаты стоял большой дубовый стол, достойный императорского кабинета.

Домника остановилась взглядом на нём и медленно потянулась к корсажу за платком. Ей стало дурно.

На столе в горе собственных перьев лежал неопратно освеженный филин. Его кровь залила всю поверхность и стекала на пол, образовав уже небольшую лужицу. Что удивительно, кровью совсем не пахло.

— Какие мы нежные, — протянула старуха, с мерзкой ухмылкой наблюдая за Домникой. — Только не выкинь мне сюда свой ужин. Сейчас уберу.

И она засуетилась. Домника подняла голову, заставляя себя считать пучки трав под потолком. Аннека вновь зло засопела, но на этот раз ничего не сказала.

Через пару мучительно долгих минут старуха каркнула:

— Всё. Чисто.

Домника опустила голову, кивнув:

— Благодарю.

Ведьма уселась на скрипучий табурет по другую сторону стола и сложила руки на груди.

— Ну. Говори, что хотела, маркиза.

— Вы.. знаете что недавно закончилась война? — зашла издалека Домника. Ей не предложили сесть, так что она стояла.

— Да кто об этом не знает! Вы хоть и дрались с этими попугаями в другом конце мира, но грохот пушек аж до нас долетал! Когда вы утомились, это все поняли. Тихо стало.

— Кхм.. Так вот. Я волнуюсь и хочу знать, будет ли ещё война вскоре.

Старуха кивнула.

— А кто ж не хочет. Понятное желание. А ко мне-то зачем пришла?

— Говорили, вы можете выяснить такое наверняка.

Ведьма замерла на пару мгновений, а потом заржала, как конь в расцвете сил. В окошке зазвенело стекло. Аннека отпрянула. Домнике удалось сохранить лицо.

— Как, интересно? В башку вашему императору залезу?

— Леди Мадалина! — шикнула Домника. — Я попрошу вас не использовать таких выражений в моём присутствии! За закрытыми дверями — сколько угодно! Но я — подданная!..

— Тише, тише. Успокойся, маркиза, — примирительно подняла руки старуха. Затем замолчала, пожевала нижнюю губу, задумчиво глядя на гладкую поверхность стола. — Ну, допустим, я владею нужными умениями, чтоб ответить на твой вопрос. Что ты можешь предложить взамен?

Домника была готова. Она потянулась к шее и, повозившись с застёжкой, сняла своё ожерелье — баснословно дорогое украшение, созданное из двенадцати огромных рубинов, тринадцати черных опалов и россыпи жемчуга.

— Оно стоит по меньшей мере десять тысяч виroleй.

Ведьма насмешливо спросила:

— И на кой оно мне? А, маркиза? Куда мне его выгуливать?

— Вы можете продать...

— ... Чтобы твои люди сразу же нашли меня, и в темницу бросили как воровку? Кто ж поверит, что оно моё? Нет, это не интересно.

— Я могу предложить деньги, но со мной не так много, — Домника похлопала по бархатному кошельку, пришитому к поясу. Камеристка же осторожно приняла из рук маркизы ожерелье и принялась застёгивать на её шее.

— Я повторяю свой вопрос: на кой всё это мне? Тебе что, дворцовыми люстрами глаза выжгло? Не видишь, как я живу? Зачем мне твои деньги?

— В таком случае, как я могу расплатиться за ваши услуги?

Старуха осклабилась, растягивая рот до ушей. Теперь было видно, что у неё нет не одного, а трёх зубов.

— Девчонку отдай.

Аннека вздрогнула. Домника вопросительно подняла бровь.

— Вам нужна помощница? У меня много расторопных служанок, я могу прислать любую.

— Мне не нужна любая, мне нужна эта, — ведьма тыкнула мозолистым пальцем в девушку. Аннека сжалась и чуть сдвинулась, прячась за спину маркизы.

— Леди Мадалина, это моя личная...

— Эта. Иначе проваливай отсюда.

Домника хотела что-то сказать, но промолчала. Императрица приказала любым способом узнать у известной на всю драную Империю колдуньи, будет ли в скором времени новая война, а если будет, то с кем. Любым — значит любым.

— Я останусь с вами, — дрожащим голосом проблеяла Аннека.

Домника с жалостью посмотрела на верную камеристку. Она попала к ней в услужение совсем девчушкой, когда Домника была ещё дочерью бедного барона. Тоненькой бледненькой Аннеке тогда было лет тринадцать, если не меньше. Сейчас ей было семнадцать, и маркиза Драгулеску успела привыкнуть к назойливому тонкому бляению своей камеристки, к её очаровательным детским порывам. Она даже себя как-то поймала на мысли, что у неё не два ребёнка, как все считают, а три.

И сейчас Домника особенно остро чувствовала привязанность к девушке, отчасти потому что теперь испытывала ещё и слабохарактерную благодарность. Ведь не нужно было приказывать ей остаться — Аннека вызвалась сама.

— Отдаёшь, маркиза?

Домника молча кивнула.

Ведьма радостно хлопнула в ладоши, а затем сорвалась с места. Она резво перепрыгнула через стол, схватила Аннеку за волосы и со всей силы приложила виском о край столешницы. Брызнула кровь. Девушка истошно завопила. Старуха чертыхнулась и ещё раз ударила её головой о то же место. Послышался влажный хруст. Крик остановился.

Домника оцепенела, в ужасе смотря на то, как ведьма яростно молотила головой Аннеки о стол. Вопль давно стих, но маркиза всё равно слышала его.

Тело Аннеки обмякло, повалившись на пол. Кусок черепа с хлопаяющим звуком откололся и просел, из-за чего видимая часть головы теперь была впалой. Запаха крови не было.

— Драть её баннным веником! — выругалась старуха. — Ты посмотри на эту козу, маркиза! Упала, скотина, а ведь могла бы не падать! Мне ж её тащить на стол!

Домника почувствовала, как темнеет в глазах.

— Эй! Не откинься мне тут! Тебе ещё предсказание слушать!

— Д-да... — проблеяла в ответ маркиза, безотчетно вторя привычным интонациям Аннеки, и тяжело опустилась на покрытую шкурой волка деревянную тахту.

Ведьма деловито подхватила тело на руки и бросила на стол. Ногой прижала влажную тряпку к полу и ею согнала лужу к выходу из избушки. Затем вернулась, тяжело вздохнула, размяла спину и достала нож откуда-то из крепления под потолком. Потом посмотрела на Домнику.

— Знаешь, что? Иди-ка ты наружу.

Маркиза заторможенно кивнула и медленно поднявшись, пошла к выходу. Уже на пороге её окликнули.

— Эй! Ты что хотела-то? Когда война, да?

— Да, — не своим голосом отозвалась Домника. — И если скоро, то с кем.
— Поняла. Ну, иди-иди.

*

Домника пришла в себя не сразу. Сознание было тяжёлым, а мысли вязкими. Она огляделась и поняла, что стоит в добрых тридцати шагах от хижины. В нос ударил неприятный запах. Она ещё раз оглядела окрестности, затем осмотрела уже себя и, увидев подол платья, поняла, что её, маркизу Драгулеску, одну из самых утонченных дам Святой Империи, попросту вырвало. Ей захотелось немедленно убрать эту гадость со своей красивой бархатной юбки, и она принялась руками яростно счищать рвоту с подола. Это не помогало, и Домника вопросительно воззрилась на свои же руки, которые до этого всю жизнь ей служили верой и правдой.

И тут она заметила странность: на ней были чёрные перчатки по локоть. Почему она была в перчатках?

Домника резко села на колени прямо на ковёр сосновых иголок. Она смотрела на свои ладони, запястья и не могла понять, откуда у неё появились перчатки. Она их не носит. Никогда не носит. Она их не любит. Неудобные же. Под ними кожа постоянно чешется.

Она зубами схватила за указательный палец правой руки, сильно прикусывая ткань до плоти, и рванула голову вверх. Перчатка упала на землю, а Домника, глядя на ладонь, тихо завывала.

Кожа была сморщенной и изрубцованной, будто кто-то немилосердный держал её в огне долгое время. На всей руке по локоть не было живого места. Слёзы полились из глаз.

Она сорвала вторую перчатку, и левая рука оказалась точно такой же: обожженной.

Домника согнулась и завалилась на бок, свернувшись калачиком на сырой земле. Она рыдала, уткнувшись в свои уродливые ладони, и судорожно повторяла:

— Что случилось... Кто это сделал... Руки мои... Такие красивые руки... Зачем... Зачем...

— С лисицами воевать будете, — сухо ответили откуда-то сзади.

Домника вскочила на ноги, путаясь в грязных юбках. Ведьма, по грудь испачканная свежей кровью, ровно смотрела на маркизу.

— Лисицы нападут. Притом скоро. Я б даже сказала, в этом году, — неприятно причмокнула губами старуха, затем с осуждением оглядела внешний вид своей гостьи и уточнила: — Это всё?

— В-Всё, — ответила Домника.

— Хорошо. Ну и проваливай.

Ведьма развернулась и зашагала к хижине. Дверь звонко хлопнула, и Домника как будто очнулась ото сна. Тяжесть покинула её сознание, оставив после себя звенящую пустоту, быстро заполняющуюся мыслями.

Она вновь посмотрела на руки, теперь уже удивляясь не ожогам, а своей памяти. Как она могла забыть? Уже семь лет её руки обожжены, постоянно болят и чешутся, и ей приходится носить перчатки. Она и дарит их всем постоянно, как бы подчеркивая, что ей очень нравится этот предмет гардероба, чтобы никто ни в коем случае не подумал, что они — вынужденная мера. Как она могла это забыть?

Маркиза постояла некоторое время на одном месте, успокаиваясь. Прийти в себя не получилось: её всё ещё трясло, а перед глазами вспыхивал и гас вид пробитой головы верной камеристки. Однако оставаться ещё дольше в лесу было нельзя. Скоро начнёт светать, и её точно хватятся в деревне, где она остановилась проездом. Домника глубоко вдохнула приятный сосновый воздух, силясь представить себе запах свежей крови, и решила, что размеренный шаг сам по себе — очень расслабляющее действие, которое сможет хоть немного привести её в поряд-

док. И то, как должно было пахнуть от трупа Аннеки, не надо пытаться вообразить. Отсутствие запаха — милосердие ведьмы, хоть какое-то; и его нужно принимать с благодарностью.

Она шмыгнула носом, утёрла слёзы и сняла через голову верхнюю испачканную юбку.

Несколько мгновений маркиза Домника Драгулеску рассматривала свои перчатки и подол, сиротливо лежащие у ствола сосны, потом кивнула чему-то и зашагала в лес. К счастью, она точно помнила дорогу обратно.

Глава 1. Клариче Фиоре

Солнце лениво поднималось из-за Гамьятских гор. Весной начало дня в столице было неизменно холодным и Клариче, так и не отвыкшей от родной жары, приходилось кутаться в шаль. Во дворце перестали топить десять дней назад. Императору доложили, что подвальные печи неисправны — то ли деформировались, то ли укладка трещинами пошла, — а он только обрадовался этой новости. Ему пытались отчитаться, что уже готовы жаровни и грелки для замены, но он и слушать не стал. Объявил, что отныне двор должен жить по-летнему и добавил пару шуток об изнеженных графах и виконтессах, которым нужно чаще закаляться, от этого здоровья прибавится. Императрица, хоть и была крайне теплолюбивой, с улыбкой поддержала супруга. И теперь, стоя в покоях Её Величества, кутаясь в самую тёплую шаль, какую только смогла у себя найти, Клариче молча проклинала заcalку Государя.

Приближался Маскарад — главный праздник Империи по негласному мнению дворянского сословия. Время танцев, вина, скабрёзных шуток и всяческого разврата. И, как велят традиции, за четырнадцать дней до торжества Императрица пригласила ко двору лучших портных и купцов, чтобы благороднейшие дамы Кетерата выбрали себе наряд под стать. Сейчас в комнатах Её Величества стоял гвалт, да такой силы, что, Клариче была уверена, слышно было на мужской половине дворца. В четырёх просторных залах расположили столы, на которых пестрели полотна тканей всевозможных цветов и узоров. Каждый стол «принадлежал» определённому купцу или портному, и у каждого дежурили пажи, записывающие заказы придворных дам. Самих дельцов внутрь не пускали. На женское крыло дворца дозволено было заходить только пажам и гвардейцам. И то далеко не всем.

Клариче Фиоре, камер-фрейлина Императрицы, стояла у окна, задумчиво расправляя несуществующие складки юбок. Свой выбор она уже сделала, а поддерживать светские беседы с охающими и ахающими барышнями не хотелось. У неё начинали еле заметно гудеть виски, а значит, скоро в полную силу заболит голова. Звонкие возгласы только пришпорят недуг.

— Клара! — зычно окликнули сзади.

Девушка развернулась и тут же присела, обозначив реверанс.

— Да, Ваше Величество?

Императрица Тельма Хион полулежала в излюбленном кресле, поглаживая гриву рыжих волос. Благородным дамам не по статусу носить волосы распущенными, но Тельма носила.

— Где наше новое приобретение?

Клариче оглядела толпу, взгляд зацепился за два светлых силуэта на фоне старинного полотна Натьерского художника, и Клариче отозвалась:

— У "Танца на берегу" Лефера. Пытается выдержать напор графини Танагрос.

— Какой кошмар. Надо спасти девочку, не то, боюсь, не доживёт до Маскарада.

— Полностью согласна, Ваше Величество, — Клариче поправила сползающую шаль и двинулась к своей подопечной.

Ивонет фон Ланг вывели в свет во время последнего бала — пару дней назад — и Императрица тут же взяла её под свое крыло, впрочем, фрейлиной пока не назначила. Девушка была провинциалкой, никогда не видевшей столицы и не знавшей её нравов, оттого она уже несколько раз грубо нарушала этикет, сама того не понимая. Последний случай был особенно вопиющим — девица фон Ланг непроизвольно назвала вице-канцлера собакой, и, хоть тот и вошел в положение, сказано это было на людях, а люди долго забывают такие курьезные случаи.

Вот и сейчас, молодая девушка в нежном лиловом платье держала в руках два обрезка ткани: красный и насыщенный зелёный. Она в нерешительности подносила к лицу то один, то

другой, а графиня Сесилия Танагрос щебетала ей на ухо, расхваливая оба. Стоило Клариче приблизиться к дамам, как графиня стушеввалась и попыталась удалиться.

— Доброе утро. Сесилия, дорогая, вы уже выбрали себе ткань для наряда? У вас такой утонченный вкус, помню, в прошлом году вы затмили даже Её Величество, что, по общему мнению, просто невозможно. В этот раз вы повторите свой успех? Превзойдете Императрицу?

Несколько близстоящих дам потрясенно обернулись в сторону графини. Та испуганно заозиралась, бросила злой взгляд на Клариче и, скомканно распрощавшись, исчезла в толпе.

— Сударыня, у графини Танагрос и правда был столь безупречный наряд? — Ивонет прижала обрезки к сердцу.

— Нет, конечно, — фыркнула Клариче. — Она бы не посмела.

— Не понимаю, — честно отозвалась Ивонет.

— Пока и не надо. И бросьте эти ткани, сударыня, они вам не пригодятся.

Фон Ланг насупилась совсем как ребенок, но обрезки положила на стол, нежно разгладив рукою. Ситуацию с вице-канцлером тогда спасла именно Клариче, насколько было возможно, и Ивонет запомнила это. Девушка быстро училась.

Клариче взяла Иво по руку и повела к соседнему столу. Здесь лежал лисий шелк — нежные ткани, привезенные с далёких берегов Лисхэ.

— Выбирайте из белых и лиловых.

— Из фамильных цветов?! — вскинулась Ивонет, не отбирая руки. Клариче сделала над собой усилие, чтоб не поморщиться. Головная боль усиливалась, и визги ей только способствовали.

— Именно. В Маскараде от Маскарада только название. И маски, безусловно. Несколько десятилетий назад все действительно старались придумать костюмы понеобычней, позагадочней, из-за чего во время торжеств во дворце селили целый полк медиков. За один день происходило десять-двенадцать дуэлей и где-то пятнадцать отравлений. А Маскарад идёт три дня. Считайте, сударыня.

— Что считать? — не поняла Ивонет.

— Количество умерщвлённых дворян, — Клариче взяла белый лоскут и поднесла к щеке девушки. Та задумчиво рассматривала спину графини Танагрос, уже о чем-то смеющейся с двумя другими фрейлинами. Клариче улыбнулась уголками губ — девушка и правда быстро схватывала.

— Я хочу принести вам свои извинения, сударыня. В свою защиту могу только сказать, что я склонялась к красному, а не к изумрудному.

— Ничего страшного. Это Сесилия должна просить прощения, и не у меня, а у вас. Она же вас подставляла.

Тепло улыбнувшись в ответ, Ивонет перебрала рукой несколько лоскутов, неудовлетворительно откладывая каждый из них, а затем нахмурилась и принялась за дело всерьёз. Она выбирала скрупулёзно, внимательно осматривая каждый образец. Паж, прикрепленный к этому столу, сначала клевавший носом, сейчас окончательно проснулся, следя сложным взглядом за действиями девушки. Выбор затягивался, и Клариче уже хотела вмешаться, предложив свой вариант, но заговорить ей не дали.

— Сударыни мои!

Гвалт стих. Все обернулись к Императрице. Тельма грациозно поднялась из кресла и, изобразив свою самую душевную улыбку, объявила:

— Надеюсь, все уже определились. Второй час идет, не стоит морозить купцов дольше нужного. Подбор окончен.

Отовсюду раздалось злое перешептывание неудовлетворенных дам, заглушаемое шуршанием юбок. За 18 лет они так и не привыкли к повадкам Императрицы — все дела, которые занимали у искушенных аристократок весь день, она заканчивала за его четверть. Забегали

пажи, унося вниз образцы. Там, во дворе Саланийского дворца всё это время стояли десятки карет и повозок, а купцы взбирались на козлы, стараясь разглядеть в окнах хоть какой-то намек на происходящее с их товаром. Они ждали заказов и вот дождались.

Ивонет повернулась, чтобы удалиться со всеми, но Клариче её остановила:

— Куда вы, сударыня?

— Её Величество нас отпустила, — неуверенно ответила фон Ланг.

— Её Величество отпустила придворных и своих гостей, но вам стоит остаться с фрейлинами.

Залы практически обезлюдели за десять минут. Свитные дамы переместились на мягкие кресла и тафты, Клариче подошла к трельяжу. Сама Тельма за это время успела пересобирать свои волосы в высокую аккуратную причёску, причем сама и без зеркала. Ивонет смотрела на данное представление с выражением суеверного ужаса на лице, то и дело косясь на фрейлин и служанок — никто и не попытался помочь Императрице.

— Итак, на повестке дня... — протянула Тельма, оглядывая оставшихся, — у нас поездка в Собор Святой Аргеи. Мы считаем, что в последние дни недостаточно времени уделяем Творцу и Его Теургитам, и нужно незамедлительно исправить эту ужасающую оплошность. Собираемся, сударыни. Нас ожидает небольшая поездка. И да, не обременяйте себя обязанностью всюду сопровождать меня. Мы не на службу едем, а по велению сердца. Если давно не исповедовались — сейчас подходящее время.

Фрейлины спешно поднялись и как можно быстрее покинули комнаты Императрицы. Клариче смотрела им вслед, массируя точки на ладонях ближе к большому пальцу. Личный медикус отца как-то упоминал, что это бесхитростное упражнение помогает усмирить головные боли. Клара же приходила к пониманию, что старик либо врал, либо пересказывал чужую ложь. Массаж не помогал. Но Собор — это замечательно, ладан всегда положительно влиял на самочувствие девушки.

Ивонет, напоследок поклонившись отдельно Кларе, выскользнула из комнат последней. Императрица направилась в будуар, и Клариче молча проследовала за ней.

Как только они вошли в просторную, пахнущую розами комнату, Тельма Хион выгнала всех камеристок, слетевшихся было помогать Её Величеству, и опустилась на ближайший диван. Хархирский. Резной. Подарок прошлого посла, как его звали... сейчас и не упомянуть. Его казнили свои же люди сразу после начала войны.

— Клара, как она?

— Сообразительная. Но сильно доверчивая.

— Да, видно. Я бы ей позавидовала, да незачем. Она станет фрейлиной Аспасии. Молодец, что не отпустила девушку с остальными гостями. Пусть привыкает к новым обязанностям, — Тельма по-мужски растёрла шею и скинула шаль. Клариче же, вспомнив, что носит схожую, поправила свою.

— Благодарю, Ваше Величество. Приятно знать, что хоть иногда слухи не врут. Дворец гудит о новоприбывшей провинциалке. И судачит, что Вы сделаете из неё то ли камер-фрейлину, то ли “отдадите” одной из принцесс.

— Сложно было не догадаться, — протянула Императрица, разглядывая манекены с дорожными платьями, похожими друг на друга до безобразия. — Зачем ещё она бы мне понадобилась. А про брата её что-нибудь говорят?

— Что он станет вашим адъютантом.

— Верно. И тут угадали. Или не угадали. Осталось дожидаться его приезда. Передают, Дитрих такой же, как она — наивный, но схватывающий на лету. Она его упоминала?

— Один раз, вчера на чаепитии. Сказала, что он “очень серьёзный” и “верен короне”.

Императрица задумчиво молчала. Клариче поглаживала свою шаль. Слышно было, как за стеной бегают по коридору слуги — видно, фрейлины в спешке обмениваются украшениями или дорожными платьями.

— Надену его. Зови камеристок, — Тельма указала на светло-зелёный наряд с золотыми оборками. — Я видела, что ты выбрала для Маскарада. Приятный шелк. Удостоверься, что твой портной поработает над ним не щадя сил и времени, и будь спокойна, если платье окажется прелестнее, чем дозволено.

— Ваше Величество, — Клариче низко поклонилась и поспешила в свои покои. Пока что она решила не думать о ремарке про Маскарад. Тельма любила заранее дать указания, касающиеся какого-либо её очередного плана, не вдаваясь в объяснения, и пытаться предугадать, к чему относится тот или иной приказ, как правило, было бесполезным делом.

*

В дорожном наряде государыня спустилась вниз. Клариче следовала за ней, так и не переодевшись, только накинув плащ на плечи. Восточный двор, в отличие от Западного, был меньше и закрыт для всех, кроме Императрицы и её свиты. Здесь не было потеющих от переживания купцов, по краю росли не пасторальные белые тюльпаны, а теффские розы, требующие неприлично внимательного ухода.

Экипажи уже были готовы. Прочие фрейлины стояли около второй и третьей кареты и о чем-то задорно смеялись, особняком держалась Ивонет. Тельма Хион забралась в первую. Клариче последовала за ней. Лакей захлопнул дверь. Камер-фрейлина расправила юбки, а потом достала из-за корсажа кулон Трёх Теургитов. Три звезды, вестницы и слуги Творца, были рубином, бриллиантом и аметистом, соединёнными мастером Лацисом в маленький шедевр ювелирного искусства. Прежний кулон — тяжелый фамильный изумруд — девушка сняла и заменила на новый, более подходящий случаю. Императрица весело улыбнулась, наблюдая за этим.

Сначала справа, а потом и слева пристроились гвардейцы. Конь одного из них заржал и мотнул головой, бряцнула шпага седока. Клариче вздохнула. Обычно рядом с императорской каретой едут адъютанты. Жан сейчас далеко, а Себастьян и вовсе там, откуда не возвращаются. Девушка не хотела себе признаваться, но одной, без своих верных пособников и соучастников, было тяжело. Тельма как всегда всё поняла правильно.

— Виконт Риндье скоро вернётся к нам, а затем прибудет и виконт Лангберг.

— С нетерпением жду возвращения первого, — отозвалась Клара, вспоминая, как незадолго до скомканного отъезда Жан грозился, что обязательно привезёт лучшего вина из семейных погребов, и они вместе его откупорят.

— А знакомиться со вторым, стало быть, не желаешь?

— Я уверена, Дитрих фон Ланг станет Вашим верным слугой и моим надежным товарищем.

Тельма хохотнула.

— Станет.

Процессия тронулась. Сначала за окном мелькали дворцовые постройки и многовековые дубы императорского сада, издали был виден Птичник — огромное стеклянное здание, гордость покойного батюшки нынешнего Государя. Потом свет мигнул — экипаж проехал Восточные ворота — и карета покатила по столичным улочкам.

Аргея была шумна, грязна и местами немного красива. Брат рассказывал, что все столицы такие, и Клариче ему немного завидовала. Витто было, с чем сравнивать, он в разных местах побывал. Императорский кортеж проезжал по опрятной части города — Соборным кварталам: здесь располагались поместья богатейших дворян и дорогие злачные заведения, несколько театров, неизвестно как выбивших себе эту землю, и сам Собор Святой Аргеи.

Дорога пролежала через чистые улицы, вдоль роскошных особняков и приветливых горожан. Краем глаза камер-фрейлина заметила компанию подданных высокородных стрейсторцев, которые, приметив императорскую карету, громко засвистели и удивительно стройно закричали: “Да здравствует Государыня Императрица!” Ещё через две-три улицы мимо проскакал один из посыльных Дикастерии Посольских Дел. Клариче попыталась успеть разглядеть, кто именно спешил по делам канцлера, но увидела лишь красное пятно на соловой лошади.

— Клара, — тихо позвала Императрица.

— Да, Ваше Величество, — девушка тут же собралась. Тельма Хион, пышущая жизнью женщина, обычно звучавшая громко даже тогда, когда не хотела этого, обращалась к своему тихому голосу только в крайне серьёзных случаях.

— Первое. Сегодня в час пополудни в Фиалковом кабинете ты встретишься с мастером Сальго. Помнишь его?

Клариче кивнула. Худой зельевар был немногословен, безлик и очень добр. Как он дожил до своих пятидесяти с мягким сердцем, учитывая его ремесло, было загадкой похлеще болотных пум.

— Чудно. Примешь от него два флакона. Извинишься, что я не смогла быть. Уберёшь, знаешь куда. Завтра я отправлю тебя в свой кабинет за какой-нибудь мелочью. Заберёшь бутылёк с оранжевой жидкостью. Будешь держать при себе.

В прошлый раз после таких инструкций занемог и скончался прежний маркиз Розмарк, молодой здоровый мужчина. Интересно, кто сейчас сляжет с неожиданной диареей? Правда, водица была другого цвета... Клара внимательно слушала.

— Второе. Завтра приезжает Аспасия. Я удостою её аудиенции, но позже придётся заняться приготовлениями к Маскараду. Скорее всего, в ближайшие два-три дня я не смогу полноценно увидеться с дорогой дочерью. Устрой для неё чаепитие. Заговори, как ты можешь. Справься о самочувствии. Твоя задача — незаметно подлить ей пять капель. Это всё.

Камер-фрейлина, будто со стороны следя за собой, заметила, что её несколько не удивил и не покоробил такой приказ. Она без заминки отозвалась:

— Как прикажете, Ваше Величество.

*

Белоснежный собор высился над площадью Триады. Он был умело спроектирован: в удачные дни шпили сливались цветом и фактурой с облаками, казалось, что обитатели Творца нет конца на брэнной земле. Нижние окна здания были застеклены алыми витражами, верхние — пурпурными, средние — белыми, а над входом красовался мурал, изображающий Святую Аргею, умирающую над поверженным Архонтом Тобиасом. Сама дева была бледной, как смерть, её кровь, стекая, заливала весь пол, а глаза светились, окрашивая фиолетовым небеса на изображении. Таким образом все три цветовых уровня собирались в одну исполинскую картину.

Экипажи остановились, и лакеи отворили двери. Императрица вышла на площадь, накинув на голову шаль — на этот раз белую. Сэль-матр Бэлла стояла на верхних ступенях, и Клара издали чувствовала привычное напускное добродушие своей тётки.

Камер-фрейлина улыбнулась. Вот сейчас день похорошеет.

Внутреннее убранство Собора было ещё богаче, чем внешнее. Стены и потолок были высечены из белого мрамора, пол — из черного. С внушительных поперечных балок у сводов ниспадали хоругви с изображением кинжала — символа Святой Аргеи. В военные времена их снимали и распределяли по основным военным формированиям, чтобы дух Защитницы всегда был с командующими и солдатами. Основной зал был так же украшен серебряными полотнами ткани и множественными постаментами, на которых покоились предметы, принадлежа-

щие когда-то самой Аргее: книги, диадемы, локон волос, письмо, написанное ею своему брату. Самое драгоценное из всех сокровищ лежало на изысканном алтаре в апсиде — кинжал.

Согласно Писанию, когда Кетер Первый основал Империю, его прежний сюзерен, Архонт Тобиас Мон, приплыл в эти земли, чтобы заявить на них свои права. Развязалась долгая и изматывающая война. В конце концов, люди врага захватили в плен сестру Первого Императора — прекрасную Аргею. И пока Кетер пытался придумать план, как вызволить её из заточения, молодая девушка сама исправила своё прискорбное положение. Во время того как её, едва живую, Тобиас тащил по лагерю от своего шатра в застенки, она извернулась, выхватила кинжал из-за пояса похитителя и всадила ему в сердце. Архонт не успел ничего понять — девушка хитро притворялась измученной, и он не рассчитывал на такие резвые действия. Естественно, её тут же зарезала стража. Но воспоминания людей Тобиаса, заставших это историческое событие, остались. Все они писали о том, как Святая умирала с нежной улыбкой на губах. Улыбкой человека, окончившего войну и таким образом выполнившего своё предназначение.

Нельзя было сказать наверняка, правда ли эта история произошла, в конце концов и мемуары военачальников Тобиаса могли оказаться творчеством церковников, а если и да, то ровно ли так всё было, как утверждают теургийцы. Но одно Клариче знала точно — кинжал определенно был подделкой. Тётушка Бэлла как-то по секрету рассказала Кларе, что Орудие Освобождения было выковано одним талантливим императорским оружейником три поколения назад, после чего “чудесным образом нашлось” на раскопках около столичного порта, ведь именно на месте того самого военного лагеря и построена столица Кетерата. Клариче находила весьма забавным то, что на службах священницы и дворяне кланяются подделке, которая в лучшем случае столь же ценна, что и самая дешевая шпага Императора.

Вот и сейчас, поприветствовав друг друга, сэль-матр Бэлла и Тельма Хион направились вглубь Собора к постаменту с кинжалом для вознесения молитв. Фрейлины, составляющие свиту Императрицы, разделились: некоторые нашли своих духовниц и отошли исповедоваться, но большинство последовали за Императрицей, чтобы присоединиться к таинству. Клариче же отвела Ивонет в сторону. Девушка большими глазами рассматривала убранство.

— Здесь так красиво, — на выдохе сказала она.

— Не могу не согласиться. У вас, как я понимаю, не было времени посетить Собор раньше?

— Нет, о чем я сейчас несказанно жалею.

— Ничего страшного. Идите за мной.

Клариче, взяв под руку Иво, прошла вдоль стены к правой лестнице, ведущей на второй уровень. Наверху в закутках располагались исповедальни.

— Поднимайтесь. Там ждут прихожан несколько священниц. Выбирайте любую или подождите, пока кто-нибудь к вам не подойдет. У вас, сударыня, обязательно должна быть духовница в Аргее. Понимаю, что скорее всего она уже есть дома, но здесь такие нравы. Если не приезжаете покаяться хотя бы раз в пять-шесть дней, на вас будут косо смотреть.

— Конечно, — Ивонет незамедлительно ступила на лестницу.

Клариче провожала её взглядом, когда к ней подошла сестра Гвиневра. Сухопарая вечно чем-то недовольная священница приветственно кивнула камер-фрейлине.

— Грешила ли ты, дитя моё?

— Пока что нет, сестра, но день только начался.

Гвиневра зло шикнула на подопечную.

— Ещё громче скажи это! Не все услышали! Идём, бессовестная! — она, резко развернувшись, направилась к апсиде, где в отдельном углублении в стене стояли исповедальни особо важных гостей. Сюда пускали членов императорской фамилии, некоторых Нешских и Эзонов, а также, самое главное, всех Фиоре.

Клариче, забираясь на свою половину, несколько раз проверила, плотно ли она закрыла скрипучую дверцу. Из-за решетчатого окошка раздался раздраженный голос:

— Прекрати мучить старую мебель.

— Не прекращу. Нас слышно будет.

— Клара, ты это каждый раз говоришь, и каждый раз никто ничего не слышит. Прекрати, кому сказала! — по стенке грозно стукнули.

Камер-фрейлина отпустила ручку двери и, немного повозившись, села ровно. В кабинке стояла масляная лампа, которую положено было зажигать, но искусственный свет неприятно резал глаза Клариче, и к её приходу, как правило, лампу не трогали. На этот раз, видимо, о чувствительных глазах девушки решили забыть, поэтому она зло щурилась на ненавистный светильник, который невозможно было потушить изнутри исповедальни.

— Итак?

— Итак... — вздохнула Клара, собираясь с мыслями. — Четыре дня назад я совершила грех пьянства: нужно было узнать у гонца, почему поставки зерна из Ката задерживаются. Узнала. Один мелкий чиновник напутал с расчетными книгами, люди герцога переписывали отчеты, пытаясь скрыть его оплошность, и на самом деле неплохо с этим справились. Насколько мне известно, я первая, кто получил эту информацию, хотя прошло достаточно времени с задержки обозов. Два дня...

— Подожди. Кто напутал?

— Франц Хофер, мещанин. Ранее был точен в службе. Его наказали, но не сильно. Он нравится герцогу.

— Ясно. Далее.

— Два дня назад во время выборочной проверки почты выяснилось, что фрейлина Леонор Брэкенмур ведёт любовную переписку с хархирским аристократом, одним из послов, приехавших к нам на подписание капитуляции. Я приказала служанкам перехватывать её письма, но пока что новых не было. Её Величество подозревает, что это не дела сердечные, а нечто хуже. Леонор — умная девочка, и на чувства не повелась бы.

— А ты?

— Не поняла.

— Что думаешь ты?

— Я считаю, что могла и обыкновенный роман закрутить. Никогда не знаешь, когда очаровательный офицер на голову свалится, а, насколько я помню, послы все были писаными красавцами.

— Имя?

— Зариназ Си-Кельвит. Он... — Клариче нахмурилась, напрягая память. — Цушхин. Граф по-нашему. Но это только догадки. Имён в письме не было, я сопоставляла рассадку хархирцев за столом со "...светом канделябров, изящно подчеркивавших шрамы на вашей щеке".

— Хорошо. Далее.

— По пути сюда Её Величество приказала мне убить принцессу Аспасию, — Клариче замолчала, давая словам осесть в тишине исповедальни.

После недолгого молчания, Гвиневра спросила:

— Каким образом?

— Отравить. Подлить одно из зелий мастера Сальго Её Высочеству. Сам яд, оранжевый по описанию, получу сегодня ночью от него же.

— Императрица упоминала именно убийство?

Клариче задумалась:

— Нет кажется, нет.

Священница стукнула кулаком по решетке, сердито говоря:

— Ну и не прыгай к безосновательным заключениям! Это может быть что угодно! В прошлый раз ты доложила, что Её Величество хочет завести любовника, а оказалось, это Император письмо своему генералу через Неё послал.

— Хорошо, учту, — буркнула Клариче.

— Всё?

— Всё.

— Отпускаю твои грехи и благословляю на праведность, вверяю силу на сохранение чистоты помыслов и деяний. Да пребудет с тобой Взор Защитницы в ночи и при свете дня, во снах и наяву, — мелодичным напевом произнесла Гвиневра, после чего сухо добавила: — Если это и правда убийство, твой отец не обрадуется.

— Догадываюсь. Аспасия же помолвлена на вестторском принце, придётся им младшую принцессу отдавать, а это уже не выгодно.

— Не в этом дело. Герцог Фиоре уехал на север. Просил не беспокоить по мелочам. Смерть Её Высочества, даже потенциальная, — не мелочь. Ты знаешь своего отца, если велит не отвлекать, значит, не просто так. Ну и да, уже всех правильных камеристок и служанок для свиты принцессы подобрали. Столько сил впустую.

— Не думаю, что он сорвётся с места, даже если Аспасия нас покинет. Ты как будто собственной сэль-матр не доверяешь. Тётушка Бэлла справится с ситуацией.

— Да. Ты права, — Гвиневра зашуршала одеждами, вставая: — А теперь брысь отсюда, сударыня. Если не присоединишься к молитве Её Величества, твоя дражайшая тётя меня съест живьём и не подавится.

Клариче уже выскакивала из исповедальни, на прощание негромко хлопнув скрипучей дверцей.

Глава 2. Жан де Риш

Неель-д-Ривьер всегда был дождливым городом. Мало того, что он располагался у подножия гор, за которые так любили цепляться тяжелые грозовые тучи, так ещё его огибала река с трёх оставшихся сторон. Как ни перестраивали мостовые, всюду стояли вечные лужи, а дома покрывались то зеленой, то черной плесенью.

Жан де Риш и его семья застряли в этом недружелюбном месте во время очередного ливня. Юный адъютант вез свою мать и младшего брата в столицу. Дождь был ожидаемым препятствием, но никто и подумать не мог, что лить он будет с такой силой. Дороги до Аргеи были хорошими, карета была подобрана с расчетом на проезд по земле Неелей, да и лошади не раз выполняли свою неблагодарную работу в дождь, но всё-таки пришлось останавливаться.

— Вы уж простите нас, Ваше сиятельство, но комнат совсем не осталось, — хозяин гостиницы старательно изображал учтивость, время от времени косясь на резной герб, украшающий дверцу кареты. — Не дело это — выгонять прочих постояльцев. Они уже заселились и давно спят — глухая ночь же. Да, к слову сказать, столь же высокородные, что и вы. Не поймут-с.

Жан знал, что половина гостиницы пустует, и даже если бы была занята полностью, некоторых жильцов точно можно было бы попросить освободить комнаты ради семьи графа. Он это знал и ничего не мог с этим сделать — в Неель-д-Ривьере его фамилии были не рады. Ливень как назло поймал его с матерью и братом именно здесь.

Адъютант молча кивнул хозяину гостиницы, мелкому сальному мужичку, и ушел к карете. Подойдя, он остановился в шаге от двери и отстраненно посмотрел на лошадей: две из шести спали стоя, а остальные, молодые и энергичные, задорно ловили струи дождя мощными ртами. Промокший насквозь кучер клевал носом. Жан тряхнул головой, разбрызгивая веером капли с кудрявых волос. Его белоснежное одеяние сейчас выглядело ужасно — доломан потемнел, и даже золотая вязь на груди выглядела бронзовой, а на чакчиры и черные сапоги и вовсе было больно смотреть: они покрылись несколькими слоями неельской грязи. Немного спасало ситуацию пальто, оно прикрывало доломан со спины, так что хоть где-то он сохранил свой натуральный белый цвет. Но, что более важно, пальто спасало ещё золотую вязь на левом рукаве — инициалы Императрицы, искусно обшитые золотыми нитками в форме лиан и цветов. Жан бессознательно взялся за руку в том месте, где под пальто и должна быть эта вышивка, и потер, зло сжимая пальцами собственные мышцы, чтобы почувствовать сквозь ткань буквы Т.А.В.Х.

Это была уже пятая гостиница, отказавшаяся принимать на ночлег де Ришей. И что-то подсказывало, оставшиеся две так же ответят отказом.

Жан уже потянулся, чтобы открыть дверь кареты и войти, как вдруг услышал сзади:

— Друг мой любезный, вот скажите, что вас надоумило пускаться в путь именно в эти дни? До Маскарада ещё уйма времени! К чему такая спешка?

Адъютант обернулся. К нему на белоснежном коне подъезжал молодой мужчина, одетый в ту же форму, что сам Жан, только, и это знал каждый имперец, золотая вязь под пальто была не на левой руке, а на правой, да и сами инициалы принадлежали Императору, а не Императрице.

— Димитрий! Какая встреча! — Жан никому бы так не обрадовался, как своему боевому товарищу. — Что ты забыл в этом городе?

— Тебя. И твою уважаемую матушку. И... брата, если не ошибаюсь? — Димитрий спешил, обдав Жана брызгами из лужи. — Ты зачем Бастьена-то в столицу повез?

— Он уже большой, ему скучно дома сидеть, — ответил Жан. На его губах плясала дурацкая блаженная улыбка. Маркиз Димитрий Нешский был человеком невероятным. Адъютант

Императора был ещё молод, но уже вошел в легенды у дворян и простолюдинов как сказочный герой, для которого не было ничего невозможно. Казалось, прикажет Его Величество ему завоевать Весттор или достать Камень Желаний, как Димитрий только скажет «слушаюсь» и через пять минут перед Императором будут лежать ключи от соседнего королевства и магический алмаз в придачу. И если сейчас Димитрий пришел спасать Жана и его семью от дождя и нелюбви Неель-д-Ривьера то определенно спасёт.

Из кареты донесся сонный женский голос.

— Жан? Это ты?

Адъютант только хотел откликнуться, но инициативу перехватил Нешский:

— Не угадали, Ваше сиятельство!

Шторка в окошке сдвинулась, из тьмы кареты показалось моложавое личико матери Жана — графини Анжелики де Риш. Она выглянула, вперившись своим пустым страдальческим взглядом в Димитрия. Лицо её чуть разгладилось, а губы как будто против воли хозяйки показали робкую улыбку.

— Какая встреча, маркиз. Вы пришли нас спасти от этих негостеприимных варваров?

Жан поморщился. Надежда и святая уверенность в голосе матери покоробили его, хотя сам с теми же чувствами и, он был уверен, с теми же светящимися глазами встречал Димитрия только что.

— Ну как же я могу вас здесь оставить? Точнее не я, а Её Величество. Наш Государь передал меня на несколько дней в пользование своей блистательной супруге, а Она уже направила меня вам на встречу, — Димитрий отвесил шутовской поклон, и пола его пальто с громким чавкающим звуком окунулась в лужу. Адъютант Императора, казалось, не заметил этого. — Вели своему кучеру ехать за мной, Жан. Я снимаю небольшой домик в городе, там найдется место для всех моих друзей и их родственников.

Маркиз легко взлетел в седло своего коня и проехал вперед.

— Ох, как же нам повезло — Её Величество всё ещё благосклонна к нам, несмотря на то, что ты натворил, — голос матери утратил восхищенные нотки и вновь вернулся к тону святой мученицы. Она всегда была такой — вечно болезненной женщиной с горестным взглядом. Жан сначала этого не понимал, ведь у матери было всё, что она только могла пожелать, но неизменно она находила в своей жизни что-то, что, как ей казалось, шло не так, и с усердием страдала от этого. Уже позже, заступив на службу, повидав разных людей, он увидел, что это всего лишь такой склад характера, и поделать с ним ничего нельзя.

— Императрица мудра, матушка. Она всегда видит картину целиком и знает, кто достоин её покровительства, а кто нет, — с терпеливой улыбкой ответил Жан. Он принял от слуги узду своего кобылки — белой, как и положено адъютанту императорской семьи — и подошел к кучеру.

— Луи!

Старик не шелохнулся.

— Луи, драть тебя! — громче крикнул Жан.

Кучер отмер, протер глаза грязной ладонью, смахнул со шляпы воду и осоловело уставился на хозяина. Моргнул раз, другой и резко выпрямился:

— Едем дальше, Ваше сиятельство?

Жан второй раз за несколько минут поморщился. Старик даже не предположил, что им могли выделить комнаты; он сразу спросил, ехать ли в следующую гостиницу.

— Едем. Маркиз нас проводит, — адъютант указал кивком на стоящего впереди всадника.

— Слушаюсь.

Димитрий, будто услышав сквозь шум дождя команду Жана, неспешно тронулся по мокрой брусчатке. Карета послушно покатила за ним. Из-под ближайшего навеса возникли ещё

четверо всадников из личной гвардии де Ришей и, присоединившись, влились в общий строй. Жан пропустил весь кортеж вперёд и лишь тогда, когда тот отъехал, сам сел в седло, замыкая собой шествие. Краем глаза он заметил хозяина пятой гостиницы. Мужик так и не ушёл в дом, а стоял у двери под крышей, провожая сердитым взглядом неожиданных гостей.

Ехали недолго — Неель-д-Ривьер был маленьким городом. На главной площади напротив фонтана стояли три здания: ратуша, учёный дом и тот самый “небольшой домик” Димитрия.

До Жана донеслись команды от людей маркиза, и резные ворота распахнулись будто сами собой. Пока карета и гвардейцы въезжали на территорию, адъютант опасливо осмотрелся. В такой час и при такой погоде здесь никого быть не должно, однако около фонтана, облокотившись, стоял человек, едва различимый за пеленой дождя. Не видно было ни лица его, ни знаков отличия, но Жан мог поклясться, что если подъедет ближе то увидит фиолетовые нашивки Неелей на дублете.

— Жан? — перекивая всё ухудшающийся ливень, позвал Димитрий.

Адъютант тряхнул головой и дал кобыле шенкелей, бодро въезжая в открытые ворота. Это город графов Неелей, естественно здесь всюду дежурят их люди, даже в такую погоду. Им, наверное, не привыкать, несколько раз в месяц схожие бедствия испытывают. Спешиваясь, Жан ещё раз встряхнулся и, отгоняя мрачные размышления, пошел было к карете, но Димитрий его опередил. Он уже вносил в дом спящего на руках Бастьена. Мальчишка звонко сопел, да так, что это было отчетливо слышно, и никакие ливни не помешали его крепкому сну.

Из кареты показалась требующая помощи рука Анжелики де Риш, и Жан порывисто подбежал к ней. Он помог матери спуститься, прикрывая от дождя своим пальто. Где-то слева послышались звонкий мужской гогот и звук закрывающейся двери — гвардейцы направлялись в отдельную пристройку. Жан с матерью перешли под крышу и в дом, чавкаяще разбрызгивая лужи. Анжелика, смотря на подол своего платья, кривилась, но молчала.

Этот небольшой дворец Димитрий явно не просто “снял” — всюду висели гербы Нешских, а мебель придерживалась исирского стиля. Семья маркиза если и не построила дом, то обустроивала точно. Жан хмыкнул, прикидывая, зачем северным герцогам понадобилось постоянное место жительства на юге, в совершенно чужих землях, да ещё и в центре такого неприятного городка.

— Располагайтесь, Ваше сиятельство! — Димитрий галантно поцеловал руку Анжелике. — Бастьена уложат в Изумрудных комнатах. Для вас подготовили Сапфировые — этот цвет очень подходит вашим глазам. А вашего старшего сына я чуть-чуть ещё помучаю — нам нужно обсудить скучные имперские тайны.

Анжелика смущенно раскраснелась. Она позволила служанкам увести себя на второй этаж, по дороге рассыпаясь в словах благодарности маркизу.

На несколько секунд в вестибюле воцарилась тишина, показавшаяся Жану до ужаса неловкой, он, преодолевая себя, заговорил:

— Ты нас и правда спас. Благодарю.

— Не меня благодари, а Императрицу, — голос Димитрия изменился. Теперь, когда вокруг не было посторонних, он звучал спокойнее и задумчивее. Ушла игривость. — Идём в салон. В карты играть не будем, не до того; но обсудить кое-что и правда надо. Там же переоденешься, я взял на себя смелость забрать у мастера Ривенанна несколько платьев тебе на смену.

Жан кивнул, неприязненно оглаживая мокрые чакчиры, липшие к телу.

Рядом с салоном, уставленным игорными столами, была небольшая комнатка. Здесь Жана ждали две служанки и бадья горячей воды. Быстро помывшись, Жан надел платье, такое же как грязное, только совершенно новое. Пальто и шпагу с перевязью, протянутые ему девушкой, он повесил на предплечье и вышел к Димитрию.

Маркиз сидел у камина, всё ещё в дорожной одежде, и пил вино. На коленях лежала раскрытая книга, но он не смотрел в неё. Хмурый взгляд его был прикован к танцующим языкам пламени.

— Между прочим, я очень патриотично и по-дружески пью твой родной сорт. Эта бутылка из новых, не выдержана толком, — протянул Димитрий, не отрывая взгляда от огня. Жан усмехнулся, присаживаясь напротив.

— Большая честь, Ваша светлость. И как вам?

— Честно ответить? Или как другу? — Димитрий отставил бокал и убрал книгу с колен, обращая всё свое внимание на собеседника.

— Как угодно. Я и так знаю, что последние года у нас одна кислятина растет, — фыркнул Жан, отчего-то напрягаясь. Он прочистил горло и спросил: — Что-то требуется Её Величеству?

— Может, и требуется. Мне Она ничего не передавала, а я не в том звании, чтобы задавать вопросы, да и сомневаюсь, что оно есть, звание такое.

— Святая Аргея. Она, наверное, могла бы что-то требовать с Её Величества.

— Могла бы, — протянул маркиз и умолк.

Прошли долгие три минуты. Всё это время Димитрий молча разглядывал лицо де Риша.

Жан нервно поёрзал, про себя отмечая, что вина ему не предложили, хотя должны были. В конце концов он не выдержал:

— Что стряслось?

— Пару месяцев назад нашего общего друга нашли убитым в императорском саду. Зарезанным мечом. Грязно так, по-плохому. Дело было признано дуэлью, хотя на лицо именно убийство, а не выяснение вопросов чести. Резали по голени и в шею кололи. Ещё и несколько раз.

Жан похолодел, затылком ощущая накотившую панику, пришедшую на смену обычной тревоге. Горло вмиг пересохло.

— Да. Наслышан. Это... ужасно.

— Убийцу так и не нашли. Да и, говоря откровенно, не искали вовсе. Император выразил свои соболезнования матери и отправил щедрую компенсацию за убитого сына, единственного наследника древнего, хоть и небогатого, рода. Не дай Кетер меня кто услышит, Его Величество буквально откупился от бедной женщины, у которой ничего не осталось. Муж погиб на войне, теперь и сына нет. Повезло только, что земли у этой дамы так себе, — Димитрий скептически посмотрел в окно, по которому звучно бил ливень. — Никто из соседей не позарится на эту промозглую лужу.

— Надеюсь, что не позарится. Как я слышал, даже дальние родственники, следующие в очереди на наследство, воротят нос от графства, — отозвался Жан. Первая волна страха прошла, и теперь он пытался понять, зачем адъютант Императора завел этот разговор.

— Мне спрашивать, или сам мне всё расскажешь?

Жан нахмурился ещё сильнее.

— Спрашивай. Не понимаю, что я должен рассказать.

Димитрий криво улыбнулся и устало спросил:

— Жан, друг мой, ради всего святого, зачем ты Себастьяна убил?

Юноше не понравился этот вопрос.

— Я никого не убивал.

— Хорошо-хорошо! Заколол. Это правильное слово?

— Нет, тоже не то. Димитрий, я не имею никакого отношения к смерти Себастьяна.

— Имеешь, и мы оба это знаем.

— В таком случае, раз мы оба это знаем, зачем задавать глупые вопросы? — прошипел Жан.

— Затем, что я не знаю причин вашей, с позволения сказать, дуэли, а мне это важно, вы же у меня на глазах росли, считай младшие братья. Разве тебя не мучила бы смерть Бастьена от шпаги Готье?

— Я бы держал свои муки при себе, если бы Император сказал, что конфликт исчерпан.

— Врёшь.

— Отнюдь. Я весьма честен.

Димитрий цокнул языком, залпом выпивая оставшееся в бокале вино, и слегка привстал, подбирая с каменной полки кочергу и используя её по назначению. Огонь, следуя за движениями Нешского, радостнее заплясал в камине.

— Жан, я ценю твою верность короне. Это делает тебе честь, но ради Святого Кетера, это же Себастьян, наш общий друг! И ты, драть тебя, любил его, как и я.

— Любил. Мы, когда детьми совсем были, в шутку клялись на крови в братстве и верности. А недавно уже серьёзно вспоминали это и пришли к выводу, что клятва оказалась вполне себе настоящей, мы её успешно исполняли все эти годы. И я скорблю о его гибели, поверь, сильнее чем ты.

— Так почему ты не можешь мне рассказать, в чем было дело?

— Потому что у меня есть прямой приказ Императрицы.

— Приказ — понятие растяжимое, — фыркнул Димитрий, кладя кочергу на место.

— Да нет, вполне четкое понятие. К тому же я с ним полностью согласен.

Маркиз откинулся на спинку кресла, забросив ноги на небольшой столик.

— Вот это уже другой разговор. И эта твоя солидарность наводит на интересные мысли.

Жан, в котором к этому моменту не осталось волнения, только раздражение, вновь почувствовал неприятное щекотание у затылка. Димитрий, к счастью или к несчастью, был человеком умным и догадливым.

— Знаешь, что я думаю?

— Что? — нехотя отозвался Жан.

— Себастьян всегда был очень порывистым и эмоциональным мальчиком. Я считаю, он сделал нечто ужасное. Нечто столь кошмарное, что ты предпочел заколоть его, а не спускать дело с рук. Что-то похожее ведь уже случалось. Год назад, когда хархирцы чуть не прорвали нашу оборону под Олисиппом, и вы спешили ко двору со срочными донесениями. Себастьян хотел задержаться в гостинице по пути, отоспаться, но ты вынудил его скакать практически без сна. А потом ещё наябедничал Императрице.

— Наябедничал? — Жан в удивлении переспросил. — Счет шел на часы! Если б мы опоздали!..

— Жан, я не об этом говорю. Ты сдал его. Скорее всего и сейчас он что-то натворил, только в разы хуже, и ты предпринял закономерные действия. С твоей точки зрения. Я прав?

Адъютант Императрицы отвернулся к огню камина.

— Я прав, — сам себе ответил Димитрий. — Что ж, надеюсь только, оно того стоило.

Он лениво налил себе ещё один бокал. Жан смотрел на то, как друг не морщась отхлёбывает натьерскую кислятину, и молчал. Этот разговор отнимал у него последние силы.

— Видел мужчину у фонтана? — вдруг прервал тишину Димитрий.

— Видел. Неельцы приставили кого-то следить за мной, ничего удивительного. Как не прибили-то ещё...

— Они хотели. На соседней крыше сидел стрелок. Стрелял, наверное, хорошо, но вот на шпагах дрался плохо.

— Понятно. Благодарю. И за это.

Димитрий в ответ отсалютовал бокалом.

— Сочтёмся. Почему, к слову, вы не поехали через Орфедро? Дольше, конечно, зато угрозы для жизни нет.

— Это большой крюк.

— Не такой большой, как ты думаешь. Дня три-четыре всего.

— Вот именно. Меня вызвала Её Величество, а значит, мне нужно быть в Аргее как можно скорее. Изначально она отправляла меня домой на полгода.

Вновь замолчали. Жан почувствовал, что вот-вот заснет, поэтому встал и, схватив со столика бутылку, много отпил из горла.

— О, — уважительно протянул Димитрий.

— О, — в той же манере ответил Жан, а затем резко рассмеялся. Смех становился громче, пока не перерос в полноценную истерику. Она завладела им надолго — на целые две минуты, а затем юноша сел обратно в кресло, затихая. Его потряхивало, а мышцы живота неприятно сводило.

— Что смешного? — доброжелательно спросил Нешский.

— Графиня Элоиза Неель — дура.

— Как нехорошо ты отзываешься о матери покойного друга... Откуда такие выводы?

— Могла бы приказать пустить нас в гостиницу. Мы бы заснули, а спящих очень легко убивать.

— Да, так было бы проще. Но я не думаю, что она позволила бы тебе хотя б секунду попользоваться гостеприимством её города.

— И то верно.

*

Спать хотелось чудовищно, но поделать ничего с этим Жан не мог. Он просто не засыпал.

Поэтому он ходил по комнате, как дикий кот в клетке. Покои, выделенные ему Димитрием, были практически крестьянскими: кровать, небольшой стол со стулом и старый шифоньер. На полках последнего стояли несколько книг и свечей, но Жан не доставал их. Он надеялся, что сейчас вымотает себя, и тогда сон всё-таки смилостивится. Несколько раз он подходил к окну, боясь увидеть там человека у фонтана, но на площади никого не было.

Мысли о Себастьяне и о том, что Император назвал “дуэлью”, Жан гнал от себя весь последний месяц. Дома в Риндье, заваленный рутинными делами, он справлялся с этим легко, даже слишком. Сейчас, когда Димитрий в открытую поднял вопрос, было сложнее сохранять разум в чистоте. Адьютант знал, что поступил правильно, знал, и всё равно ненавидел себя за подлый поступок. Императрица спасла его пресловутой ссылкой, а он только сейчас это понял. Если бы Она просто завалила его приказами, ему всё равно пришлось бы жить во дворце и ловить на себе восхищенные взгляды и перешептывания людей. Он бы не выдержал.

О, и они ведь были именно что восхищенными! Себастьян зарекомендовал себя как одного из лучших дуэлянтов Империи. Когда нужно было драться: перехватить письмо у гонца или заставить замолчать неугодного купца, — Её Величество всегда посылала именно Нееля. А из скольких дуэлей он вышел без единой царапины! Убить такого человека было достижением. В глазах придворных сплетников противник Себастьяна стал в некотором смысле героем. На утро после убийства Жан, переговорив с Императрицей, поспешил в конюшни — убраться из столицы нужно было незамедлительно, но вести разлетались по дворцу быстрее, чем хотелось бы. По пути ему приветливо улыбались, поздравляли и хлопали по плечу, а когда он седлал свою кобылу, некие не раскрывшие своих личностей дворяне прислали слугу с бутылкой хорошего крепленого вина и запиской: “Первой шпаге Империи!”

Когда Жан приехал в Риндье, братья выбежали во двор, встречая его как какого-то генерала, только что одержавшего невозможную победу. Конечно, он тут же осадил их и велел не поднимать тему безвременной кончины его друга. Готье, чуткий к настроениям собеседников, сразу всё понял и ни словом, ни делом не напомнил старшему брату о причине его находке-

ния в родных стенах. Бастьен же, в силу возраста, первые дни не умолкая расспрашивал Жана о Себастьяне. Потом, видимо, кто-то с ним серьёзно поговорил, и расспросы прекратились. Остались только задумчивые взгляды, но их адъютант мог стерпеть.

Отец, граф Матис де Риш, нёс службу в Карногате. Он прислал письмо с аккуратными поздравлениями и озабоченностью. Его волновало, не впал ли сын в немилость. Жан в своём ответе заверил отца, что их дом всё так же пользуется безраздельным доверием короны и никакие слухи не отразятся ни на положении графа, ни на его собственном.

Самым тяжелым испытанием оказалось отношение матушки. Анжелика тяжело восприняла шаткое положение сына, да и саму дуэль. Она была дружна с графиней Неель и тепло относилась к её отпрыску, знала, что Жан с Себастьяном не просто сослуживцы, но и побратимы. Она не задавала вопросов, но её чувства к сыну поменялись. Она молчала во время завтраков и обедов, избегала любых встреч с Жаном, а когда он попытался объяснить, и вовсе прервала на полуслове и прочитала длинную отповедь о том, что такое предательство и что скоро к ним обязательно прилетит сокол от Императрицы с просьбой явиться ко двору для сложения полномочий адъютанта.

Сейчас, мучимый бессонницей, юноша вдруг задался вопросом: почему же братья и отец не вели себя подобным образом? Они же знали Себастьяна, знали, что он был ближайшим другом Жану, так почему же не осудили, не скорбели? Матушка в день приезда вышла к сыну в траурном платье. Они — только радовались. Бастьен ещё малыш, ему о таком думать не положено, но Готье? Отец? Отчего в его письме не было и строчки соболезнований? Проживая в голове события последнего месяца, Жан понял: они пришли к тому же выводу, что и Димитрий. Себастьян, горячая голова, совершил непростительный проступок и поплатился за него.

Адъютант в который раз подошел к окну. Площадь, как и прежде, была пуста. Он постоял на месте несколько мгновений, буравя взглядом фонтан, затем лёг на кровать и тут же заснул крепким сном.

Глава 3. Клариче Фиоре

Беседка, похожая на хрупкую шкатулку из белого мрамора, стояла в центре зеркальной глади пруда. Мостик, соединявший ее с берегом, был единственной нитью, связывавшей этот уединённый мирок с суетой дворца. В воздухе витал запах влажного камня, кувшинок и скошенной травы.

Клариче и Аспасия сидели за столиком из резного камня. Между ними стоял поднос с серебряным чайником, двумя фарфоровыми чашками и тарелкой лимонных кексов. Принцесса, одетая в нелепо пышное платье цвета только взошедшего солнца, без умолку жаловалась на новую камеристку, на погоду, на то, что мать уделяет ей мало внимания, а отец и вовсе забыл.

Клариче кивала, подносила свою чашку к губам и наблюдала. Её собственное платье, черное с зелёным, было показательно скромным, без узоров и рюш. Единственным вызывающим элементом наряда был ювелирный набор в виде двух браслетов на обеих руках и серёжек им в стать. Набор был выполнен из воронёной стали, украшенной рядами изумрудов. Клара знала, что каст одного из камней на левом браслете на самом деле полый, а сам изумруд — фальшивка. Маленький сосуд, сейчас наполненный ядом, был неотличим от прочих камней. Открывался он просто — нажатием.

Камер-фрейлина ждала.

— Ох, Аргея, как я скучаю по настоящему холоду, Клара! — воскликнула принцесса, помахивая веером. — Этот месяц в Исире... там хоть дышать можно было. Воздух острый, как лезвие, а не эта парная баня. И мы охотились! Мы так часто охотились — я даже как-то сама выстрелила, представляешь? И попала!

Клариче понимающе улыбнулась.

— Климат Исира, безусловно, закаляет характер, Ваше Высочество. Но, быть может, вкус дальних стран, о которых сейчас не принято говорить вслух, сможет вас удивить больше? — Она жестом подозвала двух служанок, всё это время ожидавших по ту сторону моста. Девочки поставили в центре стола подносы, наполненные пёстрыми южными сладостями. В центре одного из них на самом видном месте стояла тарелочка, которую Клариче аккуратно подняла и поставила ближе к Аспасии. На ней лежало несколько конфет необычного вида: тёмные, глянцевые, обсыпанные золотой пылью, с вкраплениями алых маленьких ягод. — Кондитеры Её Величества получили в дар от хархирских купцов редкие пряности и рецепты. Это — “Сокровища Бога-Предателя”. Говорят, на вкус как “кровь заклятого врага, бывшего тебе близким другом”. Незабываемо.

Слово “хархирские” повисло в воздухе, звеня тише колокольчика, но оттого ещё веселее. Не прошло и пары месяцев с тех пор, как окончилась Трёхлетняя война, которую Святая Империя вела против марша Хархира. Любая диковинка из тех мест сейчас воспринималась как потенциальная опасность.

Аспасия замерла. Надменность на её лице дрогнула, уступив место брезгливому, но жгучему любопытству. Её пальцы уже потянулись к тарелке.

— Поговаривают, что эти сладости — самый драгоценный из наших трофеев, в разы более значимый, чем любой металл или торговые договоренности.

Клара сама взяла одну конфету и, не моргнув глазом, положила её в рот. Вкус был странным: душистым и слишком сладким. Ритуал доверия соблюден.

Аспасия, подстрекаемая этим жестом, сжала губы, а затем с вызовом схватила самую крупную конфету.

— Ну что ж... посмотрим, на что способны эти варвары. Воюют плохо, может, хоть с выпечкой управляются, — фыркнула она и откусила.

В этот миг на поверхности пруда прямо у свай беседки расцвел большой рыжий кружок. За ним второй, третий. Это подплывали кои, привлечённые движением или блеском — неважно.

— Ой, смотри! — Аспасия невольно отвлеклась от нового вкуса, вскочила и подбежала к перилам, её взгляд прилип к воде. Она наклонилась, забыв и о конфете в руке, и о чае, и о войнах. — Какой огромный! Матушкин любимец, наверное. Иди сюда, красавец...

Она увлеклась созерцанием медленных, плавных движений в воде, а затем и вовсе начала крошить остатки конфеты в руке и сыпать рыбам. Её внимание было захвачено.

Сейчас.

Клариче встала, обошла стол и направилась к принцессе, чтобы присоединиться, но остановилась у стула Аспасии. Не глядя на чашку, Клариче сделала естественное движение: поправила складку на своем платье, смахнув несуществующую пылинку. Правой рукой она расправила ткань. Левая рука в это же время мягко потянулась к краю стола, будто ища опоры, и прошла над темной гладью чая в чашке Аспасии. Браслет, свободно сидящий на руке, опустился к ладони. Клара нажала безымянным пальцем на сосуд, и по среднему быстро скатились несколько капель.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Невесомые капли покинули потайной резервуар и растворились в чуть остывшем бергамотовом чае. Ни ряби, ни запаха.

Клариче оттолкнулась от столешницы, заканчивая поправлять платье. Всё заняло не больше одного мига.

— ...ну и наглец! Крошку бросили, а он и не посмотрел! — Аспасия повернулась к камер-фрейлине. Она с отвращением посмотрела на всё, что осталось от хархирской конфеты в руках, затем небрежно сунула “Сокровища Бога-Предателя” в рот. — Фу, слишком сладко. И правда, на варваров похоже.

Она потянулась за своей чашкой и сделала большой глоток, чтобы сбить приторность.

— Но... интересно, — добавила она уже задумчиво, и в ее глазах мелькнул знакомый Клариче огонек азарта. — Думаешь, у них еще остались тайные рецепты?

— Всё, что есть у них ценного, рано или поздно оказывается у нас, Ваше Высочество, — ответила камер-фрейлина, глядя, как по воде расходятся круги от всплывающей за крошками рыбы. — Это неизбежно.

Аспасия потянулась поправить заколки. Принцессе в наследство от матери досталась такая же копна рыжих пышных волос. Она убирала её в высокие затейливые прически, пока была в столице. Клариче передавали, что стоило карете принцессы пресечь границу с герцогством Исир, как та тут же распускала сооружения своей служанки, и уже носила волосы на манер матери — просто распущенными.

— Вам нужна помощь, Ваше Высочество? — Клариче участливо заглянула в лицо Аспасии. Принцесса неуклюже пыхтела, пытаясь поправить непокорную заколку.

— Сама справлюсь. Прикажи, пусть принесут еще этих “Сокровищ” в мои покои. О! И позови Элевтериоса! У меня есть для него задание!

Клариче обозначила реверанс и вышла из беседки. За ней потянулся косяк любопытных кой, и девушка, пока переходила мостик, бросила им зерна, заготовленные императорским поваром специально для кормления этих приверед. Тех, которых так любезно попотчевала конфетой принцесса, к несчастью, уже не спасти, но это не повод лишать нормальной еды всех оставшихся.

Навстречу фрейлине уже бежали паж и камеристка Императрицы, часто помогавшие Кларе. Она остановилась и понизила голос:

— Рауль, сбегай за графом Элевтериосом, Её Высочество просит явиться.

Паж кивнул и скрылся в саду.

— Джейни, прикажи доставить ещё таких же пирожных принцессе сегодня ближе к вечеру. И ты нарвала цветов для её покоев?

— Да, госпожа, конечно.

— Чудно. Ещё...

Клариче прервал глухой стук позади. Камер-фрейлина резко обернулась. Аспасия стояла на коленях рядом со столом в беседке. Она держалась за живот, с силой сжимая корсаж, дыша тяжело и глухо.

— ... и ещё медикуса! Быстро! — крикнула Клариче и побежала в беседку, подбирая юбки.

Принцесса хваталась за корсет, деря его ногтями, пытаясь не снять, а наоборот, прижать теснее к телу.

— Ваше Высочество! — Клариче присела, беря Аспасию под руку, и помогла опуститься на землю. — Потерпите минуту, сейчас сюда придет мастер Кайдзен. Он вам поможет.

— У меня... никогда... тх-такого не было, — на выдохе пролепетала Аспасия, смахивая одной рукой брызнувшие слезы, а второй продолжая вжимать корсет в живот.

— Ваше Высочество, потерпите, прошу вас, — Клариче напряженно разглядывала мостик и сад перед ним. Никого не было. Даже стражи не было — эта беседка, как и весь маленький сад с прудом, не являлись частью обширного императорского сада, а лишь небольшим его “отростком”, и находился он под окнами спальни Императрицы; стража стояла по периметру, но не у пруда в центре.

Наконец, когда дыхание Аспасии стало еле различимым, сначала из-за поворота показался граф Никомар Элевтериос, покрасневший от злости. А сразу за ним из другого входа в сад выбежал Кайдзен — личный медикус Тельмы, грузный добродушный старичок. Кайдзен пронесся мимо начальника дворцовой стражи и подлетел к принцессе, на ходу вытаскивая из кожаной сумки несколько склянок. Граф Элевтериос остановился, только сейчас понимая, что за картина перед ним предстала. Он растерянно смотрел то на принцессу, то на Клариче. Камер-фрейлина, все еще поддерживавшая Аспасию за руку, виновато пожала плечами. Граф выругался и, вопросительно приподнимая брови, показал рукой, будто что-то пьет. Клариче неуверенно кивнула. Элевтериос выругался ещё раз и рявкнул нечто неопределенное в направлении выхода. Оттуда прибежали два гвардейца и вытянулись по струнке перед командиром. Граф отдал приказы обоим, они исчезли там же, откуда пришли, и он подошел к беседке, внутрь не заходя, а остановившись на мостике.

— Это отравление или..?

Вопрос был задан скорее мастеру Кайдзену, чем Клариче, но старичок не откликнулся. Он, вспотевший и что-то бормочущий, судорожно вливал в рот Аспасии уже третье зелье. Судя по состоянию принцессы, не помогало.

— Её Высочество схватилась за живот. До этого мы ели только хархирские пирожные...

— Хархирские?! — перебил граф. — Сударыня, простите, вы с ума сошли? Мы их побили два месяца назад, а вы едите их?

— Пирожные такие только по названию. Готовили их наши повара на нашей кухне.

Элевтериос почесал короткую бородку, рассматривая стремительно бледнеющее лицо принцессы.

— Ваше сиятельство, — мастер Кайдзен поднял вспотевшее лицо на начальника дворцовой стражи. — Могу я вас попросить отнести Её Высочество в покои? Девушке нужно лечь.

Граф хмуро кивнул, легко поднял сжавшуюся принцессу на руки и пошел ко дворцу. Медикус засеменил следом, а пока проходил мостик, упал на колени, зачерпнул воды из пруда и промочил лицо. Потом порывисто поднялся и поспешил догнать графа и больную.

Клариче с нечитаемым лицом смотрела им вслед. Ей очень хотелось сладостей, но не хархирских, а домашних. Камер-фрейлина и не задумывалась раньше, как соскучилась по нежнейшему забайоне.

*

Императрица в большом тронном зале принимала архитекторов. Лучшие мастера, съехавшиеся со всей Империи, презентовали Ей свои проекты: прямо на мраморном полу были разложены десятки полотен с чертежами и зарисовками украшений для дворца, в котором пройдет Маскарад. Тельма ходила от одного варианта к другому, а архитекторы стояли у стенки, ожидая решения. Это, как и подбор тканей днём ранее, тоже была традиция.

Клариче вбежала в зал, опускаясь в реверанс.

— Ваше Величество! Принцессе стало плохо!

— Какой? — оторвалась от чертежа Императрица.

— Аспасии. Мы пили чай в саду, когда она схватилась за живот! Мастер Кайдзен и граф Элевтериос отнесли её в покои. Мне кажется...

— Без “кажется”! — отрезала Тельма. Она стремительно зашагала к раскрытым дверям, задевая и взметая полами платья полотна. Уже у выхода остановилась и бросила через плечо. — Выбираю четырнадцатый вариант.

Клариче успела заметить, как один из мужчин нагло заулыбался, пока остальные потевно смотрели вслед Императрице, а затем выскочила следом за Государыней.

Они шли, практически бежали, по коридорам дворца. Гвардейцы, стоящие у многих дверей и переходов, провожали их удивленными глазами — Тельма Хион никогда не позволяла себе не то что бег, а просто быстрый шаг.

В комнаты принцессы они практически влетели.

Аспасия лежала на кровати и скулила, свернувшись калачиком. Она шевелилась, будто вдавливая себя в простыню. Рядом переминались с ноги на ногу три служанки, как будто не решившие, плакать им от ужаса или присоединиться к воззваниям медикуса. Мастер Кайдзен бегал вокруг, умоляя подпустить его к себе для осмотра. Он прекратил мольбы, когда увидел, кто вошел.

— Ваше Величество! Слава Творцу и Его Теургитам! Её Высочество не даёт...

— Аспасия! — рявкнула Императрица.

Принцесса затихла и замерла. Затем с усилием разогнулась, ложась ровно. Лицо её покраснело, она смотрела в потолок и сдерживала рыдания.

— Идите за мной. Нужно переговорить, — приказала Тельма медикусу, и они отошли в смежную комнату. Служанки, как только дверь закрылась, бросились снимать платье с принцессы.

Клариче присела в кресло около окна. Покои принцессы были достаточно странным местом. Аспасия была девушкой возвышенной. Она любила искусство, и часто тратила внушительные суммы на спонсирование всевозможных художников и скульпторов. По периметру спальни стояли статуи калфейских нимф в натуральном размере: древние полубогини смеялись, танцевали, лили воду из кувшина и читали свитки. На стенах висели пейзажи и марины, столь детализированные, что казалось будто их не красками писали, а каким-то волшебным образом поместили точные воспоминания из разума на полотна. Но одна картина выделялась. Она висела напротив кровати, её было очень хорошо видно с места хозяйки покоев, и Клариче не могла понять, зачем её расположили именно так. В резной дубовой раме на холсте были изображены медведи. Один, большой и черный, победил второго, бурого, в схватке и теперь пожирал его внутренности. Эта картина была расписана с той же подробностью и чуткостью к деталям, что и остальные, и даже Клару, привычную к смертям и низостям, начинало подташ-

нивать от её вида. И это было очень странно. Аспасия не переносила жестокости. Она как-то в обморок упала, когда гонец при ней начал зачитывать рапорты о казнях Императору. Наличие такого страшного полотна в этой комнате удивляло Клариче сильнее, чем просьба Императрицы отравить собственную дочь.

Спустя три минуты Тельма вернулась в спальню. За ней вышел мастер Кайдзен с посеревшим лицом. Служанки к этому времени справились с принцессой — она осталась в исподнем.

Императрица поглядела изучающе на трясущуюся Аспасию, утвердительно кивнула медикусу и направилась к выходу из покоев. Клариче последовала за ней.

*

К вечеру дворец гудел от новостей о болезни принцессы.

Клару поймали на пути уже четверо дворян, пытавшихся выведать подробности, но она упорно молчала. Тяжелый и такой долгий день заканчивался, после нескончаемых сует с принцессой осталось последнее дело.

Клариче вышла через белоснежную арку в сад и двинулась к Птичнику. Колоссальное здание — обитель всех императорских соколов, охотничьих и посыльных — было возведено по чертежам вессторских зимних садов. Внешние стены были сделаны из стекла, а внутри росли южные цветы и растения, непригодные для жизни в Аргее. Птицы вольно жили внутри, сна-ружи можно было заметить, как они летают меж деревьев. Не все сразу, конечно же, их выпускали из своих клеток в строгом порядке, только Главному Сокольнику известно.

Ивонет любила кормить этих птиц. В Лангберге, где она росла, последние несколько лет пытались вывести новую породу соколов, способную без затруднений летать через горы. Эти пташки, по необъяснимой ни для кого причине, любые серьёзные возвышенности на дух не переносили. Летали, конечно, но возвращались обозлёнными и как будто одичавшими. Прежний Император давно приказал убрать этот неприятный недостаток, и фон Ланги тогда вызвались как одни из исполнителей. Прошло уже сорок лет с оглашения приказа. Новых бесстрашных соколов так и не появилось. Пока что единственным видимым результатом стараний графов оказалась любовь Ивонет к этим хищным пташкам. Девушка проводила в Птичнике много свободного времени, и Клариче, узнав, где она, ни капли не удивилась.

Камер-фрейлина шла мимо топиариев, сложив руки в замок у живота, и думала.

После того, как Императрица навестила принцессу, она ушла в молельню, приказав Кларе дежурить у Аспасии и в случае чего прибежать с вестями. И Клариче ожидала многого, смерти в первую очередь. Но случилось кое-что другое.

Первым делом мастер Кайдзен выгнал всех служанок, пытался выгнать и Клару, но она упёрлась. После чего убрал из-под головы принцессы подушки и сел рядом. Он держал её за руку и просил просто дышать. Никаких микстур, никаких припарок и кровопускания. Прошло полчаса, Аспасия всё это время, вновь сжавшись в комочек, рыдала, хватаясь за ладонь медикуса как утопающая. А потом скинула.

Пока Клариче неслась к молельне Императрицы, судорожно подбирая юбки, она пыталась просчитать и понять, когда принцесса умудрилась завести любовника, приведшего к нежелательному ребёнку, но каждый раз любые предположения обрывались одним неоспоримым фактом: Аспасия, как и любой член императорской семьи, была под постоянным наблюдением. У неё просто-напросто не могло быть мужчины. Никак.

Тельма Хион отреагировала на новость без удивления. Только кивнула, уточнила, как себя чувствует сама принцесса, и продолжила молитву. А потом велела подежурить у Аспасии ещё какое-то время, пока на смену не придёт другая фрейлина.

Входя в ворота Птичника, Клариче всё ещё думала о том, кто же смог пробраться в спальню к принцессе. И как? Трое гвардейцев под окнами, двое у покоев. Ещё четверо и пятеро

в коридорах по пути. И всех подкупили? Разом? Или же один из них её соблазнил? Нет, этого быть не могло. Аспасия — барышня горделивая, она бы не пошла в постель с простым стражником.

Мысли о похождениях несчастной принцессы отступили, только когда Клариче подошла к Ивонет. Девушка кормила светлого сокола мышкой. На его головке был клобучок, из-за чего он то и дело невидяще тыкался клювом в стенку.

— Сударыня, добрый вечер, — она присела, тепло улыбаясь, но тут же переменялась в лице. — Вы выглядите очень уставшей. Вам нехорошо?

— Со мной всё в порядке. А вы не слышали вестей?

— Нет, каких?

— Принцессу Аспасию отравили.

Ивонет выронила из рук корзинку, мыши из неё разбросались по полу. Несколько соколов на своих насестах воодушевленно заклекотали, пытаясь взлететь, но все они были крепко привязаны за лапы.

— Как?! Святая Аргея, она в порядке?

— Ей уже лучше, опасность миновала. Мастер Кайдзен — настоящий волшебник. Императорская чета завтра утром приглашает всех неравнодушных, мы вновь поедем в Собор, сэльматр уже готовит службу о здравии верных и отмщении для лиходеев.

— Я поеду! И сейчас, Аргея, какой ужас, сейчас можно прийти в церквушку при дворце?

— Там душно, сударыня. Все придворные разом забились в одно небольшое помещение. Подождите хотя бы до полуночи. Уверена, Творец и Его Теургиты поймут вашу задержку, — Клариче отодвинула носком туфли мышек с пола и, взяв Ивонет под руку, повела на выход из Птичника. — Вы не против небольшой прогулки? Мне нужно вам кое-что передать.

Ивонет позволила себя вести безропотно. Она еле слышно бормотала молитву о благодати.

Клариче направлялась вглубь паркового ансамбля. Здесь, обнесённая резной изгородью, находилась отдельная часть сада, её часто называли “естественной”. Она такой и была. На поверхность из-под земли выходил один из притоков озера Увр, вдоль этой небольшой речушки шла деревянная тропа, окруженная дикими деревьями и травой, растущей как ей заблагорассудится.

Клариче обожала это место, хотя бы за то, что прочие придворные брезгливо воротили от него носики. Обычно тут никого не было.

Камер-фрейлина остановилась на тропе в середине небольшого оазиса. Речка звонко журчала, поддакивая облюбовавшим её пёстрым уткам. Ивонет грустно наблюдала за чистящим оперение селезнем.

— Отравителя нашли?

— Пока что нет, — скорбно отозвалась Клариче. — Но маркизу Нешскому уже приказали перерыть дворец и столицу.

— Это хорошо. Да поможет ему Святой Кетер.

— Обязательно поможет, — заверила Клара. — Я бы хотела кое о чем вас попросить, сударыня. Разрешите?

— Конечно, я к вашим услугам, — ответила Ивонет, стараясь придать лицу вопросительное выражение. Получалось с трудом, разум её всё ещё был прикован к бедной принцессе.

— Вы уже познакомились с Леонор Брэкенмур?

— Нет, это та милая стрейсторка в свите Её Величества?

— Да, одна из фрейлин. Чудесная девушка: образована, красива и прилежна. Виртуозно играет на фортепиано. Любимая дочь богатого графа.

— Вы мне её будто сватаете, сударыня, — улыбнулась Ивонет.

— Практически, — вернула улыбку Клариче. — Её Величество обеспокоена отравлением Аспасии, поэтому хочет отправить младшую дочь в Увроволис под надёжную охрану,

сейчас ей подбирают фрейлин. Принцесса Сильвия молода, ей нужны дамы рассудительные, способные вести своим примером и быть надежной поддержкой юной Сильвии. Императрица рассматривает на роль камер-фрейлины Брэкенмур, но сомневается.

— Отчего же?

— Она молчалива. Хотя барышня и показала себя с хорошей стороны, никто не знает, что творится у неё в сердце на самом деле. Тихие люди бывают опасны. А вы, сударыня, напротив, открытый и добрый человек. И посему у Её Величества для вас есть просьба. Вы не могли бы подружиться с Леонор? Узнать, что скрывается за её молчанием? Всех прочих фрейлин она уже знает, и будет странно, если кто-либо из нас вдруг захочет тесно общаться с ней. А вот вы здесь совсем недавно. Вам нужны друзья. Может, вам удастся завоевать доверие стрейсторки?

Ивонет слушала Клару с озабоченным взглядом. Она восприняла её речь очень серьёзно.

— Конечно, я исполню просьбу Её Величества. Нужно только завести дружбу?

— Да, ещё, если сумеете, конечно, узнать, есть ли в её жизни нечто, порочащее достоинство. Мы знаем наверняка, что нет, но порой кто угодно может упустить незначительную на первый взгляд мелочь. Общайтесь с ней, отправляйтесь на прогулки, пригласите в театр, к нам как раз приехала труппа из лисьей империи. Вы получите удачное знакомство в столице, а Её Величество будет спокойна за свою дочь.

Ивонет, сначала растревожившаяся на словах о достоинстве и пороках, чуть расслабилась. Она хмуро разглядывала уток, заламывая руки. Наконец, заговорила:

— Когда Её Высочество отправится в Увроволис?

— Сразу после Маскарада. Нельзя прятать её на время одного из главных празднеств Империи. Это будет сочтено трусостью.

— Понимаю, — Ивонет грустно вздохнула. — Я постараюсь исполнить просьбу Её Величества в лучшем виде. Если что-то обнаружу, тут же дам вам знать.

— Лучше не мне. Брэкенмур может заподозрить, что вы неспроста с ней сблизилась. Все при дворе знают, что я, считай, третий адъютант Императрицы. Не поверите, но от меня порой намеренно сбегают в другие комнаты. Думают, я каждую сплетню собираю и тут же пересказываю Её Величеству.

Ивонет хихикнула:

— А это не так?

— Нет, конечно. Большинство сплетен малозначимы, я бы не стала тратить драгоценное время Императрицы на всякую чушь! — картинно обиделась Кларице, уперев руки в бока. Спустя мгновение девушки добродушно рассмеялись. — Словом, не мне нужно передавать вести, если они появятся. У меня при дворе есть две близкие подруги, которых, надеюсь, прочие считают лишь моими знакомыми. Тоже фрейлины. Елизавета Звонельская и Роза Дориандель-Маре. Лучше Лиз, с ней в обществе я совсем мало пересекаюсь. Роза всё-таки землячка.

Ивонет сосредоточенно кивнула, затем спросила:

— Мне с вами теперь нельзя разговаривать?

— Можно, но по обычному делу и на виду. Чтоб было несколько свидетелей вашего вопроса.

— Хорошо, — Ивонет засмотрелась на селезня. Он всё ещё пытался вычистить одно из своих крыльев. Замерев так на несколько мгновений, девушка вдруг встрепенулась: — Но нас же видели, пока мы шли сюда?

— Кто? Сударыня, дорожка от Птичника до этого маленького леса проходит вдалеке от дворцовых окон. Как бы нас разглядели за деревьями и кустами?

— Да, но может... Не знаю, подзорная труба... — неуверенно залепетала Иво.

— Не переоценивайте дворцовых интриганов. Они слишком заняты своими грехами, чтоб иметь время на рассмотрение отдаленных частей императорского сада.

Клариче растёрла руки, подышав на них. Холодало, ночь должна была наступить уже через час, и солнце, сейчас не видимое за высокими лиственницами, уже скорее всего касалось гор.

— Идите в Птичник. Нехорошо, я вас отвлекла от кормления наших трудолюбивых посыльных. И помните, в церквушку только к полночи! Сложно молиться, упираясь локтями в посторонних.

Ивонет исполнила книксен и пошла в указанном направлении. Клариче успела заметить, что выражение лица девчушки изменилось. Напоминание о церкви вернуло её к переживаниям об отравленной принцессе. Клара философски рассматривала удаляющуюся сгорбившуюся спину Иво, пока грела себя мыслью о предстоящем десерте. В сегодняшней суматохе она успела забежать на кухню и попросить приготовить ей к вечеру забайоне, о котором так мечтала утром во время чаепития. Повар уже точно должен был закончить.

Когда лиловые юбки Ивонет растворились в мишуре зелёных листьев, Клариче досчитала до двухсот и пошла на императорскую кухню. Она была готова расцарапать лицо любому, кто посмел бы её сейчас отвлечь от встречи с любимым десертом.

Глава 4. Жан де Риш

Жан шагал по просторным коридорам Саланийского дворца, звонко стуча каблуками сапог по мраморному полу. Адъютант Её Величества прибыл в столицу вчера в ночь и уже был готов идти на поклон к Государыне, но его остановили. Выяснилось, что четыре дня назад принцесса Аспасия слегла с болезнью, и Её Величество проводит с дочерью все свободное время. Пришлось дожидаться утра, официальных часов приема визитёров.

Новости о странной болезни принцессы его не удивили. Аспасия Хион всегда была взбалмошной и своенравной девушкой. Это естественно, что кого-то она в конце концов довела до крайней меры. Впрочем, Его Величество неплохо разбирался в людях и медицине — штат императорских медикусов набирался из мастеров своего дела. Аспасия выживет. Жан ловил себя на мысли, что ему совершенно не было жаль принцессу Империи, и даже не мог укорить себя за это. Барышня сделала всё, что могла, чтобы людей радовали ее несчастья. А вот отравителя было жалко — на него выйдут, Димитрий найдёт несостоявшегося убийцу, чего бы ему этого не стоило, и на пощаду негодяй может не рассчитывать.

Жан неосознанно потёр плечо с вышивкой инициалов Императрицы.

Очередные двери распахнулись перед ним, и адъютант вошел в знакомый кабинет. Светлая просторная комната редко использовалась по назначению. Никто здесь не занимался бумагами, не вёл учет делам. Это при предыдущей хозяйке женского крыла пришлось достраивать отдельный кабинет для евнуха-счетовода — покойная Императрица Селеника была очень скоро на траты и радовалась каждому новому наряду, а радоваться ей хотелось очень часто. Вот и посадили сюда специального чиновника для упрощения денежных переводов. Тельма же не любила “женских забав” — Её не прельщали длительные примерки платьев и скупки драгоценностей. Ей важно было совершенно другое. Из-за архитектурных особенностей этот кабинет было сложно прослушать, потому Императрица как правило встречалась со своими адъютантами именно здесь. Молодых людей проводили тайными ходами в недра женского крыла, чтобы никто не заметил.

Жан, осмотрев скудную обстановку, присел в кресло около окна. На улице светило солнце, цвели яблоня и черёмуха, и никаких фонтанов, окутанных дождём. Для идеальной картины, достойной руки самого Лефера, не хватало только едва заметных пятен птиц в листве, но холодные ветра с Увра в это время года были особенно кусачими и злыми, из-за чего скворцы и иволги прилетали в столицу чуть позже, чем в родное Жану Риндье.

Минуты тянулись и скоро превратились в полчаса, а затем и в час. Адъютант мерно раскачивал ногой, ковыряя орнаменты оконной рамы. Так долго ему еще не приходилось ждать.

Наконец, послышались шустрые шаги. Двери распахнулись, и в комнату влетела Клариче. Он, глупо улыбаясь, поклонился.

Девушка с укором покосилась на окно, и адъютант сделал выразительный шаг в сторону от него. Жана не должны были видеть в этой части дворца, но кто будет разглядывать происходящее на пятом уровне? Да и если будет, кто сможет разобрать?

— Я скучал, — просто сказал Жан.

— И я скучала, но уже сомневаюсь. Может, зря, — пробурчала в ответ Клариче. Она, смешно нахмурившись, поправляла складки своего платья, как обычно — черного с изумрудными вставками.

— Её Величество..?

— Не сможет тебя поприветствовать. Её Высочество Аспасия слегла с болезнью, и сейчас, как и последние несколько дней, Государыня проводит все возможное время у постели

дочери, — заученно проговорила Клариче, тяжело опускаясь в кресло подальше от окна, затем прогнулась, разминая спину.

Жан сел рядом и выжидающе посмотрел на камер-фрейлину. Клариче сопротивлялась недолго.

— Аспасия скинула.

Адъютант прикрыл глаза, посчитал до пяти и коснулся лба в безмолвной молитве Основателю и Защитнице.

— Понял.

— Ты понял, что Её Высочество отравили, и что Димитрий уже пустился на поиски злодея-отравителя.

— Не учи меня, — обиделся Жан. — Лучше скажи, она сама или..?

— Это точно не твоё дело. Я и о выкидыше не должна была говорить.

Адъютант понятливо кивнул и сел прямее.

— Есть задачи для меня?

— Есть, — ответила Клариче. — Его Высочество возвращается.

— Наслышан.

Принц Эвангелос, герцог Увросский, был наследником Империи и очень... интересным человеком с точки зрения владельцев значных заведений. Златовласый красавец, только вошедший в лета, был заядлым кутилой и азартным дуэлянтом. Слава о непрекращающихся ночных похождениях единственного наследника престола гремела повсюду. Сами по себе кутежи не были чем-то из ряда вон выходящим или порицаемым. Многие офицеры, молодые и не очень, любили жить на широкую ногу, но принц превзошел всех, и даже столичные завсегдатаи борделей и салунов его недолюбливали.

— Это не разглашается, но, пока он обучался в Увроволисе, на него было совершено пять покушений. Понятное дело, неудачных.

— Не говоря уже о тех четырёх, которые имели место быть во время войны.

Клариче потянулась к кобуре на поясе Жана, он молча достал свой пистолет и отдал ей. Девушка отрешенно вертела его в руках, рассматривая узоры на рукоятке.

— Тельма обеспокоена и опасается худшего. Она просит тебя присмотреть за Эваном.

— С какого расстояния? — Жан сложил руки на груди, ожидая неприятного ответа.

Клариче с сочувствием и даже немного виновато покосилась на адъютанта.

— С самого близкого. Ты будешь приставлен к нему как телохранитель.

— Ты разыгрываешь меня, — неверяще отозвался Жан.

— Отчего же?

— Это глупость. Что один человек может сделать против десятерых, караулящих в подворотне? Или против меткого стрелка на крыше? В «телохранителя» никто даже не поверит.

— Кто-то поверит, — Клариче всё крутила и крутила в руках пистолет. Жана это начало раздражать и он взял его, возвращая в кобуру. — Есть же такие, кто уверен, что ты без особого труда заколол лучшего дуэлянта нашего поколения.

Жан дёрнулся.

— Не понимаю о чём...

— Да, как я могла забыть. Не ты, а кто-то другой. Однако, дворец ты не переубедишь как не старайся, — девушка заговорщически подмигнула другу, от чего ему враз поплохело. В памяти вспыхнул недавний разговор с Димитрием. — Твоя новоприобретенная репутация грозного бойца играет нам на руку.

— Ладно, допустим, какой-нибудь мелкий барон с окраины купится, но ведь абсолютное большинство решит, что я надзиратель, приставленный мамочкой следить за нерадивым сыном. Что хуже — принц тоже так подумает.

— Пусть думает. Может даже вслух поругаться. Тебе-то что?

Жан вздохнул, помолчал и задумчиво протянул:

— Роль нянечки я ещё не исполнял.

— Жан, из тебя выйдет прекрасная нянечка, — очень серьёзно ответила девушка.

Адъютант фыркнул, про себя радуясь, что вести пришла сообщать одна Клариче. Держать лицо перед Императрицей было бы чудовищно сложно.

— Это и есть моя цель? Или у этого приказа двойное дно? Нет! Тройное, учитывая, что официально я телохранитель.

— Просто будь с принцем всюду. И по возможности докладывайся, устно или письменно, как пойдёт. Мы оба знаем, что у тебя хорошая интуиция. Если случится нечто малозначительное, но нутро подскажет, что это важно, упомяни обязательно. Передавай доклады, как мы обычно это делаем, исповедуясь. Я уже переговорила с тётушкой: весточкам от тебя присвоят первую срочность.

Жан кивнул. Герцоги Фиоре были известными меценатами, вкладывающими значительную долю доходов в церковь. Столь значительную, что с уверенностью можно было заявить: набожные островитяне единолично владели всеми монастырями, храмами, соборами и церквушками от Дельябена до залива Эльсен. Они были глазами и ушами короны, и ничто в Святой Империи не происходило без их ведома. Простолюдины любили выдумывать забавные куплеты о всевидящих и всезнающих Фиоре, от которых даже мысли нельзя было скрыть. Пели их, естественно, в своих избах и вполголоса, подальше от церквей.

— Ты предлагаешь мне каждый день бегать в монастырь на молитву? Клара...

— Нет, что ты! Каждые три дня, как и должно примерному теургийцу. Её Величество собирается публично наказать сына посещать обязательные службы, послушаться он не сможет.

Клариче резко встала. Жан непонимающе воззрился на подругу, а затем услышал приближающиеся шаги и тоже поднялся. Поступь Императрицы сложно спутать с чьей-либо другой.

Тельма ворвалась в кабинет, шумно хлопнув створками дверей о стены. Их тут же прикрыла молоденькая служанка, и, судя по звукам, ушла. Клариче склонилась в реверансе, Жан — в поклоне.

— Виконт Риндье, рада тебя видеть.

— Ваше Величество, это безусловно взаимно. Счастлив вернуться на службу, — Жан выпрямился.

— У нас не так много времени. Клара уже посвятила тебя в суть задачи? — Тельма не расположилась ни в одном из кресел. Сейчас, видя её впервые за долгое время, Жан отметил странный вид Императрицы: женщина выглядела уставшей и даже измученной, но вела себя обыкновенно, в своей привычной задорной манере. Ему на несколько мгновений стало жаль принцессу. Тяжело должно быть живется человеку, которому родная мать сочувствует только на публику.

— Я буду назначен телохранителем Его Высочества. Мне надлежит сопровождать и приглядывать, обо всех странностях сообщать через Фиоре.

— Да, о странностях... Докладывай о любых. И по возможности придерживай мальчика от необдуманных поступков. Разрешаю его немного побить, если потребуется. Младший Нешский пока что не знает о твоём назначении. Не мне судить, насколько разумен этот юноша, но если почувствуешь в нём стоящего соратника, можешь говорить с ним настолько открыто, насколько потребуется.

Жан молча склонил голову. Алексей Нешский, младший брат Димитрия, был адъютантом принца, верным товарищем в пьянках и авантюрах. Несмотря на сомнительную компанию, Алекша имел репутацию славного парня — он успешно командовал войсками Его Высочества в Трёхлетней Войне, выиграл два сражения. Ордена, конечно, достались принцу, но все пре-

красно понимали, чьи это заслуги. Однако ситуативная смекалка в театре военных действий не обязательно приравнивалась к разуму.

— Учту, Ваше Величество, — Жан выдержал паузу, ожидая слов Императрицы, но она молчала, и он заговорил: — Благодарю Вас за Неель-д-Ривьер. Помощь Димитрия была как нельзя кстати.

Тельма усмехнулась.

— Не стоит. Это меньшее, что я могла сделать.

Во взгляде Клариче на мгновение промелькнула заинтересованность, но быстро пропала. Жан поджал губы.

— Пока Эван не прибыл в город, у тебя будет ещё одно маленькое задание. Вчера вечером во дворце поселился твой новый сотоварищ. Он займёт, точнее, уже занял, место покойного графа Нееля. Представься и Расскажи мальчику нюансы его новой службы.

Жан не успел поклониться. Так же быстро, как появилась, Тельма и ушла, сама раскрыв перед собой двери.

Клариче смотрела ей вслед. Жан поправил перевязь и спросил:

— Кто загадочный второй?

— Дитрих фон Ланг. Виконт. Порывистый, но хороший.

— “Хороший”? — переспросил адъютант. — Что в твоём понимании означает “хороший”?

— Исполнительный. Верный. Мало говорит. Он тебе понравится. К слову, нас с тобой равномерно озадачили этим семейством: я приобщаю ко двору его сестру, Ивонет. Она новая фрейлина. И, должна заметить, мне чуть меньше повезло. Девушка милая, сообразительная, но провинциальная.

— А он не провинциальный, то есть?

— Нет. Поездил по стране, побывал в Треоле даже. А вот свою единственную дочь их отец держал взаперти, не давая света белого видеть. Растил её на рыцарских романах. Вот и вырастил. Откуда только понятливость взялась, в таких-то условиях?

Жан неопределенно повел плечами.

— Бывают люди, которые приобретают характер вопреки воспитанию.

Камер-фрейлина хохотнула, точь-в-точь как Императрица.

— Месяц ссылки и посмотри, как ты поумнел! Страшно смотреть на тебя! Может, ты ещё кого-нибудь заколешь? Глядишь, и в Сенат тогда войдешь.

Адъютант нервно отозвался схожим смешком.

— Нет, благодарю. Если бы это действительно я убил Себастьяна, то повторения подобной дуэли мне бы не хотелось.

— Жан, — голос Клариче стал тише, и сама она вмиг посерьёзна. — Ты можешь сказать мне, что у вас с ним произошло?

— Не могу, — грустно ответил адъютант. — Не имею права, хотя, видит Кетер, ты, наверное, единственный человек, с которым мне хотелось бы поделиться.

Камер-фрейлина долго и задумчиво всматривалась в глаза юноши, затем склонилась в реверансе, полноценном, совсем не дружеском, и молча удалилась. Жан ещё несколько минут буравил взглядом пресловутую дверь, а затем вышел в неё же. Он не хотел возвращаться в свои комнаты, но долг в лице Дитриха фон Ланга его ожидал именно там.

*

Комнаты адъютантов Её Величества располагались в пристройке к женскому крылу. Здесь же находилась зала, в которой, согласно уставу, должна встречаться Императрица со своими верными слугами. Она и встречалась, целых пять раз за три года службы Жана.

Комнаты располагались друг напротив друга. Они были идентичны, но каждый раз, когда назначался новый адъютант, для его покоев придворный мастер изготавливал большое деревянное панно, изображающее герб счастливого под императорской короной. Если адъютант погибал на службе, панно отправляли его семье как дар, а если уходил в отставку — вешали среди прочих в коридоре маленькой адъютантской пристройки.

Жан де Риш стоял перед покоем погибшего друга и смотрел на стену около дверей. Здесь должны были когда-нибудь повесить герб Неелей — две рычащие морды черных волков на фиолетовом поле. Стена была вызывающе голой.

— Чем-то помочь, Ваше сиятельство?

Жилистый служка тихо подкрался справа.

— Дитрих фон Ланг уже здесь?

— Да, он во дворе. Мы разгружаем его вещи.

— Хорошо, скажи, что виконт де Риш у себя и готов открыть бутылку красного Буревестного за знакомство.

Мальчишка поклонился и убежал к лестнице. Адъютант же зашёл к себе, скидывая на одно из кресел пальто и оружие. В комнатах было прохладно — как только он ушёл на встречу с Императрицей, окна приоткрыли. Жан считал себя существом хладнокровным как ящерица, и не любил мороза, но даже он почувствовал разницу между надушенной за ночь спальней и коридором, когда выходил утром.

Он закрыл все окна кроме одного и подошёл к cellarу¹. У Жана хранилось несколько вин, преимущественно “своих”. Герцогство Натьер, обширный лесной край к югу от Гамьятских гор, производило добрую часть вин для Империи. Среди дубрав и рощ то тут, то там встречались виноградники, совершенно разные по сортам, но неизменно плодородные. В Риндье, родном графстве Жана, находилась Буревестная бухта, на берегу которой на холмах рос одноимённый сорт винограда. Это вино было не слишком терпким, но и не сладким. Злые языки называли его “никаким”, но правда в том, что когда человек говорил слово “вино”, представлял себе он именно Буревестное красное. Императрица особенно любила этот сорт, потому, когда Жан только заступил на службу, поговаривали, что Она хочет держать около себя удобный канал связи с виноградниками Риндье. Эти пересуды были, мягко говоря, глупыми. Как будто бы Её Величество не могла достать любое количество Буревестного по щелчку пальцев без наследника графа под рукой.

Жан достал одну из самых старых бутылок своей крошечной коллекции. Он хранил её для особого случая, но по пути в столицу поразмыслил и рассудил, что если откладывать ещё дольше, то случай так и не настанет.

Не дожидаясь гостя, он отлил половину бутылки в декантер. Если Клариче была права в своих суждениях, а это случалось если не всегда, то часто, фон Ланг не заставит себя ждать. Он, как она выразилась, был исполнительным.

В дверь постучали через десять минут. Жан бросил короткое “Войдите!”, и на пороге возник Дитрих. Рослый худой мужчина с тёмно-русыми волосами, подвязанными лентой, одетый в бурый дублет, остановился, не проходя вглубь комнат.

Жан, пока не оборачиваясь, сделал глубокий вдох и выдох. Нужно было привыкать быть вечно весёлым адъютантом, своим поведением дающим понять, что он столь же всемогущ, что и Димитрий, а, может, и влиятельнее — Нешскому шальная дуэль с другом не сошла бы с рук. Скорее всего. Сколь бы ни тяготило де Риша убийство Себастьяна, посторонним знать об этом было не обязательно.

— Проходите, проходите, друг мой! Смею надеяться, именно друг, а не враг, всё же нам одно дело делать! — Жан взял бокалы, чтобы наполнить их, и развернулся, кивком указывая на ближайшее кресло.

Дитрих сел на предложенное место и вежливо улыбнулся, принимая вино. Портупею со шпагой снял и положил на диван рядом.

— Испытываю схожие надежды, сударь. Не хотелось бы пополнить счет ваших побед, — беспокойно отозвался гость.

Жан про себя закатил глаза, вслух отвечая с хитрым прищуром:

— Решительно не понимаю, о чем вы, — он поднял фужер. — За верную службу, долгую жизнь и любимую женщину!

Дитрих, улыбаясь уже смелее, звякнул своим бокалом о бокал Жана. Де Риш отпил, и новый знакомец повторил за ним.

— Устроились?

— Сейчас этим занимаюсь. Из-за паводков у гор пришлось задержаться. Теперь меньше времени на осмотр и привыкание. Сразу в бой, так сказать.

— Да, мне тоже погода помешала, но мы на месте, и это главное. Платье вам уже выдали?

— Пока что нет. Я так полагаю, после присяги ошастливят. Разве нет?

— Не обязательно. Вообще вы уже, наверное, можете его надевать, все и так знают, кем вы станете в ближайшие дни. Спите, в конце концов, вы уже в адъютантском крыле.

— Хм, верно, — протянул Дитрих. Отпил. — Её Величество сказала, что о моих обязанностях поведаете мне вы.

— Да тут и говорить не о чем. Время от времени Императрица даёт нам задания, мы их выполняем. Задания могут быть общими на двоих или личными. Обязательно сделать именно то, что она просит. Без импровизаций и инициатив. Первое время, по хорошему, все приказы должны быть для меня одного, а вы на подхвате, смотрите и учитесь, но мне уже поступил приказ, которым я буду занят безраздельно. Скорее всего, первое время я буду в столице, а потом вместе со всем двором в Карногате, так что с любым вопросом или просьбой подходите. Но чует моё сердце, это ненадолго.

Дитрих крутил полупустой бокал в руке, поигрывая вином.

— Личные задания всегда тайные? Вы мне не можете рассказать, чем вам предстоит заниматься?

— Даже общие — тайна. А для одного — тем более. В присяге адъютанта есть отдельные пассажи о секретности наших миссий. Однако об этом моём назначении вы в любом случае скоро услышите, как и весь двор, — Жан скорчил скорбную моську, покачивая ногой. Обнаружил, что уже выпил бокал и долил ещё, чуть больше, чем положено.

— Бывает, что у нас нет дел?

— Нет, такого не бывает, — хохотнул де Риш. — Конкретных заданий может не быть. В такие дни мы выполняем обязанности почетного караула и телохранителей Императрицы. Выезжаем с Ней в город. Стоим, сверкая золотой шнуровкой на доломанах рядом, пока Она, допустим, принимает послов. Собственно, большую часть времени вы и будете этим заниматься. Особенно сейчас, после нападения на принцессу. Мне придётся отлучиться, так что, подозреваю, вас Она не отпустит от себя далеко. Нужно показать, что корона под защитой.

Жан задумался, формулируя, что хотел сказать.

— Неочевидной деталью нашей службы является сосуществование со свитой Императрицы. Её фрейлины в большинстве своём обыкновенные барышни. Дамы как дамы, ничего особенного. Но есть несколько девушек, с которыми нам придётся очень тесно общаться.

Дитрих, который в этот момент допивал первый бокал, закашлялся.

— В каком смысле?

Жан скривился от неуместных инсинуаций.

— Не в том значении, о котором вы подумали, сударь. Успокойтесь. У Её Величества есть две камер-фрейлины — Домника Драгулеску и Клариче Фиоре. Они — приближенные Императрицы, выполняют те же задачи, что и мы, только не покидая двора. В основном. Маркиза

Драгулеску сейчас как раз отбыла в свою марку по приказу Её Величества. Часто о выполнении задания или о промежуточных итогах нам нужно давать рапорт именно им. Или же сопровождать их куда-нибудь инкогнито. Обычно меня ставили в пару с Клариче, а Себастьяна — с Домникой. Скорее всего, так и останется. Это значит, что о вашем задании будут знать трое: вы, Императрица и маркиза. И больше никто.

— А мы что-либо знаем об их делах?

— Редко. Только если нужно вместе куда-то ехать. Те обрывки информации, которые до меня долетали периодически, говорят о том, что их работа такая же тайная и важная, как и наша, — Жан подлил вина в бокалы, а затем задумчиво уставился на тикающие часы. — Интересно, приносят ли они клятву...

Дитрих помолчал, обдумывая новые данные. Потом осторожно заговорил:

— Прошу прощения, что лезу не в своё дело...

— Если вы спросите о смерти Себастьяна, сударь... — предостерегающе начал Жан.

— Нет, нет! Меня другое интересует.

— Тогда лезьте, — благосклонно отсалютовал Жан, повторяя жест Димитрия.

— Разве Фиоре не... кхм... шпионы?

Жан развеселился.

— Чьи?

— Что?

— Чьи шпионы? Если мы, конечно, берём данное утверждение за правду.

— Ну... Императора.

— Так... и в чём проблема?

— Им можно доверять?

Жан расхохотался.

— Интересный вопрос. У меня есть встречный. А мы все, в том числе Её Величество, кому служим?

Дитрих смутился, зарываясь носом в свой бокал. Он был из тех людей, кто, пьянея, становится молчалив и склонен ко сну, Жану это было видно как солнце в ясный день.

— Именно. Я вам больше скажу, “сеть” Фиоре отныне ваш полезный инструмент. Часто, если нас посылают в другой город, мы подаем рапорты именно так: через Фиоре. Приходим в церковь, просим исповеди и рассказываем, что нужно донести до ушей Её Величества. Мы можем и со своим личным соколом всюду ездить, или же пользоваться городскими. Но это долго и чаще всего неудобно. Во всех монастырях, соборах и церквушках знают наши знаки отличия, исповедь будет принимать священник или священница понимающая, что и кому нужно передать, — Жан задумался. Он почувствовал, как неожиданно всего два бокала дали ему в голову, но остановить себя не успел. Его уже понесло. — Меня всегда интересовало, почему люди так относятся к нашим воцерковлённым герцогам? Перешептываются, шипят, недолюбливают. Говорят за спиной, что эти “злые пауки” протянули свою паутину всюду, и никому нельзя чихнуть без их ведома. И всё равно, после всех слухов и плохих слов, маршем идут на службу в ближайшую церковь. Причем сами идут, никто их туда не тащит. Все — и крестьяне, и мещане, и дворяне. На исповеди ходят, ну вы подумайте! Опять же — сами! Вы бы знали, сударь, как часто я слышал нечто на подобии “Нужно освободить теургизм от влияния этих проклятых Фиоре!” И каждый раз это лишь пустые фразы. Потому что как бы кто ни хотел видеть церковь “свободной”, жить долго и умереть в старости хочется всем. А это сложно будет проверить, если Император проглядит поднимающийся мятеж, который зальёт кровью полгосударства. Отдельный вопрос, насколько эта паутина выполняет свои задачи, если все знают, что это за задачи...

Дитрих, ошарашенный неожиданным философским дискурсом, сидел и моргал. Жан в мыслях дал себе подзатыльник.

— Прощу прощения. Давно не пил, очень легко мне язык развязало. Я бываю тяжел, если приму на грудь.

— Кхрм... Я заметил.

— Ещё вопросы? — после неловкой паузы спросил Жан.

— Никаких.

— Вот и замечательно. Тогда допиваем бутылку, и я вас провожу к мастеру Ривеннану. Он шьёт адъютантам платья. Прекрасный весёлый мужичок. Он мне как-то голову чуть не проломил... хотя... я слишком мало выпил, чтоб об этом рассказывать.

Дитрих, всё ещё пребывающий в состоянии прострации, угукнул и опрокинул в себя полный бокал вина.

Жан смотрел на своего нового сослуживца и молча молился Кетеру, прося уберечь Дитриха от невозможных выборов и глупых поступков. Когда он был совсем маленьким, то часто с отцом и матерью ходил на службы. Поступив в распоряжение Императрицы, перестал. Церковь больше не ощущалась как обитель Творца, теперь она была полевым госпиталем или военным штабом. Не раз после стычек Жану врачевали раны в кулуарах Собора Святой Аргеи, когда идти ко двору в окровавленном доломане было категорически нельзя. Не раз он выслушивал приказ от Её Величества, переданный через церковных соколов.

Семь месяцев назад, остановившись в дорожной гостинице для небольшой передышки, они с Себастьяном знатно напились и их потянуло на откровенности. Во тьме исирской ночи они пришли к неожиданному выводу: оба адъютанта молились молча, а исповедовались только сами себе. Никто из них не имел действительных духовников, только связных, и естественным образом они привыкли жить в себе, хороня любые тревоги в закоулках памяти. Себастьян тогда рассмеялся, утверждая, что надо им обоим жениться на каких-нибудь простодушных крестьянках, а потом запереть их в своих замках, чтобы можно было хоть с кем-то делиться переживаниями, не опасаясь огласки. Жана такое предложение, сказанное казалось бы в шутку, испугало. Но сейчас он понимал, что сколь бы ни было оно ужасным, может быть это был единственный способ не погибнуть от разрыва сердца в скором времени. Сердце не бездонное, и слишком много переживаний оно не сможет удержать.

Дитрих попробовал схохмить, неловко и невпопад. Жан рассмеялся, будто это была лучшая шутка из всех, какие он слышал.

Глава 5. Клариче Фиоре

Сразу после разговора с Жаном, камер-фрейлина направилась в покои Её Высочества. К Императрице прибыли гонцы от королевы Весттора с дарами по случаю предстоящего Маскарада. Тельма и так оттягивала приём, дольше заставлять послов ждать было не допустимо. На это время место у постели больной заняла Клариче.

В просторной спальне окна были раскрыты нараспашку, ветер трогал белоснежные портьеры. В этой комнате стоял свежий весенний холод, и Клариче, как и прочим визитёрам, приходилось надевать меховой плащ при входе. Больной мороз был не страшен — Аспасия его просто не замечала из-за неспадающего жара. И всё равно она куталась во множество одеял, хотя и утверждала, что озноба нет. Мастер Кайдзен заверял, что свежий воздух способен отогнать любую заразу. Он часто это повторял, и Клариче с каждым разом было всё сложнее себя удержать от саркастического ответа. Однако мастер практически всегда оказывался прав — императорский медикус знал своё дело. Он уже дал Её Высочеству все микстуры, какие только можно было. Дело оставалось за малым: ждать результатов. Проблема в том, что он лечил тело, а надо было — дух.

Клариче давно это поняла, как и, наверное, Императрица.

То количество всевозможных зелий и трав, которые в неё влили, могло и лошадь поднять из могилы, но пухлощекую принцессу почему-то не спасало. Вывод напрашивался сам собой: Аспасия просто не хотела выздоравливать.

— Ваше Высочество? — Клариче присела в кресло у камина. Огонь развели специально для визитёров, до кровати тепло едва ли доходило. Сзади висела чудовищная картина с медведями, и Клара слабовольно радовалась, что сидит она к ней спиной.

Больная лежала так же, как и несколько часов назад, когда Клариче отошла по поручениям Императрицы. Из-под горы одеял виднелась рыжеволосая макушка и сами волосы, разметавшиеся по подушке. Ещё угадывался один глаз, закрытый, но Клариче была уверена — принцесса лишь притворяется спящей. Люди во сне как правило тише дышат.

— Ваше Высочество, прошу прощения, что тревожу, но, может, вам станет лучше, если...

— Мне станет лучше, если тебе к шее привяжут камень и бросят на дно Увра, дрянь.

Камер-фрейлина по-кошачьи склонила на бок голову, изучая новое поведение Аспасии. Раньше она вовсе не говорила.

— Я виновна перед вами, что упустила яд. Мне стоило самой попробовать эти грешные пирожные, Ваше Высочество. Не один кусочек, а больше. И ваш напиток тоже. Вы ведь знаете, как я переживаю и корю себя за случившееся!

— Ты не переживаешь. Для тебя не имеет значения, как я себя чувствую. Всё, что тебя волнует — выполнила ли ты приказ моей матери! Могу поздравить — ты превзошла себя!

Одеяла зашевелились. Аспасия резко поднялась, сев. Она была одета в белое ночное платье, насквозь промокшее от пота. В нос Клариче ударил запах болезни и грязи, но она не сморщилась. Наоборот, заглядывала в лицо принцессы преданными большими глазами.

— Что вы такое говорите, Ваше Высочество?! Я бы не посмела..!

— Молчать, псина! Ты — убийца! Слушать не хочу, что ты мне скажешь! И видеть тоже! Пошла вон! — из глаз больной полились слёзы, а зычный голос отразился от стен. Кларе даже почудилось, что портьеры колыхнулись от него.

— Ваше Высочество, я не могу! Императрица... — Клариче упала на колени, судорожно соображая как заставить Аспасию сбавить тон. Визг девушки, должно быть, слышали на окраинах столицы.

— Ты ещё жива только потому, что Эвана здесь нет! Как только он приедет, я всё расскажу ему! И он прикончит тебя! Прикончит как бешеную шавку! — принцесса кричала, рыдая, и яростно мяла край платья в руках. Послышался треск ткани, но она не обратила внимания. — Он будет убивать тебя медленно! Так же медленно, как ты убивала моего сына!

Клариче тоже пустила слезу, подползая к кровати. Шпик, сидящий за стеной, обязательно передаст эти слова Императрице, а Она уже непременно обсудит их с Кларой. Но любой выговор не шел ни в какое сравнение с тем, что истерику мог услышать посторонний.

— Ваше Высочество... Что вы... Как я.. Святая Аргея... Я... — Клариче начала задыхаться.

— Хватит! Прекрати спектакль! Как ты смеешь разыгрывать эту жалкую сценку передо мной?! Как смеешь ты даже рот свой поганый открывать?!

— Ваше Высочество! — воскликнула Клариче. Аспасия замолчала, удивившись ответному крику. Камер-фрейлина у самой кровати села на пятки и судорожно схватилась за край мокрого платья принцессы. — Ваше Высочество, с вами поступили чудовищно! Отравитель заслуживает смерти, вы правы! Но не смейте хулить вашу матушку! Государыня не может спать и совсем ничего не ест. Она переживает за вас, как за себя! Мы с прочими фрейлинами каждое утро через силу кормим Её! Вы не представляете, как мы молимся за вас и ваше здоровье! И как молится Она! Всю прошлую ночь Императрица провела в Соборе Святой Аргей, неустанно молясь Защитнице! Его Величество тоже был там! Он стоял на коленях пред ликом Святого Кетера и умолял Его оградить вас от бед!

Клариче утёрла слёзы платьем принцессы.

Аспасия проследила за этим действием, а затем легла на подушки и вновь укрылась с головой. Больше она не произнесла ни слова.

Камер-фрейлина ещё четверть часа сидела у кровати, всхлипывая и бормоча что-то нечленораздельное, а потом последовала примеру принцессы: сделал вид, что заснула. Она не закрыла глаза, это было не обязательно — Аспасия всё равно не видит её лица, но выравнила дыхание, сделав его мерным и медленным, как учил отец.

Прошел час, а затем и два. Солнце прошло зенит, начиналась вторая половина дня. Ноги Клариче затекли и начали болеть, но она боялась, что если встанет, то вновь навлечет на себя гнев, оттого сидела, прислонившись к кровати и терпела. Принцесса так и не заснула. Наконец, скрипнула дверь, и по хархирским коврам зашуршало чьё-то платье. Клара закрыла глаза.

Неизвестная вышла в центр комнаты, остановилась, видимо оглядывая раскрывшуюся картину, а затем тихо подошла к Клариче. Она склонилась к лицу камер-фрейлины. Клара сосредоточилась, вспоминая в уме таблицу умножения. Самой сложной частью в инсценированном сне для неё всегда было держать в узде свои глаза. Они постоянно норовили посмотреть то в одну сторону, то в другую, даже под закрытыми веками, а такие движения заметны со стороны.

— Сударыня, — шепотом позвал девичий голос. Клара сразу узнала Ивонет, но не пошевелилась.

— Суд...

— Толкни эту дрянь. Может, разбудишь, — хрипло отозвалась Аспасия из-под одеял.

— Ой! — пискнула Ивонет, отпрыгивая от кровати и сразу же приземляясь в глубокий реверанс. — Ваше Высочество, я думала, вы спите.

— Нет. Она — да. Забери её отсюда.

— К-Конечно! — Ивонет начала тормозить Клариче. Не сильно, но ощутимо.

Камер-фрейлина изобразила своё лучшее “пробуждение”, со сладким, совершенно не кургуазным, зевком. Она сонно посмотрела на гостью, возвращая во взгляд осмысленность, а затем испуганно вскочила, болезненно охая от ощущения своих ног, заозиралась и сбивчивым шепотом спросила:

— Который час?

— Полдень прошел. Вас зовет Её Величество. Мастер Кайдзен сменит вас здесь, — так же тихо ответила Ивонет.

— Да, хорошо. Идём, — Клариче в последний раз осмотрела принцессу, грустно вздохнув, и вышла из комнаты. Девушка засемила следом. В кабинете, через который они проходили, жил Агерджи — любимый пёсик принцессы, золотистый чистокровный пайцф. Как и прочие пайцфы, он был криклив, пуглив и злобен. Сейчас его держали здесь, чтобы он своей бодростью духа не перенапрягал больную — ей нужно отдыхать. Но он не скучал: все, кто проходили к Аспасии, обязательно гладили его, а порой и приносили что-нибудь вкусенькое.

Вот и сейчас, он радостно уплетал жирную колбасу, пока его с умилением разглядывал мастер Кайдзен. Заметив девушек, медикус отвлёкся от созерцания и тепло поприветствовал:

— Добрый день, сударыни. Как Её Высочество?

— Добрый, мастер. Спит. Надеюсь, что поправляется, — ответила камер-фрейлина, кладя на тахту меховой плащ.

— Понятно, — скорбно выдохнул мужчина и, не прощаясь, прошёл в спальню. За ним тенью скользнул вошедший в двери гвардеец из личной стражи Императора и другая фрейлина Императрицы — Роза. Они с Клариче на ходу обменялись кивками.

Солнце медленно но верно начинало греть. Сквозь витражи дворцовых коридоров пробивался не только свет, но и тепло. Клариче шла вперёд, упруго ступая по полу, чтобы почувствовать мышцы голени. Они жутко болели.

*

Тельма Хион устроила для послов королевы Маргарет скромный, но изысканный приём. Она пригласила во дворец Серафину Раэль — самую известную столичную певицу. Чтобы посмотреть оперы с её участием, в Аргею приезжали с другого конца света. И порой, очень редко и только по просьбе особенных людей, она выступала на частных торжествах и балах.

В малом приёмном зале, украшенном сотнями свечей, на возвышении стояла леди Серафина и исполняла арию Луцинии из “Легенды о Катал”. В полукруг вокруг неё расположились веститорцы в забавных национальных костюмах, несколько слугителей двора и фрейлин.

Луна скользит по тихим ветвям сада,

Где каждый ствол — души моей мольба.

Мне в этой жизни ничего не надо,

Лишь чтоб тебя вернула мне судьба.

В тот год, когда ушел ты в край далёкий,

Сказав “прощай”, мой избранный, Катал,

Я в тишине, в печали одинокой,

Сажала вишню, чтоб ты путь домой сыскал.

Клариче и Ивонет остановились в проёме боковых дверей. Императрицы не было. Камер-фрейлина вопросительно подняла бровь. Иво растерянно поёжилась в ответ.

Никто из собравшихся не обратил на них внимания.

— Вы долго. У Её Высочества всё хорошо?

Ивонет подпрыгнула, а Клариче молча обернулась. Елизавета Звонельская, ещё одна фрейлина Императрицы, стояла в коридоре позади них. Русая девушка с добрым смеющимся лицом даже сейчас улыбалась, хотя за последние дни свита Её Величества, кажется, вовсе разучилась этому обыденному действию.

— Без улучшений.

— Что ж, ясно. Ну ничего, принцесса у нас бойкая. Выкарабкается! — Лиз кивнула, как бы в подтверждение своих слов, и тут же обратилась в слух.

Проходит год — и саженец короткий

В сухую землю падает тайком.

Ищу твой след на опустевшей тропке,

Скрывая в горле горький слёзный ком.

А сад растёт, смыкаются вершины,

Весной кипит в нём белый океан.

Но нет вестей из той чужой теснины,

Где ты пропал, где порох и туман.

— Как же она поёт... — мечтательно протянула Ивонет.

— И правда, — откликнулась Лиз.

Клариче просто слушала. У леди Серафины был чарующий контральто. Низкий медовый голос обволакивал и тянул за собой во времена становления молодой Империи. Он баюкал и будоражил. Рассказывал историю о бедной принцессе Луцинии, отправившей жениха на войну и так и не дождавшейся его возвращения. Гостя пела, а перед взором как будто цвёл вишневый сад. Клариче была готова поклясться, что своими глазами видела несчастную принцессу, увядающую под белыми кронами деревьев от несчастья разлуки. Безжалостное время превращало девушку в женщину, а потом и в старуху. А сад, как назло, только ширился.

Мой милый друг, Катал, любовь моя и горе,

Смотри, как вишни выстроились в ряд.

Их сорок две в моём немом дозоре,

Они о нашей верности кричат.

Я прохожу под тенью их густою,

Ловлю рукой летящий лепесток.

Струится плач невольною рекою,

И целый свет мне кажется жесток.

Ты не пришёл к началу листопада,

Не встретил оттепель у нашего крыльца.

И лишь цветы большого злого сада

Мне шепчут, что разлуке нет конца.

— Идём. Долг зовёт, — шепотом позвала Лиз.

Клариче молча кивнула, и девушки двинулись прочь. Иво, шедшая чуть позади, вытирала щёки кружевным платком. Шлейфом за ними тянулся пленительный голос.

*

Императрица стояла у небольшой стеклянной вазы, в которой плавали золотые рыбки. Она их не кормила, просто разглядывала. В руках у Неё была небольшая шкатулка. В таких как правило хранили парфюм. Рядом, кротко сложив руки в перчатках и склонив голову, ждала Домника Драгулеску. У маркизы был измученный, практически изувеченный вид.

Клариче вошла в будуар, не здороваясь, только кивнула приветственно маркизе. Та с задержкой ответила тем же.

— Повтори основное, — велела Тельма.

— Лисицы нападут в этом году, — слабо откликнулась Домника.

Клара помолчала, затем спросила:

— Это всё?

— Всё. Больше новостей нет.

Это было неправдой. Не заметить того, что маркиза была на грани обморока, было невозможно. Она даже руки сжимала с силой, старалась это скрыть, но безуспешно. А это уже говорило о многом: с тех пор, как ей несколько лет назад сожгли ладони, она, даже в перчатках, прикасалась к чему-либо осторожно. Кожа зажила, оставив рубцы, но всё равно часто болела и была очень чувствительной.

— Ваше Величество, если позволите, — начала Клариче. Получив разрешение от Императрицы, продолжила: — Вы знаете мою точку зрения. Всё это деревенское колдовство — фальшь и обман, чтобы драть с легковверных дворянок большие суммы. Не может такого быть, чтобы какая-то ведьма в глуши могла по облакам прочесть будущее. У Лисхэ нет никаких оснований нападать на нас: брак сестры Его Величества и их императора; рост торговли; грядущие послабления пошлин, о которых они прекрасно осведомлены. К тому же мы планируем поддержать их в конфликте с Шарратом. Лисхэ империя — чуть ли не единственный наш уверенный союзник на данный момент. Заявлять, что они вдруг объявят войну...

— ...Глупо. Согласна с тобой, Клара, но некоторые аспекты рассказа Домники говорят об обратном. Возможно, эта колдунья могла быть права.

— Ваше Величество, Вы допускаете существование магии?! — воскликнула Клариче, но тут же придала лицу простое почтительно-вопросительно выражение.

— Я его допустила ещё когда отправила Домнику на встречу с этой каргой, — улыбнулась Императрица. — И вообще-то в Писаниях много раз упоминаются чудеса, заклинания и проклятья, сударыня Фиоре. Я думала, твоя фамилия обязывает знать и доверять таким вещам.

— Простите меня, Ваше Величество, но Писания — это одно, а...

— Колдунья была права. Она просто не могла ошибаться, — вдруг встрепелась Домника, до этого безразличная к разговору.

Тельма будто не заметила отсутствия манер. Она отошла от вазы с рыбками и опустилась на свой излюбленный диван, вытянув ноги. Камер-фрейлины переместились в кресла напротив.

— Всё это так внезапно. Чего угодно ожидала, но не такого развития событий, — Императрица задумчиво крутила в руках шкатулку. — Вот что: Домника, иди к себе. Отдохни. На тебе лица нет. Присоединишься к свите послезавтра, мы встречаем Эвангелоса из его... учебной поездки.

Маркиза встала, исполнила свой самый почтительный реверанс и удалилась. Клариче не посмотрела ей вслед. У них ещё будет сегодня время для разговора, рано прощаться.

— Вы и правда верите в предсказания ведьмы?

— Нет. Она сказала первое, что в голову придёт. Ей нужно было скормить Домнике очень ценную вещь, которую никто другой бы не сказал, и она справилась с этой целью блестяще.

— Тогда зачем?..

— А вдруг, — неопределённо взмахнула рукой Тельма. — Всякое может быть. Хотя некоторую пищу для размышлений она мне дала.

Императрица замолчала на мгновение, затем обратила внимание на шкатулку в руках, как будто впервые заметила. Скривившись, передала её Клариче.

— Вылей в пруд, где беседка, а затем брось неподалёку, в какое-нибудь укромное место. Жаль, конечно, кой, но выбора нет. Сделай это сегодня до заката. Платье надень синее.

Заглянув внутрь, Клара еле слышно хмыкнула. В шкатулке лежал флакон с остатками отравы.

— Ваше Величество?

— Хочешь спросить, кто такой молодец, что чуть не порушил нам союз с Весттором, забравшись под юбки Аспасии? — всезнающе улыбнулась Тельма. — Не удовлетворю любопытства, не обольщайся.

Понятливо кивнув, Клариче поднялась, собираясь уходить, но Императрица жестом велела сесть на место.

— Мне передали, что моя дорогая дочь обвиняла тебя в отравлении и меня, как следствие, это так?

Камер-фрейлина мысленно восхитилась тому, как споро начали работать дворцовые шпики. Два года назад о событиях узнавали сначала из сплетен, а потом уже прибежал паж с запиской от нижнего уровня дворца. Сейчас же всё было ровно наоборот.

— Да, Ваше Величество.

— Значит, Кайдзен, — тяжело вздохнула Тельма, что-то решив для себя. — Хороший был человек.

— Его убьют? — спросила Клариче. Она тоже считала медикуса хорошим.

— Нет, я же не хархирка, — фыркнула Императрица. — Он не зла желал, а дурной девице посочувствовал. Объявит во всеуслышание, что ужасное отравление подкосило его душевное здоровье, хочет сменить обстановку. Уедет в Исир, будет на псарне герцога Павла за его ненаглядными щеночками присматривать. Он собачек любит.

Клариче выдохнула, с удивлением для себя обнаружив, что, оказывается, задержала дыхание.

— Кто-то слышал истерику Её Высочества? Мне нужно что-либо предпринимать?

— Пока неизвестно. Во всяком случае, мне не докладывали. Но мыслишь в правильном направлении. Передай своим девочкам, чтоб с особым вниманием относились к любым разговорам о криках Аспасии.

— Да, Ваше Величество.

— Фон Ланг. Что с ней?

— Согласилась. И, пока мы шли к малому приёмному залу, она передала мне, что уже пригласила Леонор в театр.

— Хорошо. Очень хорошо, — протянула Тельма. — Что ещё, что ещё... Ах да! Жан. Закажи от моего имени для него новую шпагу. Средств не жалея, пусть будет самой прочной и красивой. Я преподнесу ему дар на Маскараде.

Клариче мысленно сделала себе пометку, что адъютанта нужно будет предупредить заранее. Он не сможет удержать лицо, если будет не готов.

— И последнее, — Императрица встала. — Ты помнишь, какие платья нравятся моему супругу?

— Чуть под старину, с круглым вырезом, — без запинки отрапортовала Клара, поднимаясь следом.

— Верно. Надень такое на встречу Эвангелоса и прикажи пошить наряд схожего фасона на Маскарад. Встанешь не по регламенту, чуть ближе ко мне, обязательно выделяясь из свиты. На этом всё.

Клариче постаралась скрыть то, как испугали её последние слова Тельмы. Она на деревянных ногах покинула будуар Императрицы, молясь, чтобы приказ оказался не тем, чем виделся. Шкатулка с отравой резко начала жечь руки.

Глава 6. Андрий Звонельский

Аргея цвела. Окончившаяся война и грядущий Маскарад вселяли жизнелюбие в жителей великого города. Даже грозы, привычные в это время года, решили повременить или вовсе не явиться на службу. По узким улочкам сновали вестовые, лавочники открывались раньше и закрывались чуть позже положенного, а гвардейцы городской стражи вопреки своим обязанностям не мешали им жить. На Лыняной площади уже несколько раз давали выступления артисты Императорской Оперы. Толпы, собравшиеся поглазеть на именитых певцов и танцоров, разгоняли, конечно, но нехотя. Видно было, что люди, выдохнувшие после затяжного времени страха и неопределенности, наконец почувствовали вкус жизни.

Андрий на своём верном то ли гнедом, то ли рыжем Зайце продирался сквозь людские массы нехотя. У него, посыльного канцлера, всегда было много забот, а в эти дни — особенно. За последние месяцы он столько раз проделывал путь между Дикастерией Посольских Дел и помещьем посла Хархира, что он, этот драный путь, ему уже снился. Молодой человек готов был поклясться, что смог бы пройти его пьяным с завязанными глазами без остановки и ошибки.

Сейчас же он направлялся в новое место. Маркиз Людвиг Розмарк, владелец богатой горной марки, снабжавшей всю Империю и несколько других стран драгоценными камнями, недавно закончил строительство особняка в столице и теперь обживался в новом доме. Отец Андрия шутил, что эта новость заставила Главного Сокольничего прыгать до потолка как маленького мальчика — больше не придётся гонять соколов в горы, по крайней мере в ближайшее время. Птичкам они по необъяснимой причине страшно не нравились, пернатые вестовые вечно возвращались сердитыми и как будто одичавшими. Да и дела пойдут быстрее.

Андрий ехал в особенно приподнятом настроении не только из-за долгожданной смены места назначения, но и по другой, более возвышенной причине. Когда Андрию было девятнадцать, его обвенчали с прекрасной Аврелией Бергер. Их познакомили и они даже сдружились, если не сказать иначе. Он был влюблён в кроткую добродушную девушку до беспамятства, и, готов был поклясться, она отвечала ему взаимностью. Однако отцу невесты было не до чувств своей дочери. Он каким-то чудом смог уговорить самого Людвига Розмарка на брак, и счастливая семейная жизнь Андрия закончилась, так и не начавшись.

С того момента прошло много времени — шесть долгих лет. Андрий вырос, возмужал даже, успешно служил под началом отца в Дикастерии Посольских Дел, был обвенчан уже с другой — свадьбу наметили на раннюю осень. Аврелия же, выйдя замуж за Людвига, исчезла из мира, заперевшись в замке Розмарков. Андрий всячески уверял себя, что девушка счастлива, он ведь помнил, как она говорила, что любит свежий воздух и пушистых коровок, живущих на высокогорных лугах Лара. И всё же молодого человека затворничество бывшей невесты беспокоило не на шутку. Аврелия хоть и была робкой девушкой, но балы любила, а столичную жизнь и вовсе обожала. Она выгуливала своих нянечек на каждую премьеру оперы и балета, даже в крестьянский цирк водила, и никакие возражения не принимались. Что могло заставить её отказаться от жизни в любимой столице? Андрий предчувствовал ответ, и он ему не нравился.

Особняк Розмарков был небольшим, по-мещански скромным. Единственным элементом, выдающим богатство хозяев, были резные ворота, не способные сдержать, пожалуй, никого, даже ребёнка малого. Андрий подъехал к ним, постучав серебряной печаткой о железные витые прутья. На лязгающий звук металла о металл из конюшни, пристроенный к тёмно-желтому зданию, высунулась лохматая голова конюха.

— Открывай! Я от канцлера!

Кричать было не обязательно, мальчишка с другими слугами уже спешили отворить резное великолепие. Один из них юркнул в дом предупредить маркиза.

— Милсдарь, как вашего жеребца зовут? — спросил конюх, пока Андрий спешился. Посыльный опешил.

— Для чего спрашиваешь?

— Так лошадок же всё звать надо, пока вычесываешь. Они так своё имя любить будут и на него отзываться.

— Да? Не знал. А его зовут Зайцем, — Андрий поспешил внутрь, оставляя удивлённого конюха за спиной. У дверей его встретил дворецкий и велел следовать за собой.

Внутреннее убранство особняка не сильно отличалось от внешнего. Можно было культурно назвать коридоры, по которым шёл посыльный, строгими, но правда была более просторечной. Слуга вёл молодого человека к кабинету своего хозяина, и по пути Андрий насчитал целых две картины, одну статуэтку и две вазы с цветами. Одного из богатейших людей Империи подняли бы на смех, если бы увидели эти пустые стены и скудость в украшениях.

В кабинете никого не было. Его усадили на удобный диван, принесли закуски с вином и велели ждать. Андрий отпил немного, и оказалось, что прижимистый маркиз расщедрился на луску. Посыльный отставил бокал и решил растянуть его на всё время пребывания здесь. Может, Розмарк и был готов поделиться таким сокровищем, но любой уважающий себя дворянин никогда бы не злоупотребил луской. Никогда.

— Ты повзрослел.

Андрий вскочил на ноги, чуть не опрокинув столик, а вместе с ними и питьё с закусками.

Аврелия, теперь уже Розмарк, а не Бергер, совсем не изменилась. Тонкая, лёгкая, как пёрышко, она казалась изящной куклой, оживлённой самим Творцом. Андрий и не надеялся, что правда увидит её сегодня, но теперь, когда она стояла перед ним во плоти, ему казалось, что он понял, наконец, занудных церковников, ждущих явления Третьего Теургита. Если они испытывают хотя бы толику той же щемящей нежности и восхищения, представляя встречу с мессией, то Андрий готов был простить все полуночные службы, громогласно проводившиеся в Соборе напротив поместья его семьи. Нельзя же обижаться на товарищей по несчастью.

Она стояла у дверей, держа на руках пушистого белого щенка неизвестной Андрию породы, и улыбалась ему. Аврелия. Улыбалась ему.

— Рад!.. То есть... — молодой человек скомкано поклонился. — Добрый день, Ваше сиятельство.

— Добрый действительно! — засмеялась она звонко, как колокольчик. — Представляете, а я ведь не знала, что вы трудитесь в столице! Думала, ваш отец уже назначил вас куда-нибудь в Весттор или Треоле.

— Нет, сударыня, служу здесь, секретарём и посыльным у канцлера, ну, то есть... отца, кхм, — Андрий прикрыл глаза, проклиная себя за то, что добавил важности своей службе. Никакой он не секретарь. Только посыльный.

— Так вы решили остаться дома.

— Скорее за меня решили, но я с радостью согласился. Мои великие свершения на посольском поприще не произойдут, если я поеду в другое государство без подготовки, — молодой человек решил в отместку за ложь в предыдущем ответе наказать себя, раскрыв неприятную правду хотя бы здесь. Да, он всё ещё ведомый мальчик, который сам ничего не решает. Да, он в свои двадцать пять служит всего лишь каким-то вестовым. Смотри на него, Аврелия. Смотри, и хотя бы попробуй порадоваться, что помолвка сорвалась. Простому посыльному роскошь радости недоступна.

Аврелия смотрела. И улыбалась, тепло и с любовью.

— Вы точно повзрослели. Я помню наши разговоры. Вы так часто в красках описывали, как через год-два сорвётесь с места и заживёте в посольском поместье в Шаррате или Хархире.

Будете каждое утро ходить на рынок и торговаться с лавочниками, причем сами! И станете самым красноречивым человеком в мире, даже уговорите маршаха Хархира не начинать войну!

Андрей хотел было поправить её, сказать, что это были не его мечты, а их, деталь про рынок, к примеру, она сама и предложила когда-то, но успел прикусить язык.

— Среди моих друзей и близких эти устремления превратились в шутку, представляете? Брат каждое письмо мне начинается с "Дорогая причина Трёхлетней войны".

Аврелия засмеялась.

— Может, он в чём-то и прав, Андрей? — она чудесно произносила его имя, мягко и просто, как истинно верующий священник поёт слова молитвы. — Может, если бы вы всё-таки стали послом, этого ужаса бы не случилось?

— Нам не дано этого знать, сударыня. Я пришел...

— Стойте! — воскликнула она. Пёсик на её руках зашевелился от резкого звука, но она, приласкав и успокоив, передала его Андрею. Их пальцы соприкоснулись, и молодой человек заметно дёрнулся. Аврелия же как будто этого и не заметила. — Как только я узнала, что это вы к нам заглянули, то побежала на псарню. Моя талька недавно родила, это один из её щенков. Возьмите. Эта девочка — мой вам подарок. Я же помню, как вам нравилась охота, а особенно играть с борзыми. Сейчас у вас мало времени для такого рода отдыха, но пусть эта красавица дома будет дарить веселье в редкие минуты покоя. Тальки очень верные и бойкие собачки.

— Благодарю. Как.. вы поняли, что посыльный — я? — зацепился Андрей за странность. Маркиз натренировал своих слуг на портретах, чтоб они знали всех, кто может приехать, в лицо? Щенок в его тесной хватке вырывался, но не сильно, будто нехотя.

— Под моими окнами проходил конюх и разговаривал с вашим конём. Отто у нас хороший, любит животных. Так вот вашего Зайца я помню чуть ли не лучше, чем вас. Он же как-то пытался съесть мои волосы.

— У него до сих пор осталась эта привычка, — ответил Андрей. — Не пробует на зуб только мои. Императорские конюхи его называют Граф Голодный, когда думают, что я не слышу.

Аврелия вновь рассмеялась, но на этот раз смех стих практически мгновенно.

В кабинет вошел маркиз Розмарк. Худощавый мужчина с впалыми щеками и длинными прямыми волосами был одет в той же аскетичной манере, что и построен особняк. Было видно, что ткани сами по себе дорогие, да и пошито на века, если не тысячелетия, но узоров не было, как не было и так любимой столичными кутилами вышивки золотыми нитками. Он остановился у самой двери, не проходя вглубь кабинета и нечитаемым взглядом посмотрел на Аврелию.

— Ваше сиятельство, добрый день. Вам письмо от канцлера, — Андрей положил щенка на диван и достал из-за пазухи запечатанный конверт. Талька, довольная, что её оставили в покое, разлеглась, умудрившись занять собой пол дивана. — Настоятельно просят ответить как можно быстрее.

Маркиз принял письмо, переведя тяжелый взгляд на белую зверушку. Аврелия, не сжавшись, как ожидал того Андрей, и не испугавшись своего супруга, только тяжело вздохнула и удалилась, бросив виноватый взгляд на обоих мужчин.

— В таком случае не будем заставлять ждать графа Звонельского, — Людвиг не посмотрел ей вслед, как будто вовсе забыл о ней, стоило увидеть конверт. Он отошёл к столу и сел, распечатывая послание. — Садитесь. Вы, должно быть, его сын, Андрей, верно?

— Да, Ваше сиятельство. Это так.

— Хорошо. Мы недавно обосновались в столице, но судя по тому, как идут дела, надолго. Я бы хотел вас кое о чём попросить. Позволите?

— Да, конечно! Всё, что угодно.

— Что угодно не надо, — ухмыльнулся Людвиг, уже читая письмо. Его умение вести разговор и вникать в витиеватый слог канцлера слегка удивило Андрия. Он такого никогда не видел. — Я затворник. Не люблю балов и их любителей. Однако, Творец требует перешагнуть через неприязни и влиться в светскую жизнь Аргеи, а Он мудрее сердца. Вы же — моя противоположность. Носитесь по этому шумному городу последние несколько лет, регулярно ходите с друзьями на премьеры балета, он из всех искусств вам особенно нравится, если не ошибаюсь. Я прав?

— Правы, — ответил Андрий. Его не смутило всезнание маркиза. Розмарк много переписывался с его отцом и несколько раз младший Звонельнский даже видел содержание писем. Друзьями бы он этих двух мужчин не назвал, но приятелями — вполне.

— В таком случае моя просьба звучит так, — Людвиг отложил письмо и достал бумагу с пером. — Покажите мне Аргею с самой красивой её стороны. Мне нужно знать не только названия недавних премьер, но и увидеть их вживую. Ещё не отказался бы от нескольких балов или приёмов. Кабаки и бордели меня не интересуют. Они везде одинаковые.

— Хотелось бы мне вам ответить, что и балет всюду схожий, но, боюсь, тут вы правы: столичные развлечения совершенно уникальны, — сказал Андрий, почёсывая щенка за загривок. Тот сладко пищал. — С удовольствием сопровожу вас на несколько представлений. Я даже могу уже представить, что вам можно показать...

— Замечательно, — отозвался маркиз и начал писать ответ канцлеру. Сочинять письма, значит, не мог, одновременно разговаривая.

Прошла четверть часа. Андрий мелкими глотками цедил луску, скормив белому непоседе несколько кусочков балыка. Розмарк писал, а перед глазами посыльного стоял его вид, когда он вошел в кабинет. Что, драть его, происходит в этом доме? Он боялся, что обнаружит здесь побитую и несчастную Аврелию, молящую его выволить из темницы богатого горца, но этого не было. Она встретила его не как спасителя, но старого друга. И замолчала, когда супруг вошел, не от страха, а скорее неловко, будто её поймали за изменой. Даже не таилась, что чуть расстроилась, ведь их счастливое воссоединение прервал маркиз, а вместе с ним и служебные обязанности Андрия.

— Готово. Передавайте отцу мои наилучшие пожелания и надежду на скорую встречу. Я снял охотничий домик на время Маскарада, как раз рядом с Карногатом. Жду его на бутылку вина и небольшую, но, смею надеяться, плодотворную охоту.

Андрий поклонился, принимая письмо. Спрятал его в дублет и потянулся к щенку, чтобы поднять.

— Они любят перепёлок.

— Простите?

— Тальки — зверьки привередливые. Выведены для скучающих дам, чтобы развлекать их. Требуют очень внимательного ухода и обожают перепёлок. Если захотите порадовать суку, закажите именно их у своего повара.

Андрий ещё раз поклонился, перехватывая поудобнее изворачивающуюся непоседу. Уже на выходе его догнал голос:

— И по поводу моей супруги. Хотелось бы прояснить...

— Ваше сиятельство, — перебил его Андрий. — Отвечу вам вашими же словами: Творец мудрее сердца. Глупо было бы идти наперекор Его решениям.

Маркиз усмехнулся, согласно кивая, а затем достал из ящика стола кипу бумаг. Андрий же поспешил во дворик. Заяц был нервным конём, ему не нравились незнакомые стойла.

Дикастерия Посольских Дел — одно из самых тихих мест в Аргее. Суетливых, да, но тихих. По коридорам бегают посыльные, в конюшне лошадей меняют чаще, чем хлипкие сапоги на марше. При этом никто не кричит, не зовёт кого-то. Не слышно жарких споров и разговоров. Все служащие говорят спокойно, порой даже шепотом.

Сейчас Дикастерия жила так же, как обычно. Без криков, но зато с непреходящей суетой. Когда Андрий поднялся на второй уровень, то чуть не врезался в Феодора, своего друга и посыльного вице-канцлера.

— Прости! Не задел? — остановился парень, поправляя съехавшую перевязь.

— Нет, всё хорошо. Ты куда?

— Опять что-то хотят вестторц... А кто это у нас такой? — Феодор бросился к другу, целясь руками в щенка, перепугавшегося больше всех от не случившегося столкновения. От порыва юноши он, точнее она, и вовсе заскулила.

— Талька. Девочка. Имени пока нет.

— Это мы поправим, — решительно заявил Феодор. — Приметы?

— Пугливая, по природе своей должна быть игривой, когда вырастет. Не особо голосистая, — Андрий замолчал и через силу проговорил: — Подарен Аврелией.

— Кем? — глаза парня расширились. — Она в городе? Ты с ней встречался? И как? Мне поздравлять тебя с приобретением любовницы?

— Да, в городе. Да, виделись. Встреча прошла нормально. Наверное. Нет, не поздравлять. И даже не намекать на эту тему. Она замужем. Я бы пустил пулю в лоб, если бы позволил себе испортить её репутацию.

Лицо Феодора приняло странное выражение: одновременно и скорбное, и заговорщическое.

— Хорошо, как скажешь, — протянул он противным голосом.

— Отец у себя?

— Идёшь хвастаться любовными победами?

— Федя!

— У себя. От него только ушел секретарь Его Величества. Не расстраивай его там ничем. У них с моим Хозяином по поводу Весттора должна быть вечером какая-то жутко важная встреча. Всего доброго! — Феодор исчез в закоулках Дикастерии так же стремительно, как и появился.

Андрий усмехнулся. Вице-канцлер Михаил Чезарнов был человеком сложного характера. Феодор, когда только поступил на службу, любил шутить, что сам себя в рабство продал, и иначе как Грязным Рабом, не называл. Шутки спустя полгода закончились, но вот называть Чезарнова Хозяином у шустрого посыльного вошло в привычку.

Андрий прошел ещё несколько коридоров, чудом проскользнул мимо старого секретаря и постучал в двери отцовского кабинета.

— Входи, Андрий!

Открывая двери, молодой человек спросил:

— Как ты каждый раз узнаёшь меня?

— Только ты стучишь. Остальные либо скребутся, либо входят без стука.

Елисей Звонельский, статный мужчина пятидесяти лет сидел за письменным столом, неизменно заложенном сотнями бумаг. У него были пышные золотые волосы до плеч без единого седого волоска и такая же густая, хоть и короткая, борода.

— Это кто?

— Собака, — ответил Андрий, усаживаясь вместе с ней в кресло напротив стола.

— Вижу. И?..

— И она хорошая, — под строгим взглядом младший Звонельский продолжил. — Подарок. Теперь будет жить со мной. Имени нет, но я готов выслушать любые варианты.

Елисей отложил счетную книгу, которую изучал до этого.

— Так Аврелия тебя помнит. Удивительно. Вы всего два дня с ней были знакомы.

Андрей, обидевшись, спросил:

— С чего ты решил, что это не маркиз Розмарк меня осчастливил?

— Он на дух не переносит декоративную мелочь. А твоей барышне такие под стать.

Справившись с приступом гнева, Андрей достал конверт и передал отцу. Тему разговора нужно было срочно переводить, иначе он взорвётся.

— От маркиза. Устно просил передать, что на Маскарад снял охотничий домик и с радостью пригубит с тобой бутылку вина в нём.

— Это хорошо. Хоть ненадолго спасусь от наших дорогих хархирцев. Может, со мной поедешь, — Елисей замолчал, окунаясь в чтение.

Прочитал он быстро. Отложил письмо. Почесал бороду. И спросил:

— Знаешь, что за вести передал наш зажиточный маркиз?

— Нет. Не обсуждали.

— Аврал с лисьими купцами. Они отказывают нашим людям со словами "простите, всё куплено, при том вами же", но мы точно ничего не покупали, и никто другой от нашего имени не мог. И всё это во время ажиотажа перед Маскарадом, — Елисей откинулся на спинку кресла, потирая виски.

— Ну, во-первых, бред какой-то. Во-вторых, зачем ты мне это всё говоришь? — не понял Андрей. Его никогда не посвящали в суть писем, которые он носит.

— Так, может, пора? Тебе не надоело таскать записки по городу? — протянул Елисей. Он встал, прошёлся по кабинету, разминая плечи и сказал: — Морошка.

— Что?

— Назови собаку Морошкой. Похожа чем-то.

Андрей посмотрел на свою новую лохматую подругу. У неё были большие рыжие глаза, которыми она внимательно наблюдала за перемещениями канцлера.

— И правда. Здравствуй, Морошка.

Талька радостно тьякнула. Андрей нежно потрепал ей уши, от чего девочка прикрыла глаза и как-то по-кошачьему заурчала. Хорошее имя, замечательное.

— Ты назначаешь меня на новую должность?

Елисей остановился у окна и посмотрел на площадь, раскинувшуюся внизу.

— Нет, освобождаю тебя от текущей. Чего ты хочешь?

Андрей застыл. Этот вопрос от отца он слышал впервые в жизни.

— Ну? — не выдержал молчания Елисей.

— Я думаю, — отозвался Андрей, гладивший Морошку по лобку. — Ты ждёшь честного ответа?

— Конечно.

— Спокойствия. Хочу я спокойствия. Так что должность секретаря, какого-нибудь самого мелкого, — перед глазами пролетел образ Аврелии, божественно красивый и недостижимый. — И чтобы свадьба была завтра, а не осенью. Прямо в Соборе Святой Аргеи.

Елисей засмеялся.

— Да уж, действительно честно.

— Ты сам попросил, — улыбнулся Андрей. — А если говорить без невозможных фантазий, то наверное всё же хотелось бы таки стать послом. У меня хороший язык. Можешь вызвать виконта Крета, он проверит. И ты знаешь, что я могу владеть собой, когда надо.

— Да, и говоришь правильно, — хлопнул себя по ноге Елисей. — Должность именно посла не обещаю. И скорее всего не в Хархир. Ты уж прости, но после войны у нас натянутые отношения, штат укомплектован, там новых людей сейчас не нужно добавлять. Обрати внимание: вопрос про лисьих купцов я тебе задал не зря.

Андрий хотел сказать пару ласковых о том, что он думает о Лисхэ, но Елисей жестом остановил его.

— Сгоряча не руби. Я правду сказал: освобождаю тебя от должности. Веселись, пей, гуляй. Маскарад скоро — развлекайся. У тебя есть время до свадьбы, чтобы пожить, как ты выражаешься, спокойно. Но я бы на твоём месте всё-таки открыл учебник по лисьему и пробежался, так, одним глазком. Не захочешь, постараюсь отправить в твой ненаглядный Хархир или, как и мечтаешь, сделаю секретарём. Но я бы на твоём месте трижды подумал. У нас начинаются какие-то проблемы с лисицами, демарш купцов не первая весточка, а прежний посол как раз складывает с себя полномочия. Новому избраннику нужны будут верные помощники. Как и мне — надёжные люди.

Андрий прижал Морошку к груди и, поднявшись, подошел к отцу.

— Маркиз Розмарк попросил, чтоб я показал ему столицу.

Елисей нахмурился:

— Ты согласился?

— Да.

— Что ж, хорошо. Только думай, что ты ему говоришь. Людвиг умеет слушать.

Андрий проследил за взглядом отца. На Льяной площади как раз выступали акробаты, факиры и шуты. Внимание Елисея было приковано к танцующей среди языков пламени нищенке. Она картинно задевала руками огненные шесты и делала вид, что обожглась.

Глава 7. Жан де Риш

Приземистое здание выглядело неказисто, особенно на фоне соседствующих кабаков. Небольшой особняк, старый, но видно, что недавно перестроенный, стоял в конце скромного переулка, куда человек незнающий никогда бы не забрёл. Однако, Жан прекрасно знал, куда идти. На самом деле, он тут уже дважды бывал.

Постучав четыре раза, адъютант Её Величества приготовился ждать, но в этот раз дверь открыли тут же. Пышногрудая барышня в перетянтом красном корсете пригласила гостя войти, и молодой человек, обозначив для неё поклон, протиснулся внутрь. Она от такого обращения сначала опешила, но быстро собралась, глухо захлопнув дверь.

В просторной прихожей никого не было, кроме них. К многочисленным маленьким люстрам были на соборный манер подвязаны полотнища ткани, только не серебряные, а пурпурные и синие. Стоял приятный полумрак, а воздухе витал запах благовоний.

— Молодой господин к нам зашел по записи?

— Нет, сударыня. Хотя, может, и да. Мои друзья сейчас у вас. Могу я присоединиться?

Женщина, смерив обречённым взглядом адъютантское платье Жана, ответила с запинкой:

— Конечно, можете. Прислать ещё девочек или..?

— Не стоит. Я только представляюсь. И, возможно, ограблю кошель моих благородных государей на неопределённое количество виroleй. У вас, если память не изменяет, хорошее вино. Мне нужны верхние комнаты, верно?

Несчастная с таким видимым облегчением заулыбалась, что Жан внутренне содрогнулся, представляя, что тут за полдня натворил принц, раз оказал такое неизгладимое впечатление на хозяйку.

— Да, господин, всё верно. Вам на самый верх. Там есть гостиная комната. Мои девушки сейчас подадут ещё вина.

— Буду ждать, — тряхнул головой Жан, и поспешил наверх.

Гостиная комната и правда была. В центре стоял большой дубовый стол, на котором вышались причудливым натюрмортом с дюжину пустых бутылок из-под вина. Ещё была одна полная — в неё как в самое ценное сокровище вцепился адъютант принца — Алексей Нешский. Он, как две капли воды похожий на своего старшего брата Дмитрия, спал, сидя за столом. Бутылку он обнимал, нежно что-то шепча сквозь сон. Светлые волосы его были растрёпаны, а часть прядей и вовсе была промокла от вина.

— Алекша, — позвал Жан, не снижая голоса.

Нешский отмер.

— Да? Что? Больше пока не над... — с силой протерев глаза и неприязненно коснувшись грязных волос, адъютант принца наконец разглядел гостя. Он тут же переменился в лице. — Жан! Какая встреча!

Молодой человек поднялся, задевая стол, из-за чего часть бутылок качнулась и, покотившись, разбилась о пол.

— Здравствуй, друг, — расплылся в ответной улыбке Жан, крепко обнимая старого товарища.

— Какими судьбами? Её Величеству требуется присутствие наследника на каком-нибудь чрезвычайно важном мероприятии?

— Отнюдь. Где принц?

— С очаровательной хаттонкой наверху, — Алексей глазами указал на усыпанную лепестками роз винтовую лестницу. Верх был закрыт от лишних взоров фиолетовой шторой.

— Её зовут Лили. Признаться, никогда не встречал таких прелестных созданий. Ты бы видел, как она танцует!

— Верю на слово, — усмехнулся Жан. — Они давно ушли?

— Не знаю. Мы метались по трактирам всю ночь, меня сморило. Уже утро?

— Петухи пропели четверть часа назад.

— Значит, скоро спустятся. Если, конечно, Его Высочество не заснул, как я, — Алексей вернулся к столу. — Присаживайся. У нас ещё осталось.

Жан расположился на свободном стуле, благодарно принимая бутылку. Бокалов не было. Алекша лакал прямо из горла, и Жан последовал его примеру. Вино было отвратительное. Видимо, всё хорошее принц уже выпил.

— Как жизнь твоя, рассказывай! Как ссылка?

— Кончилась. Вновь в строю, — жизнерадостно ответил де Риш. — Хотя целый месяц дома был настоящим подарком. Я и не знал, как сильно соскучился по заливу, пока не увидел его. Впервые за три года, подумать только!

— Так всегда бывает, — со знанием дела закивал Алексей. — Я ездил в Денград на днях. По делу, естественно, но когда увидал старые белёсые церквушки у городских стен, чуть не расплакался.

Жан согласно вздохнул.

— В таком случае тост! За Родину, большую и маленькую!

Бутылки адъютантов звонко стукнулись друг об друга. Жан осмотрел стол на предмет закусок, но их не было. Алексей понял его без слов.

— Мы всё съели. Надо бы ещё заказать.

— Надо, — согласился де Риш.

Нешский откинулся, сладко протерев глаза ото сна, который всё никак не уходил.

— Виделся с Димкой?

— Да, пересеклись по пути в столицу.

— Как он?

— А как он может быть? Хорошо. Совершенно, я бы даже сказал. Торопился куда-то. Приударил за моей матушкой. И даже не думай, что тебя обойдёт моя месть! Димитрию я сделать ничего не могу, но на тебе отыграюсь за это бессовестное посягательство на честь моего семейства, так и знай! — Жан скорчил страшное лицо.

— Боюсь! — воскликнул Алексей. — Очень боюсь! С отчаянием приговорённого жду вызова на дуэль!

— Ты не достоин дуэли! За такое страшное преступление я намерен пригласить тебя на чай с моей матушкой и братом. Ты будешь сидеть, пить переслащенную траву и слушать рассказы о новых веяниях натьерской моды! И не уйдёшь раньше, чем этого позволят приличия!

— Жан, ты не посмеешь так поступить со мной!

— Уже посмел, — скорбно ответил де Риш. — Только такого наказания ты и заслуживаешь.

— Изверг.

— Да.

— Чудовище.

— Абсолютное.

— Катись ты к Искажающему.

— Сей момент.

Адъютанты мгновение смотрели друг на друга: Алексей — с ужасом, Жан — с торжеством палача, а потом не выдержали и расхохотались.

— О-ох... — отсмеявшись, протянул Нешский. — Я бы с радостью покорился столь кошмарному приговору, но, к несчастью, не смогу. Его Высочество представят как вернувшегося

с обучения сегодня, а потом нас ждут ещё несколько дней в делах и заботах. Сомневаюсь, что выкрою время.

— Выкроишь. Теперь у тебя будет чуть больше свободных часов.

Алексий с подозрением покосился на друга.

— Меня снимают с?..

— Нет, зачем? Ты хорошо справляешься со своими обязанностями.

— Тогда в чём дело?

Жан неопределенно повел плечами.

— Дождёмся Его Высочества.

*

Они ждали недолго. Принц спустился через четверть часа, один, в руках держал разорванный на две части корсет. Молодой человек был одет в белый дублет с калфейской золотой росписью и белые же штаны. Золотые кудри, доставшиеся ему от отца он манер моряков подвязывал в высокий хвост.

Адъютанты встали. Не обратив внимания на пополнение компании, Эвангелос сразу же заговорил с Нешским.

— Алексий, сбегай вниз, попроси хозяйку заменить. Порвался, — с очень гордой ухмылкой попросил Эвангелос. Потом сел за стол и добавил: — И вина ещё, а то совсем не осталось. Мне начинает казаться, что ушлые натьерцы стали меньше бутылки делать...

Алекша встал, поклонился и исчез за дверью. По его хитрой роже, которую он старательно прятал, Жан понял, что принц часто спросонья... невнимателен.

— Ваше Высочество, я, как ушлый натьерец, замечу, что нет, бутылки те же. Это просто вы выросли.

Эвангелос, наливший к этому времени остатки вина в бокал, поднятый им с пола, встрепенулся и уставился на Жана с выражением крайнего изумления на лице. Очень медленно оно начало сменяться, сначала на растерянность, а потом на радость.

— Жан де Риш! Первая шпага Империи! Надо же! Надо же! А я-то думал, сегодня будет отвратительный день, со всеми этими приёмами и встречами, но нет! Моя дорогая матушка сжалилась и послала вас мне для развлечения? Передайте ей мои благодарности при встрече! — Эвангелос развалился на стуле, закидывая ногу на ногу и скрестил руки на груди. — Присаживайтесь, чего встали? Я сейчас вас буду мучить.

— Только не очень сильно, если позволите, — откликнулся Жан, садясь напротив. — Я ведь тоже обязан сегодня быть на приёме. Её Величество не поймёт, если моё лицо разукрасят синяками.

— Какая гадость, — скривился принц. — Никто никого бить не собирается. Я хочу услышать историю, которая сделала вас легендой дворца. Из первых уст, так сказать.

Жан сдержал вежливое выражение лица.

— Ваше Высочество, обязан уточнить: о какой истории речь? Мне довелось немало подвигов совершить за годы службы...

— Не кривите душой, де Риш! Вы прекрасно поняли, о чём я спрашиваю! Дуэль! Ваша дуэль была легендарной!

Надо же, легендарной. Жан так не думал: ни тогда, ни сейчас.

Бой был грязным. Жан грязно подцепил не своим мечом друга за голень, грязно столкнул лицом в лужу, грязно перерезал шею ближе к затылку. Рваная рана, нанесенная неловко, долго тянула жизнь из Себастьяна, а Жан смотрел и думал: сейчас в разрыв попадет зараза из лужи и начнется воспаление. Ему придётся тащить друга через сад ко двору, звать медикуса, но медикуса, конечно, не будет — тот занят кровопусканием у какой-нибудь очень важной дамы.

Прибегут гвардейцы, утащат Жана вниз в темницу. Будет сыро, холодно и одиноко. Где-то наверху умрёт друг.

Из бездны раздумий адъютанта тогда выдернули резкие звуки — в ночной тиши раздалось едва слышимое шипение, а затем Саланийский дворец озарился громкими цветастыми вспышками фейерверков. Ну точно. Праздник же. Окончание войны. Жан заворуженно смотрел на распускающиеся в ночи волшебные цветы и думал о том, что смерть его друга будет мучительно долгой. Он перевел взгляд на лежащего соперника. Тому ведь всегда нравилось это лисье колдовство. Наверное, и сейчас понравится.

Себастьян был уже мёртв. Голова повёрнута, а застывшие глаза смотрели в небо.

Жан передернул плечами, возвращаясь в настоящее, выдохнул и ответил принцу:

— И правда. Легендарной.

Так же неожиданно, как его обычно увлекало в печальные воспоминания, столь же стремительно и возвращало обратно. Совершенно потерянный Жан слушал хвалебные речи Эвангелоса о своей великой победе и о том, как придворные дамы сокрушались, что такого завидного жениха отослали в родные края. На секунду адъютант выпал из разговора — он вдруг подумал, какой же отвратительный человек: его пугали не сами воспоминания об убийстве лучшего друга, а их несвоевременность.

— Ваше Высочество, прошу простить, но у меня есть прямой приказ императорской четы на запрет разговоров об этом случае.

— Ой, да бросьте! — заныл Эвангелос. — Я ж не проходимец с дороги!

— Я поклялся на крови своего рода, — мягко добавил Жан.

— И на кой чёрт вы мне сдались тут, в таком случае? — начал раздражаться принц.

Жан, понимая, что последует за признанием, сместил вес на ноги, чтобы в любой момент вскочить, уворачиваясь от летящего предмета.

— Её Величество Императрица Тельма Хион отправила меня к вам, Ваше Высочество, в качестве телохранителя и помощника. Я буду исполнять...

— Что?! — взревел Эвангелос, грузно поднимаясь из-за стола. Его лицо покраснело за считанные доли секунды. — В качестве кого?! Эта тварь совсем озверела?!

— Ваше Высочество... Я бы не стал так...

— Нет, ну вы подумайте! Она смеет ко мне зрителя приставлять как... как.. как к злодею какому-нибудь! Я её сын, Искажающий её дери! Наследный принц! А она.. она... — принц начал задыхаться и в конце концов закашлялся. Выпив вина, он прочистил горло и продолжил. — Это напоминание? Если я сделаю что-то не то, меня найдут прирезанным в саду как Себастьяна в своё время? Ты для этого здесь? Что бы «держать меня в узде»? И убрать, если заиграюсь? Так вот, нет! Не получится у тебя!

Эвангелос подбежал к Жану, хватая его за грудки. Он орал, разбрызгивая слюну и яростно мотал головой. Жан стоически терпел истерику, в уме вспоминая таблицу умножения. Скоро это должно было закончиться. Принц был отходчив.

— Я тебя первый уберу! Если увижу, что ты вытащишь из ножен свою шпагу или кинжал, прибую! И никто мне слова не скажет, понял, ты?! Скажу, что убийца побратима совсем распоясался и на принца пошёл! Кто мне не поверит?

— Ваше Высочество, вам поверят, но я не собираюсь на вас нападать. Меня приставили именно как телохранителя. Императрица оценила мою дуэль с Себастьяном и решила, что вам потребуется такой фехтовальщик, как я, — Жан мягко, но настойчиво отцепил руки принца от своего доломана и отряхнулся. — Участились покушения на убийство. Её Величество беспокоится, что попытки недругов станут изощрённее. Она решила, что лишняя пара умелых рук неподалёку от вас не повредит.

Эвангелос не поверил. Он волком смотрел на адъютанта, нервно теребя шпагу в ножнах: доставая её немного и тут же убирая. В этот момент в комнаты вернулся раскрасневшийся Алексей, несущий две полные бутылки вина и бокалы.

— Ещё принесут! Мы не всё вылакали в этом притоне! И девочек нов... Что-то случилось? — он помрачнел, разглядывая злое лицо принца и сосредоточенное Жана.

— Ничего, — буркнул Эвангелос. Он оставил в покое шпагу, расправил плечи и отвлеченно церемониальным голосом проговорил. — Знакомься, Алексей, твой новый напарник. Моя любимая матушка щедро передала мне своего верного адъютанта. Отныне не ты один будешь терпеть мои знаменитые выходки.

Принц рвано выхватил из рук Нешского одну бутылку, развернулся, ударив полый плаща Жана по ногам, и убежал вверх по лестнице, задорно крича: “Лиличка! Я несу ещё!”

Адъютанты замерли в молчании, оба погруженные в свои мысли. Первым заговорил Алексей, поставив вторую бутылку на стол.

— Он что-то натворил?

— Нет, Алекша. Пока не натворил, — вздохнул Жан.

— Пока, — уныло протянул Нешский. — Значит, приговор вынесен?

— Не говори глупостей. Нет, конечно.

— Но ты здесь для этого.

— Алекша, я телохранитель, — Жан откупорил бутылку вина и разлил по бокалам, с удивлением обнаружив, что принесли белое.

— Ты не отвечаешь на вопрос, — Нешский сел прямо на стол и грустно посмотрел на друга. — Скажи, пожалуйста. Мне от этого легче станет.

— Не станет. И, кстати, мне вопроса “Зачем ты тут?” и не задавали, — де Риш попытался хитро прищуриться. Получилось отвратно.

— Жан.

— Императрицу стали беспокоить пьянки Эвангелоса. Она хочет, чтобы наследник Святой Империи вёл себя соответствующе. Особенно после возвращения с обучения, он же теперь совсем взрослым считается. Я должен привести его в чувство.

— Не получится, — покачал головой Алексей. — Я много лет старался его вразумить. Сначала строго, серьёзно, наставлял на путь истинный, я всё-таки старше, а ему тогда было всего пятнадцать, но парнишка не слушал и не слышал. Потом попытался аккуратно его навести на нужные мысли. Результат был таким же. В итоге я с ним просто подружился, стал собутыльником. Это принесло хоть какие-то плоды — он доверяет мне, хоть немного, но доверяет. Как говаривал твой дед: “Не можешь остановить, возглавь”. Хочешь по моему пути пойти?

— Не хочу, но выбора нет. У меня есть приказ.

— И у меня был, — усмехнулся Алекша, опустошая свой бокал. — И где я теперь?

— На столе, пьёшь посредственное вино, пока Его Высочество трахает проститутку, хотя, вообще-то мы все должны быть уже в пути во дворец для подготовки к церемонии.

— Да? Нам пора?

— Я для этого и приехал. Должен вас забрать, а не слушать... это, — Жан выразительно изогнул бровь, смотря в потолок, откуда доносились характерные поступательные звуки.

— И почему ты Эвану об этом не сказал?

— Зачем? Сердить его ещё больше? Пусть успокоится немного на своей этой Лиличке, потом поедет. Протовестиарий будет злиться, но он мужик бывалый, сможет собраться, а вот принц — нет.

— Тоже верно, — хмыкнул Алекша. Покачался на месте, разминая спину, потом налил себе ещё бокал и чокнулся о бокал Жана. — С новой историей тебя и всех нас! И пусть закончиться она хорошо для всех вовлечённых!

— Пусть! — улыбнулся Жан.

*

Ярко светило солнце. На небе не было ни облачка. Просторная аллея, прошивающая насквозь весь Императорский сад была украшена в алый и бело-золотой: цвета Святого Кетера и парадные цвета рода Хион. Хоругви с гербами приятно шуршали на ветру. По бокам выстроились офицеры средних чинов, аристократы и гвардейцы Императора. Стоял гвалт.

На белоснежном коне к воротам, ведущим в сад, подъехал Эвангелос, одетый сейчас в золотой дублет с перевязью под стать. На бедре его висел меч, одно из парадных оружий Кетера. По правую руку от него ехал Алексей, а по левую — Жан, так и не сменивший свой доломан на доломан адъютанта принца. Эван то и дело зло косился на вышивку с инициалами Императрицы, но де Риш решил, что, учитывая характер церемонии, лучше подчеркнуть, что он здесь по приказу Её Величества. Принц терпит, скорее всего.

Под большой Триумфальной Аркой они спешили. Коней забрали подбежавшие конюхи, а трое молодых людей направились ко дворцу по широкой аллее. Гвалт стих. Гвардейцы и офицеры, когда Эвангелос проходил мимо, доставали шпаги из ножен и в поклоне опускали их до земли, а дамы приседали в реверансах. Военный оркестр играл Марш Основателя. Принц периодически кивал знакомым лицам, растягивая губы в улыбке. Аллея была длинной, шли долго. Алексей в какой-то момент еле заметно начал подпевать маршу. Жан на это хохотнул.

У парадной лестницы их встретил протовестиарий. Сутулый мужчина с редкими седыми волосами изысканно поклонился и зычно произнёс:

— Готов ли Наследник Кетера, Ученик Аргеи и Вестник Третьего ступить в родной Дом, не мальчиком, но мужем?

— Готов, — так же громко ответил Эвангелос.

Протовестиарий чинно кивнул и белоснежные ворота во дворец с грохотом распахнулись. Принц степенно поднялся по широкой лестнице, Алексей и Жан не отставали. Они прошли в Третий Тронный Зал. В нём, как правило, проходили все церемонии, связанные с церковной жизнью Империи. Он был круглым, по периметру стояли тяжеловесные базальтовые колонны с золотыми прожилками. Из-под купола, расписанного сюжетами творения мира, лился яркий солнечный свет. Пол, выложенный мозаикой, представлял собой карту Империи, а в местах, где располагались столица и Калфейский Архонат — родина рода Хион — были вставки из сияющего перламутра.

На возвышениях против входных дверей сидели на тронах Френей Второй и Тельма. Позади каменными статуями застыли Димитрий Нешский и Дитрих фон Ланг. На ступенях перед ними стояли сэль-матр и сэль-патр — Амедео Сфорца и Бэлла Фиоре. За колоннами вдоль стен, не ступая на мозаику карты выстроились высшие чины государства и приглашенные послы.

Алексий и Жан остановились в дверях. Принц направился к трону, но остановился в центре зала, когда Френей поднял руку. Император поднялся, шелестя одеждами. У него были необычайного цвета глаза — золотого, как и у всех выходцев из Калфея. Он, гордо вскинув голову, спросил:

— Кто смеет нарушить покой Дома Хион?

— Плоть от плоти Твоей. Тот, кто несёт волю Твою словом и мечом, — Эвангелос вынул оружие из ножен и трижды ударил остриём о пол.

Теперь поднялась Тельма, спрашивая:

— Сталь звучит едино в руках праведника и еретика. Докажи, что сердце твоё не искажилось вдали от Дома. Кому служит клинок твой? О чём помыслы твои?

Эвангелос, задержав взгляд на матери, опустился на одно колено, мягко кладя меч перед собой.

— Мой клинок — наследие Кетера. Мои помыслы — учения Аргеи. Я служу Империи и Творцу, как служили Они.

Френей, гордо улыбаясь, опустился на ступень ниже и распростёр руки, будто для объятий:

— Если так, переступи последний порог, но помни: здесь сюзерены склоняются с клятвами верности, изменники теряют головы, а Святая Аргея пролила кровь Врага, отдавая свою жизнь за наши жизни, чтобы Река Истории текла, не иссекая.

Принц поднялся с колен, оставив меч на мозаике. Он преступил его, подходя к лестнице, но остановился у первой ступени. Сэль-патр и сэль-матр в едином порыве наклонились к Эвангелосу, положив правый руки на его плечи. Вместе они произнесли:

— Творец видит храброе сердце и живой ум. Творец видит верность и смирение. Творец видит сталь и слово. Святой Кетер верит в Наследника. Святая Аргея верит в Наследника. Третий, коль будет Воля Творца, явится с надеждой на опору в лице Наследника. И да придёт Он!

— Да придёт Третий! — стройным хором повторили за церковниками собравшиеся.

Эвангелос поцеловал руки на плечах, и Амедео с Бэллой отошли в стороны, освобождая путь к тронам. Принц, поднимаясь, поклонился ещё раз императорской чете, на этот раз как равным, только головой. Встав между Императором и Императрицей, он обернулся к собравшимся:

— Достояние и традиции предков — моя броня. Жертва Святой — моя совесть. Слава Творцу и Империи!

— Слава! Слава! Слава! — радостно повторили аристократы.

Грянула музыка, и офицеры принялись приглашать дам на вальс. Эвангелос, поцеловав руку матери, обернулся к фрейлинам, стоявшим слева от тронов. Тут же кого-то выделил глазами и резво бросился к ней.

Жан и Алексей, так и не сошедшие со своего места в дверях, переглянулись, тяжело вздохнули и двинулись через толпу к принцу. Краем глаза Жан заметил, как Император, ведя светский разговор с камерарием, то и дело косился туда же, на стайку фрейлин.

“Надо же, любвеобильность Эвана даже отца довела. Согласно протоколу принц сейчас должен принимать поздравления от глав Дикастерий, а он уже барышнями занялся. Нехорошо это всё. Нехорошо,” — подумал Жан, приветственно кивая прошедшему мимо Дитриху.

Алексей, стараясь не отставать, буркнул сзади:

— Не ожидал, что так много людей приедет. Здесь не только “нужные”, но, по-моему, вся знать поголовно.

— Принц — фигура интересная, все хотят посмотреть, что он из себя представляет, — ответил ему Жан.

— Ага. Или просто стянулись в столицу для отъезда на Маскарад, а с возвращением Эвангелоса всё удачно совпало.

Де Риш остановился и развернулся, в изумлении уставившись на Нешского. Тот сконфужено поджал губы.

— Я этого не говорил, а ты не слышал.

— Хорошо, — укоризненно покачал головой Жан. Затем посмотрел на фрейлин, звонко перешептывающихся между собой. Поблизости не было принца. — И где он?

— Не могу тебе сказать. Минуту назад стоял у колонны.

— Да, видел, — нахмурился Жан. — Такое часто происходит?

— Не поверишь: в первый раз.

Торжественный вальс, под который размеренно кружились придворные, затих, сменившись на бодрый катский фриас. Дамы и их кавалеры выстроились в две линии друг напротив друга и приготовились к первой части задорного северного танца. К линии дам с пьяным хохотом пристроилась пышная пожилая барышня в зелёном платье, чем развеселила всех свидетелей. Она наигранно высокомерно посмотрела на пустоту перед собой, где должен был стоять её партнёр, и, оглядев толпу, гаркнула:

— И никто не проявит рыцарских качеств? Никто? — она фыркнула. — Права была маменька, мужчина нынче захирел.

Жан, наблюдая за этой картиной, зацепился глазами за золотую макушку, мелькнувшую позади барышни в зелёном.

— Нашёл. Идём, — он толкнул локтём Алексея и, не дожидаясь ответа, пошёл в противоположную часть зала.

Это и правда был принц. Он стоял, прислонившись к колонне и пил вино, сосредоточенно разглядывая нечто в толпе. Рядом пританцовывал граф Стэгвуд, увлечённо рассказывая Эвангелосу о горной охоте. Тот его, очевидно, не слушал.

— Ваше сиятельство, добрый вечер, — Алексей чинно поклонился. — Можем мы забрать у вас наследного принца?

— Ох, да, да, конечно! — здоровяк качнулся, не то сам по себе, не то пытался изобразить ответный поклон. — Мне лишь хотелось развлечь наше дорогое Высочество, а то мальчик больно хмурый.

Он спешно ретировался. Эвангелос как будто бы и не заметил исчезновения стрейсторца, как не замечал его болтовни до этого. Он крутил в руке бокал и не мигая следил за кем-то.

— Ваше Высочество? — Жан встал рядом, попытавшись проследить за взглядом принца, но так и не понял, кто приковал его внимание.

— Подождите, — отозвался Эван.

Алексей и Жан послушно стали рядом. Спустя три минуты принц отмер.

— Де Риш!

— Да, Ваше Высочество?

— Ты всех фрейлин знаешь?

— Да, в лицо и по именам всех.

— Это хорошо. Это очень хорошо, — Эвангелос всучил проходящему мимо службе недопитый бокал и воодушевлённо хлопнул в ладоши. — Мы возвращаемся в бордель.

— Нельзя, Ваше Высочество, — Жан еле заметно вздохнул, приготовившись к ссоре.

— Кто сказал?

— Манеры, Ваше Высочество. Мы пробыли на торжестве всего десять минут. К тому же не все церемонии совершены.

— Главная церемония прошла? Прошла. Всё остальное — скорее традиции, чем надобность. Не помню протоколов, которые бы требовали выслушивать бредни чиновников, — Эвангелос старался перекрыть шум сотен разговоров и музыку, оттого то и дело его голос срывался на визг.

— Вы их не помните, потому что не читали... — Жан не успел закончить, Алексей пихнул его сзади под рёбра.

— Наш друг хочет сказать, что сейчас лучше остаться ещё ненадолго тут. Это произведёт хорошее впечатление на всех собравшихся гостей, — Нешский сделал акцент на слове “всех”.

Эвангелос смерил Жана презрительным взглядом, проворчал что-то себе под нос, но в конце концов заявил:

— Ладно. Остаёмся. Но ненадолго. Ещё парочка таких вот Стэгвудов с их очень интересными историями, и я повешусь, — он с лицом человека, идущего на заклание, направился к группке чиновников высшего ранга, в центре которой стояли канцлер и те’юдекс.

Жан шумно выдохнул.

— Не лезь на рожон. Сам же всё понимаешь, — Алексей похлопал его по плечу.

— Постараюсь. Я всегда плохо ладил с детьми. У меня в голове не укладывается, что у человека может быть меньше опыта, чем у меня. Что кто-то может просто-напросто не понимать ситуацию.

— Ну, тренируйся. Умение общаться с мелкими пригодится. Не всё же нам ходить холостяками, — хохотнул Нешский. — Я за вином. Взять тебе?

— Да, прихвати. Красного.

— Хорошо, — и Алекша исчез среди людей.

Жан, проверив, на месте ли принц — он что-то рассказывал канцлеру, — посмотрел на троны. Ему в какой-то момент почудилось, будто чей-то взгляд прошёлся по его спине, и хотелось верить, что это была Императрица, следящая за выполнением своего приказа. Может, это и была она, но сейчас Тельма вела жаркую беседу, даже, наверное, спор со своим отцом, поднявшимся к её трону. Обычно такие разговоры не проходили без внимания Императора — они с батюшкой Тельмы были хорошими друзьями. Но сейчас Френей будто бы и не замечал спора. Он, то и дело посмеиваясь, зачарованно разглядывал представление в середине зала. Там, видимо, вконец разочаровавшись в кавалерах, плясала пожилая дама в зелёном. Она где-то умудрилась найти двух других незанятых барышень — молодую девушку и девчущку лет десяти. Они втроём водили маленький, но резвых хоровод, то и дело подпрыгивая и подскакивая. Задорный пляс совершенно не совпадал по ритму с музыкой, но им, казалось, не было до этого никакого дела. Они хохотали, сбивались, перетягивали друг друга, но продолжали танец. Люди, окружающие их, пытались хлопками задать нужный ритм, но ничего не получалось.

Жан привстал на носочки, силясь разглядеть, кто присоединился к даме в её хороводе, и, увидев, резко опустил, отчего тут же заболели пятки. Девочка была ему неизвестна, но вот девушка... Девушкой была Клариче. Холодная, вечно собранная островитянка сейчас радостно отплясывал со своей... судя по цвету платья, родственницей. Она то и дело подхватывала на руки девчущку и крепко по-крестьянски целовала её в обе щеки. Адьютант осенил себя знаменем Троих и Творца Их. Он опасливо покосился в сторону императорской четы. Тельма всё ещё беседовала с отцом, стоически не замечая безобразия, а Френей, подперев кулаком подбородок, с большим интересом рассматривал пляски.

Жан, слабо улыбнулся, принимая бокал от подросшего Алексея. Он намеренно развернулся спиной к залу, стараясь забыть как страшный сон увиденную картину. Нешский хотел было сказать какой-то тост, но лицо его посерело, и он схватил де Риша да рукав.

— Искажающий и все его прихвостни!

— Что? — не понял Жан.

— Принц, — Алекша кивнул в сторону канцлера. — Опять исчез.

Жан чертыхнулся.

— И снова в бой. Давай ты налево, а я направо.

— Давай, — ответил ему друг.

Они звякнули бокалами и разошлись в разные стороны.

Глава 8. Клариче Фиоре

Солнце клонилось к закату, скоро нужно было отправляться на вечерний моцион, а письмо отцу отказывалось писаться, как Клара ни старалась. Она сидела над ним непозволительно долго — целый час, и размышляла, как скоро в её покои тревожно постучат гвардейцы. Она сожгла семнадцать черновиков и запах гари уже должны были заметить в комнатах сверху.

Камер-фрейлина металась между сухим рапортом и сухим рапортом с небольшой добавкой житейских переживаний. Ничто из этого не было приемлемым вариантом, как ей казалось. Что-то было неправильно, ей это нутро подсказывало, а нутру она привыкла верить.

Клариче встала и коршуном нависла над чистым листком бумаги. Она заставила себя рассердиться, в моменты злобы к ней обычно быстро приходили решения любых проблем. Несколько мгновений постояла, прожигая взглядом ненаписанное письмо, а затем вмиг ослабилась, села и взялась за перо.

"Дорогой батюшка,

смею надеяться, моё письмо найдёт вас в здравии и благополучии. Я чувствую себя хорошо. Головные боли всё так же донимают меня, но проходят быстрее. Думаю, советы вашего медикуса сыграли в этом не последнюю роль.

Мы готовимся к отъезду в Карногат. Дворец по своему обыкновению стоит на ушах. Государыня решила поторопить сборы своей свиты, и фрейлины, как обычно, оказались к этому не готовы, хотя Она поступает так каждый год.

Кузина Роза на днях подарила мне кулон невероятной красоты. На нём изображен наш фамильный дуб, да так ладно, что кажется, будто ветви вот-вот зашепчут на ветру. Обязательно покажу вам его при встрече. А так же прошу меня заранее простить за то, что воспользуюсь услугами вашего ювелира в Карногате. Не могу оставить такой дар без ответа.

Письма от Витто приходят каждые десять дней, как по расписанию. Я рада, что вы нашли ему делу по сердцу, он очень беспокоился, что бездельничает дома.

Уверена, тётушка регулярно передаёт вам вести о моей службе, и тем не менее позволю себе повторить и дополнить некоторые события прошедших дней.

В столицу прибыли два отпрыска благородного дома фон Ланг — девица Ивонет и её брат, Дитрих, виконт. Второй тут же был назначен адъютантом и пока что не проявил себя ни с положительной, ни с отрицательной сторон. Впрочем, насколько я могу судить, юноша приличный. Предполагаю, что он станет выполнять свои обязанности на уровне графа Нееля, а, может, и лучше. Мне известно, что вместе с ним в тайне прибыла в столицу одна из белошвеек, ранее служившая у его отца. По всем признакам это его любовница. Девушку зовут Кэт. Она разговорчивая, с ней сейчас стараются подружиться две моих служанки.

Сестра Дитриха, Ивонет, пока что официально не назначена фрейлиной Государыни, но уже представлена ко двору. Императрица велела ей следить за другой своей свитной дамой — Леонор Брэкенмур, которая, как вы, должно быть, знаете, подозревается в связях с Хархи-ром. Ивонет — добросердечная девушка, но исполнительная. Докладывается мне регулярно, да и успела в считанные дни наладить дружеские отношения со стрейсторкой. Пока что, впрочем, без видимых результатов. Государыня хочет назначить её фрейлиной Аспасии после Маскарада. Не мне судить Её решения, но хочу отметить, что нахожу такой выбор мягко говоря странным. Ивонет, несмотря на свои заслуги, девушка ведомая, и может попасть под влияние принцессы. С моей точки зрения, её нужно какое-то время подготавливать, прежде чем вручать Аспасии.

Дорогой мне Жан приставлен к принцу. Он не рад своему назначению, как и я, но необходимость такого решения понятна. Нельзя отрицать вероятности, что вскоре императорский род останется без наследника. Смею просить вас, по возможности, конечно, удвоить наблюде-

ние за принцем людьми, готовыми к бою. Я беспокоюсь за виконта де Риша, это задание может стать его последним, а вы знаете, как он ценен.

С беспокойством так же отмечу ситуацию с Аспасией. Она знает, что зелье подмешала ей я. Мастер Кайдзен, ныне сосланный Государыней в Исир, рассказал ей всё. Пока что принцесса находится в полубоморочном состоянии, периодически срывается в истерики, но неизвестно, как она себя поведёт, когда полностью выздоровеет. Она может на эмоциях поведать первому встречному о случившемся. Как следствие, её брак с вестторским принцем теперь представляется мне опасным. Прошу вас предоставить информацию, если вы ей располагаете, об отце ребёнка. Пока что в отношении Аспасии мои руки связаны. Государыня молчит, но Её молчание делает меня безоружной перед принцессой.

Не могу не упомянуть о возвращении дорогой Домники из родного дома. Она привезла с собой спорные вести: колдунья сказала, что нас ждёт война с лисицами. Не буду комментировать такое заявление, вам известно моё мнение и о наших связях с Лисхэ, и о магии как таковой.

Теперь же перейду к сердцу письма — моей главной просьбе.

Меня беспокоит поручение, данное мне Государыней накануне. Хотела спросить, знаете ли вы, с чем оно связано? Она велела мне сменить фасон нарядов на любимый нашим Государем, к тому же стараться привлечь его внимание иными способами. Смею вас заверить, несмотря на мои чувства, я исполняю приказы Её Величества неукоснительно, как и всегда. Сегодня утром мне пришла посылка от портного — наряд к Маскараду уже перешит. И всё же, если вам известно, по какой причине дан такой приказ, имеете ли вы право сказать мне? Скажете ли? И если происходит то, о чём я думаю, верно ли утверждение, что моя помолвка вновь отложена, на этот раз на более неопределённый срок?

С бесконечным уважением и ожиданием скорой встречи,

ваша дочь

Клариче Алессия ди Фиоре

P.S. Кузен Тиберио просит передать, что исполнил просьбу. О деталях доложит по возможности."

Откинувшись на спинку кресла, Клариче, вторя привычке Императрицы, растёрла шею. Текст ей всё ещё не нравился, но, по крайней мере, теперь был удобоваримым. Оставалось дело за малым — собрать последние сундуки. Она не доверяла сборы своим служанкам.

В этот момент в дверь робко постучали.

— Войдите! — Клариче споро собрала письмо в аккуратный треугольник и вложила за корсаж.

На пороге стояла Ивонет и очень неловко мяла руки. Она была в дорожном платье, и, судя по пыли на юбках, только что вернулась из города. После отравления принцессы девица каждый день ездила в Собор. Клариче относилась к этому благосклонно: фон Ланг брала с собой Леонор, а это было как нельзя кстати.

— Прошу меня простить, за то, что нарушаю правила, но у меня есть... ох, Защитница помощи, вам нужно это увидеть!

— Тогда не стойте в дверях. Проходите, — Клариче отошла к целларету, пропуская гостью в свои комнаты, и достала оттуда стакан и графин с односолодовой шелькой. Налила под срез и протянула пойло Ивонет. — Пейте. Вам, видимо, нужно.

Девушка сделала сразу один большой глоток, тут же закашлялась и устало осела в кресло у стола. Клариче села напротив на небольшой табурет.

— Итак?

— Я получила письмо. От... не знаю, от кого! От... — она застыла, как застывает лань, глядя в дуло охотничьему ружью, — от мужчины!

— Это не конец света, сударыня. Вы хороши собой, что же тут страшного? — спокойно спросила Клариче. Внутренне она выдохнула. Камер-фрейлина боялась, что прикрытие для выяснения дел Брэкенмур раскрылось.

— Я осведомлена о нравах двора, но я с ними не согласна. Вы уже могли заметить. И я не намерена участвовать в адюльтерах!

— Так вас никто и не принуждает. Не отвечайте. Или напишите то, что сказали сейчас мне.

— Оно было в моих покоях!

Клариче нахмурилась.

— Письмо? Где конкретно?

— На постели.

— Оно при вас? Дайте посмотреть.

Ивонет трясущейся рукой достала помятую бумагу из-за корсажа.

"О, нежная лилия в саду удушливых роз!

Пишу вам с надеждой на любой знак внимания. Я очарован... нет, околдован вашей хрупкой красотой! Такая светлая, вы парите над яркими бездушными цветами императорского двора! Ваши глаза, нежнейшего цвета холодного зимнего неба, запали мне в душу! Я не встречал взора милее вашего! Прошу, ответьте же мне, что сердце ваше открыто для любви, иначе сегодня же утоплюсь в Увре! Мне не придётся привязывать камень к шее, горечь отказа потянет меня на дно! Не томите меня ожиданием! Оставьте ваш ответ у корней большого дуба в саду до полуночи!

С нетерпением,

Единственный Достойный Вас Рыцарь"

Клариче несколько раз перечитала эту несусветную чушь, а затем задержала взгляд на еле заметных вензелях в углу листа. Ей стало тошно.

— Вы окончили?

— Да. Думаю. Подождите минуту.

Ивонет не выдержала минуты. Она, сделав небольшой глоток, вновь позвала:

— Сударыня Фиоре.

— Да?

— У вас бывает чувство, будто в вашем сердце растёт нечто гнилое, и если люди подойдут достаточно близко, они это обнаружат?

— Нет, — не задумываясь ответила Клариче, всё ещё не отрывая взгляда от письма. Ивонет промолчала, но камер-фрейлина почувствовала, как волнение девицы возросло.

— Знаете, что я вам скажу, сударыня фон Ланг?

— Что же? — в глазах девушки появился слабый огонёк надежды.

— Вы напишите ответ и оставите его там, где указано.

— Н-Но..!

— Дадите понять, что сердце ваше свободно, однако торопиться встречаться с тайным поклонником не спешите. Хотите получить ещё письмо, как доказательство его чувств.

— Сударыня..!

— Не пререкайтесь. Вы не поняли, кто вам написал это, так?

— Нет, но какое э..?

— Это имеет большое значение, потому что мне знакома манера отправителя.

Ивонет вскочила, чуть разлив шельку.

— И кто же?

— Пока что это только догадка, поэтому делиться ей не буду. Нужно удостовериться. Я поставлю наблюдателей, они проследят, кто заберёт ваш ответ, и тогда уже будем говорить в открытую, без сомнений. И действовать, конечно.

— Но как я могу обмануть чувства этого мужчины? Он же так нежно пишет о своей привязанности ко мне.

Клариче в изумлении уставилась на девицу, молча взяла стакан из её рук, отпила и вернула ей. Ивонет непонимающе моргнула.

— Вы обманете его чувства только немного. Вы же не напишите, что испытываете ответную влюблённость. А сердце ваше и правда свободно, я права? Вам... кхм... помочь с составлением ответа?

— Нет. Наверное, нет.

— Чудно. В таком случае встретимся завтра перед отъездом, я пришлю вам пажа, он подскажет, куда пройти. Там вас буду ждать я.

Ивонет посмотрела долгими думающими глазами на Клариче, затем осторожно поставила стакан на стол, изобразила реверанс и удалилась. Камер-фрейлина осталась в тишине вечера, наедине со своими мыслями, безрадостными и тёмными. Ей хотелось посидеть, утрясти в сознании новый расклад при дворе, но напольные часы как назло прозвонили девять вечера. Девушка поднялась. Вечерний моцион Императрицы пропускать было нельзя.

*

В полночь, как Клариче и ожидала, к поляне, где рос дуб, величаво возвышающийся над садом, пришли трое. Его Высочество наследный принц Эвангелос неловко скакал вокруг дерева в поисках заветной записки, что-то себе напевая под нос. Алексей Нешский резво крутил головой по сторонам, картинно приставляя ладонь ребром ко лбу. Таким способом вертя головой нельзя было заметить не то, что возможных караульных, но даже богатства императорского сада сливались в одну мутную темень. Жан же хмуро рассматривал высокие кусты по периметру. В какой-то момент он наткнулся на Клариче, спокойно стоящую за одним особо высоким кустарником. Она не скрывалась толком. Не перед кем. Принц не обратит внимания, он занят письмом, а Нешский, если заметит, ничего ему не скажет. Де Риш с полминуты буравил её силуэт нечитаемым взглядом, потом перенёс всё внимание на противоположную сторону поляны, где сейчас цвели нарциссы и примулы.

Через несколько мгновений Эвангелос победно завопил:

— Написала!

Алексий радостно захлопал в ладоши. Жан никак не отреагировал.

— Что же? Что же? — младший Нешский подскочил к принцу.

— Пишет, что ждёт ещё письма — упавшим голосом ответил Эвангелос. — Зачем? Она не поняла, кто отправитель? Я бумагу с фамильным гербом использовал. Не мог же ей отец написать, в конце-то концов!

— Ваше Высочество, вы отправили любовную записку самой стеснительной девушке при дворе. Сами же заметили это качество в ней. Отчего вас удивляет её осторожность? — Жан говорил размеренно, с усилием сдерживая рвущееся наружу раздражение. Клариче прикусила губы, чтобы не хмыкнуть вслух.

— Осторожность осторожностью, но я же принц, Искажающий её дери!

— Вам никогда не отказывали женщины? — спросил Жан, но, видимо поняв свою оплошность, постарался исправиться. — Некоторые барышни любят поиграть в недотрог. Они говорят "нет" только для вида, может, это тот же случай. К тому же, вы читали когда-нибудь романы, в которых рыцари добиваются своих дам с первой попытки?

Лицо Эвангелоса озарилось. Он спрятал за ворот дублета и довольно осмотрел окна дворца.

— А ты смыслённый малый, — одобрительно протянул он. — Может, я тебя и прощу за то, что ты шпик моей матушки.

— Что напишите в ответе? — нетерпеливо спросил Алексей.

— Правду, конечно, — ответил Эвангелос. — Пошли отсюда. Может, в кабак какой?

— Ваше Высочество, отъезд в Карногат завтра в полдень. Если не ляжем в ближайшие часы, будем в сёдлах спать.

Принц картинно закатил глаза.

— Святей Кетер, какой же ты скучный! Ладно, спать так спать, — он что-то ещё буркнул себе под нос, затем порывисто развернулся и зашагал в сторону крыла Императора.

Алексий, на миг изменив своё подобоострастное выражение лица на кислую мину очень уставшего человека, кивнул на прощание Жану и ушёл следом. Де Риш проводил взглядом удаляющихся молодых людей и сел у корней дерева. Сорвал травинку и начал вертеть её в руках.

— Можешь выходить. Они не вернутся.

Клариче осторожно покинула своё укрытие, цепляясь юбками крестьянского синего платья о ветки куста. Она подошла к Жану и опустилась рядом. Несколько мгновений они сидели молча, не прерывая мелодичного стрёкота кузнечиков.

— И что у нас происходит? — наконец тихо спросила Клара.

Жан облокотился на ствол.

— Не знаю, дорогая. Принц влюбился. С утра не умолкая талдычит об этой Ивонет. Задрал своей незабвенной всех, даже куртизанке успел на уши присесть. Алекша говорит, с ним такое впервые.

— Забавно.

— Ничего забавного не вижу. Первый день на, можно сказать, новой службе, и я уже хочу его придушить.

— Он влюбился и сразу после этого пошёл в бордель. Я об этом говорю.

— А, — отозвался Жан, понимающе хмыкнув. — Да, парень загнал нас с Алексией в "Сад Счастья", выбрал самую привлекательную девочку из предложенных и три часа к ряду рассказывал, какую красивую барышню при дворе увидел и как хочет с ней поговорить. Спрашивал у шлюхи, как письмо составить получше.

— Алексей не упоминал, такое раньше бывало?

— Раньше он просто показывал пальцем на конкретную даму, говорил: "Вот тебя хочу!", получал запрашиваемое и на этом дело кончалось. А тут Эвангелос решил, что вот она, любовь настоящая, а посему нужно всё сделать правильно.

Клариче тихо рассмеялась.

— Соблазнить, опорочив? Что бы её ни один достойный человек в жены не взял? Что ж, действительно правильно.

— Мы же о принце говорим. Ты бы видела, как он это своё творение сочинял! Читала, кстати?

— Фон Ланг показала. Она не догадывается, кто её загадочный поклонник, но находит записку трогательной.

Жан подался вперёд.

— Клариче, именем Кетера прошу, вели девушке написать отказ принцу. Он, конечно, взбесится, но мы с Алексией его как-нибудь отвлечём. Не надо эту историю превращать в очередную дворцовую игру.

— Ты знаешь, что это не в моей власти. Императрица через четверть часа ждёт меня с подтверждением новой авантюры Его Высочества.

— Да, но ты можешь сказать, что никого не видела. Или видела, но не его.

Клара виновато покачала головой.

— Прости, не могу.

Жан выбросил помятую травинку и начал мерно биться затылком о ствол дуба. Кларице молчала, разглядывая луну, глухо светившую из-за туч. Воздух был тёплым. Это, наверное, была первая такая ночь в году. Хороший знак, значит, холодов больше не будет. Погода в столице была предсказуемой до ужаса.

— Не подкладывайте девочку под это тупое животное. Прошу. Такими вещами должны заниматься умные женщины, отдающие себе отчёт о происходящем.

Камер-фрейлина грустно улыбнулась.

— Вы с Ивонет чем-то похожи.

Жан фыркнул, потирая затылок.

— Я понял тебя. Иди к Её Величеству. А я пойду к себе.

— Хорошо. Завтра свидимся.

— Свидимся.

Кларице заглянула в большие добрые, как у собаки, глаза Жана, поцеловала его в лоб, пригладив взъерошенные волосы, и направилась к выходу из сада, оттуда — к проходу во дворец для слуг. Уходя услышала, как мерный глухой стук о ствол дуба возобновился. Порой Кларе казалось странным, что злополучная дуэль окончилась смертью Себастьяна, а не Жана. Молодой человек, в отличие от Нееля, был чужим в водовороте придворных интриг, не принимая их, участвуя только по долгу службы. Его гибель была бы более закономерным исходом, хоть и не желанным.

*

Сборы близились к завершению. Некоторые дворяне уже отбыли, начиная свой трёхдневный путь в Карногат, но большинство только приготовились — древняя традиция всюду пропускать вперёд императорскую чету ещё теплилась в старых фамилиях.

По коридорам сновали слуги, потихоньку перемещая золоченые сундуки и кожаные сумки в кареты и повозки, подготовленные для загрузки в нескольких подъездных дворах.

Кларице уже около половины часа стояла коленях перед ликом Святой Аргей в своей комнате, молясь о благополучной поездке и о спокойном Маскараде. Когда она начала "Стих о Будущем" в шестой раз, в дверь постучали.

— Войдите!

В комнате появился паж, незнакомый Кларице, судя по цвету глаз явно эзонец, и протянул два конверта, дежурно уткнувшись взглядом в пол. На его дублете был изображен герб рода Хион под короной Императора.

— Госпожа, вам два письма.

— Ответ требуется?

— Не срочный.

— Чудно. Оставь на столе.

Паж последовал указаниям и, поклонившись, удалился.

Кларице, подождав, пока его шаги не смешаются с гулом шагов дворцовых слуг, носившихся в северном коридоре, поднялась и подошла к столу. Первый конверт был запечатан печатью Империи, второй — фамильным дубом Фиоре. Кларице начала со второго.

В короткой записке от отца было немного слов.

"Клара,

я уже в столице. Во время Маскарада обязательно встретимся.

Да, помолвка отложена. Я распорядился, чтобы тебе привезли платья твоей матери из дома. Они подходящего кроя.

Жан защищён, можешь освободить свои мысли от тревоги за него.

Алессандро"

Клариче перечитала письмецо дважды, после чего сожгла его, подпалив отцовским же огнём. Ни одного упоминания Аспасии, и очень печальные слова о платьях матери. Девушка почувствовала, как к горлу подкатывает незваная паника. Она села на край кровати и принялась разминать пальцы, делая глубокие вдохи и выдохи на третий счет. Корсет начал давить, больно сжимая рёбра. Мысли носились, норовя превратить приступ заполонивших голову чувств в полноразмерную истерику.

Одна мысль кричала громче всех: "Если успокоиться, а потом открыть письмо с императорским гербом, то, возможно, случится рецидив, и тогда уже никаким дыханием панику не остановить, а плакать нельзя, ой, как нельзя". Клариче потянулась за вторым письмом и трясущимися руками его открыла.

"Окажете мне любезность, разделив со мной путешествие в Карногат?"

Клариче слабо заскулила, но поднялась и, прислонившись к столу, сожгла и это письмо.

Она постояла несколько минут на месте, слепо вперившись взглядом в портьеру у окна. Упорно дышала на третий счет, и это нехитрое действие даже помогало. Спустя четверть часа она спокойно и собранно села за стол, взяла перо с бумагой и написала:

"Окажу."

Записку она надушила парфюмом, который создали люмиотские мастера из роз, растущих в саду её матери. После чего дёрнула за шнур возле кровати. Служанка прибежала незамедлительно. Так же быстро, выслушав указания, она и исчезла с запиской.

Клариче бездумно повернулась к лику Аргеи. Поклонилась, прошептав слова "О защите". Тут же удивилась своим действиям, презрительно фыркнув. Ранее она молилась показательно, зная, что записки от отца приносят к этому времени, а сейчас зачем? Кто услышит эти драные несколько строчек? Творец? Его Святая? Не смешите.

— Собралась, девочка. Собралась! — прошипела Клара сама себе под нос.

Подойдя к зеркалу, камер-фрейлина поправила волосы, постояла несколько мгновений, разглядывая своё отражение, а затем вышла из покоев, направляясь в сад. Там её уже должна была ждать Ивонет. Надо обрадовать девочку. Ни с каким принцем ей крутить романы не обязательно. Императрица милосердна и мудра.

Глава 9. Осберт Ланс

Седой поддатый моряк зычно вырыгивал свой завтрак прямо в воды залива. Его собутыльник, оперевшись о балку деревянного моста, смеялся, заполошно повторяя: «Мари тебя прибуёт! Прибуёт она тебя, помяни моё слово!»

В военном порту Карногата начинался суетливый весенний день. Обязательные смотры перед Маскарадом уже закончились, но сам праздник пока не начался, как итог: моряки маялись, не зная, куда себя деть. Выражалось это в бесконтрольных пьянках, которые не смог бы остановить, казалось, никто.

Осберт Ланс, профос и бывалый моряк, сидел в грязном кабаке, разместившемся с самого края порта, там, куда ни один порядочный офицер не забредёт, и без интереса наблюдал за процессом выворачивания наизнанку пьяного моряка. Он думал о том, что сотоварищ пьянчуги был прав — Мари его действительно прибуёт. Картофель в мундире, принесённый Осберту полчаса назад, остыл, но профос продолжал его лениво клевать. Он ждал своих друзей, которые должны были уже давно присоединиться к завтраку, но, видимо, нашли более интересное занятие в свободный весенний день. Осберт не мог их винить — наверняка, на свете есть множество дел интереснее захудалого кабака и унылого «святоши».

Он пообещал себе, что подождёт ещё десять минут — дольше растягивать картошку просто нельзя — и пойдёт восвояси. У него, в конце концов, было ещё много дел, невыполнение которых было губительно для его будущего.

Спустя минуту после данного обещания двери скрипнули, и в зал ввалились друзья Осберта: Эрколе Сфорца, капитан первого ранга люмиотского флота, большой фантазёр и весьма добродушный юноша, и Уильям Шелот, герцог Стрейсторский, дружба с которым завязалась несколько лет назад внезапно и против любых правил субординации — Уильям был мало того, что сюзереном старшего брата Осберта, так ещё и адмиралом флота, где служил профос.

Офицеры по стенке прошли до стола Ланса, избегая любопытных взглядов трапезничавших здесь моряков, и, усевшись напротив, стянули капюшоны. Эрколе полностью снял с себя плащ и бросил на скамью, а Уильям лишь немного приоткрыл лицо.

— Давно не виделись, Ос, — заговорил Эрколе.

— И правда давно, — прохрипел в ответ Ланс, после чего повернулся к дряблему хозяину кабака и гаркнул: — Три светлых рисских!

Старик, не повернувшись к Осберту и никак не выдав, что к нему обратились, впрочем, засуетился у стойки.

— Что ты удумал? — начал без предисловий Уильям.

— Ничего неожиданного, — пожал плечами Осберт. — Я вам уже не раз говорил, что долго на службе не задержусь.

— Не знал бы я тебя, предложил другой чин, с жалованием получше, — буркнул Уильям.

— Ага, “не знал бы”. Уильям, брось. Ты мне его предлагать и пришёл.

— Угадал. Старик Ротшок совсем выбивается из сил, кто-то мог бы его заменить...

— Кто-то мог бы, — согласился Осберт, — но не я. Благодарю, за предложение, но вынужден отказаться.

— Ланс! Ты смеёшься? Кто в здравом уме упустит такое место? — с изумлением воззрился на друга Эрколе.

— Тот, кому оно даром не нужно. Слушайте, жест красивый, я его оценил, но давайте без подкупов. Я не брошу свои поиски ради денег и регалий.

— И ради чести семьи? В роду Лансов давно не было капитанов первого ранга.

— Вот именно. Ты, Уильям, предлагаешь мне поставить Винсента в неудобное положение. Где это видано, чтобы младший брат забирался выше, чем старший? К тому же с профоса до капитана...

— Осберт...

— Нет. Категорическое нет. Повторю: ценю твоё предложение. Правда ценю, но откажусь. Есть вещи важнее, чем жалование и мнение нашего всеблагого двора.

Эрколе на это только фыркнул, а Уильям вздохнул. К столу подошла дородная девушка, из-за переедания на вид больше похожая не женщину в летах. Она, предлагая улыбнувшись гостям, поставила перед ними три пинты пива. Сфорца вернул ей улыбку и, шлёпнув по округлым формам сзади, отправил восвояси. Девушка сконфуженно удалилась.

— И какие же вещи важнее жалования? — устало спросил Уильям, явно предчувствуя ответ.

— Третий. Откройте глаза, друзья мои. Все знаки на лицо — он скоро явится.

— Да... безусловно, — протянул Эрколе с непередаваемой иронией. Он отпил из своей пинты, сморщился и отставил её. Уильям же как водой затягивался рисским светлым, пивом столь крепким, что его и пивом-то можно было назвать с натяжкой.

— Хорошо, допустим, Третий и правда скоро явится. Я в это слабо верю, но допустим. При чём здесь ты? Мало в этом мире церковников?

— В Писаниях сказано: “..И придёт Он, Сокрытый, не во славе Творца, но в шепоте Его, не в Сиянии, но в Тени, и спящим будет Народ Его, и глухим к поступи Его, до Равного Дня, до Первого Дня, до Последнего Дня”.

— И? — нетерпеливо спросил Эрколе.

— Народ Его — это клир. Они пропустят явление Третьего. Но кто-то же должен Его встретить и уберечь от пагубного влияния Искажающего.

— “Кто-то” — это ты, надо полагать? А не много на себя берёшь? И кто вообще сказал, что “Народ” — церковники? Может, подразумеваются все верующие?

— Эрколе, я изучаю Писания с детства. Поверь на слово, речь о церкви. Есть множество других примеров в житиях, где по контексту можно понять, о чём писали пророки и священники. И нет, отвечая на твой вопрос, не много на себя беру. В “Предвестии о Третьем” не раз повторяется, что Ему могут помочь люди, ищущие Его.

— Тебе не приходила мысль, что это не обязан быть ты?

— Не обязан, но могу. И разве не хорошо будет, если найду Его я, а не герцог Кат, погрязший в грехах сильнее Искажающего? А ведь внушительные суммы тратит на празднества Трёх. Эрколе на это ничего не ответил.

Помолчали.

Уильям, допив свою пинту, качнулся на скамейке, разминая поясницу:

— Хорошо. Вот ты покинул службу, теперь в свободном плавании. И что будешь делать? Разъезжать по Империи, заглядывая в каждую деревню по пути? “Простите, милсдарыня, а не могли бы выстроить всех жителей вашего хозяйства в линию? Я посмотрю на них. Что? Зачем мне это? Проверю, не является ли кто тем самым парнем, который, согласно церковным книжкам, должен либо спасти нас всех непонятно от чего, либо уничтожить мироздание. Опять же, неясно зачем. Как я узнаю нужного, спрашиваете? Почую.” Это так будет выглядеть?

— Если бы не многолетняя дружба, Уильям, клянусь Святым Кетером, ты бы уже зубы с пола собирал, — прорычал Осберт. Он одновременно и привык, и нет к тому, что окружен людьми, вере сильного значения не придающим. Чаще всего такой расклад слегка удручал Ланса, но бывали моменты, когда было сложно подобрать слово, которое бы в должной мере характеризовало смесь отчаяния и ярости, побуждаемых в профосе его друзьями или семьёй.

— Могу вернуть любезность: если бы не дружба, я бы тебя скрутил и потащил в первую попавшуюся церковь. Есть у меня подозрение, что сами святоши тебя бы сочли безумцем и никуда не пустили.

Осберт, хмурясь, достал из-под стола сумку, которую всюду носил собой. В ней хранились его скромные пожитки: кошель, “Предвестие о Третьем”, образа, небольшой портрет племянника и курительный набор. Он вынул трубку и принялся набивать её отсыревшим табаком. Несколько дней назад он умудрился обронить кисет в море, и трава так до конца и не высохла за это время.

— Мне порой кажется, что я один во всём нашем государстве верую.

— Не говори глупостей, — пробурчал Эрколе, отодвигаясь подальше. Люмиотец не любил запаха табака. — Просто у всех остальных есть чем заняться, кроме как гоняться за выдумками. Все эти твои “знаки явления Третьего” не впервой появляются, а самого Теургита так и не видно что-то.

Осберт принялся мучить своё огниво, поглядывая из-под густых бровей на Сфорцу.

— Сделаю вид, что я этого не слышал.

— Мы ходим по кругу, — устало резюмировал Уильям. Он помахал рукой разносчице, и она тут же подлетела к столу. — Сударыня, не считите за грубость, вы свободы в ближайший час?

Девушка, довольно раскрасневшись от уважительного обращения, столь редкого в этом забытом Творцом месте, плавно вильнула бёдрами.

— Смотря с какой целью господин спрашивает.

— Мой друг на днях вернулся из дальнего плавания и, признаться, соскучился по женской ласке, но слишком застенчив, чтобы самому просить о подобной услуге. Видите, какой смурной сидит? Это он так стесняется. Не составите ему компанию? А мы с моим вторым другом в ответ на такую щедрость закажем ваши самые лучшие пойла и мяса, да побольше. Кстати, прошу меня простить, сразу не спросил, как вас зовут?

— Джейни, господин, — ответила девушка, стреляя понимающим взглядом в Осберта. — Я свободна сегодня весь день.

— Чудесно, — очаровательно улыбнулся Уильям. — В таком случае передайте хозяину наш заказ. Сейчас мы закончим разговор, и наш друг к вам подойдёт.

— Буду ждать, — девушка тряхнула рыжей шевелюрой, собранной в толстую косу, и отошла, напоследок нежно проведя рукой по плечу Осберта. Мужчина неприязненно вздрогнул. Жест Уильяма ему был понятен, но не желаем. Некогда. Нужно немедленно отправляться в дорогу. Он уже сообщил всё, что хотел, друзьям, их понимания не требовал.

— Ты хочешь, чтобы я заразился постельной хворью и слёг? Думаешь, это меня останавливает? Или же трактирная потаскушка убьёт мою веру своими талантами? Уильям, да ты шутишь!

— Да нет. Видится мне, что ты просто не знаешь куда себя деть. Служба на флоте тебе не по нраву. Управлять хозяйством ты тоже не любишь. Лезть в дела рода честь не позволит — наперекор брату и племяннику ты не пойдёшь. Вот и маешься от скуки, — Уильям подвинул к себе остатки картофеля и принялся их с завидной скоростью уничтожать. Еда была изничтожена за доли минуты, и адмирал довольно выпрямился.

Осберт наконец закурил. К потолку поднялся сверх меры белесый клубень дыма. Года два назад он сам так же “успокоил” буйного племянника, когда возраст стал мешать трезво соображать. Им сейчас руководили как перевозбужденным подростком, и это немного раздражало. Впрочем, будь он на месте Уильяма, и если бы его друг пришёл к нему с заявлением, что отправляется охотиться на болотные огоньки... Нда.

— Я не пойду к ней.

— Пойдёшь. Девушка скорее всего притащит к вам в комнату их самого дорогого вина, бутылки две. Ты их выпьешь, мы заплатим. Пойдёшь с ней в постель и поднимешься на ноги только к вечеру, когда протрезвеешь. Затем затребуешь холодной воды, чтоб умыться. Прочи-стишь голову и подумаешь о своей аванюре, хорошенько подумаешь, а не в угаре истинного теургийца. И вот тогда мы поговорим ещё раз, на этот раз спокойно, а ты попробуешь услышать то, что мы тебе пытаемся донести.

Эрколе, уворачиваясь от табачного дыма, добавил от себя:

— Нас пригласил начальник порта. Хочет показать чертежи новых фортификаций. Мы и ещё с полдюжины офицеров будем картёжничать у него. Приходи, как утомонишься, — помол-чав, он добавил с завистью: — А девушка-то задорная, ты всяко лучше время проведёшь, чем мы.

— Хватит, — Осберт выпустил очередную порцию дыма прицельно в лицо Сфорце. Тот закашлялся. — Я не пойду ни с какой девушкой ни в какие комнаты. Меня ждёт встреча с насто-ятелем Собора Третьего, я еле уговорил его.

— Ну что ж, придётся тебе вечером писать письмо с извинениями, мол, так-то и так-то, прошу меня простить, срочное дело отвлекло, семейного толка, не смог уклониться, — Уильям изобразил виноватую улыбку, а затем враз посерьёзней: — Потуши свою гадость, возьми себя в руки и иди отдыхать с задорной Джейни. Не могу поверить, что говорю такое, но это приказ твоего адмирала.

Осберт зло лязгнул зубами о мундштук трубки.

— Я два дня как не состою во флоте.

— Хорошо, тогда приказ сюзерена главы твоего рода.

— И как это работает, по-твоему? Мне зачитать положения из табеля о рангах? Хватит!

— Вообще-то это я тебе должен говорить, — усмехнулся Уильям.

Осберт хотел и на это совсем по-детски огрызнуться, но подошла Джейни с тремя бутыл-ками вина, две из них поставила на стол, а одну прижала между грудей и подобострастно про-тянула:

— Господа так много говорят.

— Полностью согласен с вами, сударыня. Нам нужно немедленно исправляться, — Уильям почесал висок, ладонью отгораживаясь от девушки и тихо прошипел Осберту: — Встал.

Бывший профос поднялся, бросив свирепый взгляд на друзей, повесил свои плащ с сум-кой на предплечье и смиренно кивнул Джейни:

— Веди.

Она рассмеялась и, ухватив Осберта за руку, резво повлекла за собой к двери в дальнем углу кабака, отчего он чуть не выронил трубку. У неё была горячая кожа, отчего мужчина мысленно чертыхнулся, вспоминая свои же слова о постельной хвори. Видимо, они были про-роческими. Не видать ему поисков Третьего, как и здоровья. Сляжет, видит Кетер, сляжет он после забав с этой толстушкой! Её ведь наверняка весь стрейсторский флот перепробовал.

Хозяин, что-то записывающий в учётную книгу у стойки, проводил их довольным взгля-дом.

*

Осберт Ланс рос тихим мальчиком, с детства предпочитал книги, а особенно церковные, любым подвижным играм. Старший брат, вечно весёлый Винсент, старался как мог его рас-тормозить и увлечь фехтованием или солдатиками, но все попытки оканчивались неудачами. Осберт любит брата, это безусловно, но считал его развлечения глупыми и однообразными. В чём смысл выстраивать оловянных Джонов и Джеймсов в шеренги перед не менее оловян-

ным генералом Д'Омервалем, если все они — всего лишь игрушки, которые после неумолимой победы лягут ждать следующей партии в пёстро разукрашенный сундук? Гораздо важнее житие Святого Кетера, в котором не раз и не два даются намёки, а порой и прямые указания, как изменить себя и мир к лучшему.

Естественно, повзрослев Осберт изменил своё мнение о детских развлечениях. Когда родился Томас, его племянник, он не раз и не два присоединялся к малышу в партиях, разыгравая бывшие сражения на огромной резной карте Святой Империи и подспудно обучая военным хитростям. Он специально повторно проштудировал многотомные труды генералов и адмиралов былого, чтобы знать, чему и как учить наследника их гордой фамилии. Он помнил их в общих чертах после своего детского обучения, но крохе Томасу нужно было давать реальные знания, а не размытые воспоминания.

Когда Осберту было четырнадцать, он невольно подслушал спор родителей. Они часто расходились во мнениях о воспитании младшего наследника, но впервые их разногласия переросли в настоящую ссору. Отец жаловался, что из сына растёт священник, а не моряк, что очень злило его, ведь Лансы — потомственные мореходы. За последние триста лет каждый из представителей их рода дослужился как минимум до капитана, а пару поколений назад знаменитый Джордж Ланс и вовсе стал адмиралом и выиграл немало сражений, чем принёс небывалую славу фамилии. Мать же возражала ему, защищая сына, говорила, что тихий нрав младшего отпрыска — это замечательно, ведь два амбициозных ребёнка вечно будут соревноваться, и в конце концов детские соревнования могут перерасти в настоящую вражду. Она напоминала своему супругу о его же старшем брате, который, как было официально объявлено, умер от остановки сердца, и намекала, что ей прекрасно известно: здоровье почившего Ричарда Ланса было отменным. Тогда, услышав ссору родителей, Осберт вернулся в свою комнату, заперся на ключ и долго думал. На утро объявил, что хочет уйти в монастырь и стать первым Лансом, принявшим постриг. Его не пустили. Это был первый и последний раз, когда отец поднял на него руку. Осберт, сжимая зубы, вытерпел наказание.

Отчаянная выходка принесла нужные плоды: отец потребовал с сына слова, что он никогда уйдёт в церковь, а достигнув совершеннолетия, запишется во флот кем угодно, хоть простым матросом. Осберт, тихий и верный, слово сдержал, а отец более не возражал против его увлечения писаниями. Какая разница, чем непутёвый сын занят в свободное время, если в итоге он всё равно окажется там, где и должно?

Мать умерла вскоре после совершеннолетия Осберта. Отец прожил долгую жизнь и погиб в Трёхлетней войне во время одного из сражений за остров Эзон. Его корабль пошёл ко дну, многие моряки из команды успели спастись и передали, что старик Ланс ушёл к Творцу быстро и безболезненно — хархирское ядро попало ровно ему в голову, разможив её. Тело так и не нашли, отчего в фамильном склепе прибавилось пустых ниш, принадлежащих усопшим только табличкой с их именем, но не на деле.

Смерть отца и окончание войны стали избавлением для Осберта. Во-первых, более он не обязан прозябать во флоте, в конце концов он не обещал служить вечно, а оставался в звании только для успокоения расшатанных нервов отца. Во-вторых, в один прекрасный день его осенило: главным знамением пришествия Третьего во всех писаниях было “трое наследников трёх путей в конце трёх лет страха откроют дверь, через которую придёт Третий”. Всё сходилось! У Императора три ребёнка, а война продлилась ровно три года! Неясной была только часть о разных путях наследников, но, если заняться изучением, Осберт был уверен, и это можно было выяснить. На радостях от собственного открытия он написал письмо Винсенту. Ответ от брата был скудным, но понимающим. Он просил одного: сдержать слово и не становиться священником. Вместе с письмом Винсент прислал деньги на расходы, а в свёртке с ними отдельную записку: “Дом всегда будет домом. Отправляйся, куда заблагорассудится, но рано или поздно вернись.”

Осберт и не рассчитывал на поддержку, хотел даже отправить деньги обратно, но подумал, что, раз это не взятка и не отдарок, а искреннее желание помочь, то можно их принять. Он рассчитал, что их должно хватить на три года в пути, а если найти место появления долгожданной “двери” раньше, то и на пять-шесть лет. Этого было вполне достаточно. Скорее всего Третий не заставит себя ждать.

Не теряя времени, Ланс написал рапорт своему начальнику с просьбой немедленно сложить с него полномочия профоса, а сразу после этого пригласил своих друзей — Эрколе и Уильяма — на встречу. Он не мог уехать не попрощавшись.

*

Покидая кабак, Осберт решил, что сделает крюк: не пойдёт сразу в дом начальника порта, а заедет в город, где купит лекарство от всех самых распространённых видов постельной хвори. Эрколе был прав — Джейни и правда оказалась прехорошенькой, но кожа девицы всё-таки очень подозрительно горела внутренним жаром, столь привычным для болезней такого сорта.

Медикус, удивительно молодой для лавки с таким обширным ассортиментом, да ещё и на главной площади Карногата, быстро нашёл нужное снадобье. Расплатился Осберт ещё деньгами из своего жалования. Подарок Винсента он намеревался использовать исключительно по прямому назначению.

Дом графа Эшфорда был украшен к грядущему Маскараду: на окнах висели длинные светло-зелёные знамёна, ближе к концу которых красовались переплетённые между собой гербы Императорской династии и старейшего калфейского рода Хиорисписов — дома, из которого вышел Святой Кетер, основав вместе с Империей и новую фамилию.

У входа Осберта встретили и забрали коня, заверив, что как раз на днях из столицы привезли новый овёс, особенно полезный, совсем недавно выведенный учёными мужами Шоттской Академии как раз для здоровья боевых лошадок защитников Империи. Ланс на это только хмыкнул.

Особняк был забит офицерами. Какие “полдюжины”? Здесь весь стрейсторский флот в полном составе гулял! Господа пили, раздевали друг друга в карты и всячески развлекались, для них Маскарад уже начался. В нескольких комнатах играли музыканты, а в главной зале на возвышении неизвестные Осберту артисты давали представление. Играли “Грозу сэра Мильтиада” — пьесу об одном из сражений времен Основания Империи. Хоть битва произошла и на суше, по какой-то неясной причине эта история очень нравилась морякам, и её часто ставили в театре Карногата. Видимо, артистов пригласили оттуда-же.

Побродив по дому с полчаса, так и не найдя своих друзей, Осберт пристроился к компании офицеров младшего ранга, решившим разнообразия ради не сыграть в карты, а погадать на них. Они оккупировали небольшой столик на террасе, где главный из них — какой-то люмиотец — приглашал любого желающего сесть напротив и узнать свою судьбу. Осберт вызвался, желая получить добрые вести о грядущем приключении. Обрисовав свой вопрос как мог более мутно — он всегда помнил, что знать реагирует на предположения о скором пришествии Третьего с большой долей скептицизма — и принялся ждать. Люмиотец долго тасовал колоду, а когда наконец достал три карты, то толпа зевак, окружавшая стол, дружно ахнула.

— У меня печальные вести для вас, сударь, — с патетическим вздохом объявил импровизированный провидец.

— Какие же?

— Ваши странствия приведут к тому, что вы так желаете получить, но забрать награду вы уже не сможете. Её возьмут другие, а вы даже не успеете узнать, чем закончились поиски: старушка смерть примет вас раньше.

Осберт нахмурился.

— И вы это поняли по тузу, шестёрке и десятке?

— Да, сударь. Видите ли, туз — это победа, абсолютная и безоговорочная, но эта карта чёрной масти. В таком случае говорят, что пожинать плоды будет кто-то другой. Две другие же карты указывают на смерть и время. Они обе синие, а значит относятся к одному событию. Из всего этого заключаю, что вы погибните раньше, чем найдёте то, что ищете.

Осберт сухо поблагодарил люмиотца, вставая. На прощание бросил:

— Обычно гадают, чтобы развеселить и поднять настроение. От этого только больше людей захотят к вам прийти узнать будущее. Это любая деревенская ведьма знает.

— Ну что вы! — крикнул вдогонку провидец. — Я же не могу спорить с картами!

Ланс отошёл в другую часть террасы и, облокотившись на перила, достал из-за пазухи курительный набор. Настроение упало, пробив метафорический пол. Мужчина скорбно набивал трубку, стараясь не думать о Третьем. Вместо этого он рассуждал, как составить письмо с извинениями для настоятеля. Нужно было обязательно с ним встретиться до праздников. Только этот человек, истовый в своей вере, обладал связями, чтобы снабдить Осберта дорожной грамотой подходящего порядка.

Ланс выяснил, что “дверь” для пришествия скорее всего появится там, где началась Трёх-летняя война, а началась она с острова Монтехо, извечной спорной территории марша Хархира и Кетерата. В марше сменилась власть и новый правитель, совсем молодой и неопытный, решил укрепить своё положение при дворе, отбив остров, о котором грезил многие поколения его предшественников. Война закончилась закономерно: Империя разгромила силы Хархира, а дурака, решившего, что щуплая одинокая гиена способна побороть матёрого льва, убили свои же. Объявление войны было решено считать изменой, а измена карается смертью во всех существующих государствах.

Несмотря на победу, Кетерат понёс значительные потери, расшевелившие столичных толстосумов. Стали выделяться деньги на обновление флота и армии. Чертежи для новых фортификаций, которые хотел показать начальник порта — это как раз одно из улучшений, планировавшихся по всей Империи. Но это было не столь важно для дела Осберта. Важным было главное лишение государства — остров Монтехо. Хархирцы его так и не смогли захватить, но не раз умудрялись высадиться, особенно в первые месяцы войны, и в своей недалёковидной злобе сожгли обширные плодородные поля, покрывавшие этот далёкий край. В Империи было три “житницы” — Саланийское герцогство, где располагались столица и Карногат, герцогство Кат и марка Монтехо. Одно из них теперь не поставляло урожай и требовало долгое время на восстановление. Если верить слухам, сами монтехийцы подожгли свои земли, то ли чтобы Хархир потерял к ним интерес, то ли наоборот, хотели ослабить защитников, тем самым приблизив конец войны.

В Монтехо нельзя было попасть просто так. Нужна была веская причина. Сейчас на остров никого не пускали, кроме военных, а судя по словам недавно вернувшегося со службы знакомого Осберта, там активно проводились сыскные мероприятия: императорские юдексы искали виновников-поджигателей. Видимо, часть правды в слухах была, а хархирцы не жгли поля, которые так стремились заполнить.

Осберт как раз размышлял над окончанием своего письма настоятелю, когда вдруг заметил знакомую макушку. По набережной перед террасой шла пара, и если рыжую красавицу Ланс видел впервые, то вот непослушные кудри любимого племянника он бы узнал из тысячи.

— Томас! Том! — воскликнул Осберт, радостно помахивая трубкой.

Молодой Ланс вздрогнул от окрика и быстро нашёл его источник. Он испуганными глазами вытаращился на дядю, а затем схватил свою спутницу под руку и зашагал, чуть ли не побежал, прочь.

Осберт отпрянул как от удара. Такого он не ожидал, они всегда были дружны, а детстве племянник любил его чуть ли не больше, чем родного отца. Что могло произойти за тот год,

что они виделись? Или произошло недавно? Том узнал, что дядя отправляется искать Третьего и решил отречься от него, как от прокаженного? Стеснялся перед своей дамой за семейного сумасшедшего? Что..?

— А, вот ты где! А мы ищем, — на плечо Осберта легла тяжелая мозолистая ладонь Уильяма. — Идём. Граф выделил нам отдельные комнаты под пьянки, нас он уже обработал своими бреднями, не влезающими ни в какие дотации от короны, теперь обработай ты нас своими планами. Мы обещаем, что всё выслушаем, и даже не будем перебивать. Ну... я обещаю. По поводу Эрколе не уверен, ты его знаешь.

Осберт сдавленно кивнул, смотря вслед Томасу и его рыжей пассии. Ему хотелось сказать Уильяму, что старания навязанной ему Джейни пошли прахом, но он решил пощадить чувства друга, поэтому лишь натя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.